

С.Б. ЛУНИНА
ГОРОДА ЮЖНОГО
СОГДА
В VIII–XII ВВ.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. В. И. Ленина

С. Б. Лунина

ГОРОДА ЮЖНОГО СОГДА В VIII—XII вв.

Ответственный редактор
член-корреспондент
АН УзССР Г. А. Пугаченкова

Ташкент
Издательство „Фан“ Узбекской ССР
1984

В монографии рассматриваются процесс урбанизации Южного Сог-
да в период развитого средневековья, типология городов и поселе-
ний городского типа в регионе, прослеживается динамика их разви-
тия. Впервые для долины Кашкадарьи исследуется стратиграфия сред-
невековых памятников. Описаны остатки ремесленных производств, вы-
делены этапы развития керамического производства.

Для археологов, историков, студентов гуманитарных факультетов
вузов.

Р е ц е н з е н т ы

кандидаты исторических наук Э.В.Ртвеладзе, А.С.Сагдуллаев

Светлана Борисовна Лунина
ГОРОДА ЮЖНОГО СОГДА В УШ-ХП вв.

Утверждено к печати
Научно-техническим советом Минвуза УзССР и
Ученым Советом ТашГУ

Редактор А. Давронова
Корректор Л. Дамаева
ИБ № 2890

Подписано в печать 28.03.84. Р - 02813.
Формат бумаги 60х90 1/16. Бум. для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл.п.л. 9,25. Уч.- изд.л. 7,8.
Тираж 1180 экз. Цена 1р.20 к. Заказ 1134

Издательство "Фан" УзССР, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Картфабрика Института "Узгипрозем", Ташкент, ул. Мукаими, 176.

Л 0507000000 - 2606 22 - 84
М355(04) - 84

© Издательство "Фан" Узбекской ССР, 1984 г.

ВВЕДЕНИЕ

История средневекового города относится к числу важнейших проблем, изучаемых историками и археологами. "Для эпохи средневековья одной из центральных проблем остается проблема средневекового города, динамики его развития, изучения сосредоточенных в городе производств и положения непосредственных производителей"¹. Б.А.Рыбаков писал: "Историзм археологии определяется не только прагматическим изучением древностей разных эпох, но и решением важнейших исторических проблем: история хозяйства, история социального развития, история религии и искусства, этногенез и миграция древних племен, проблема возникновения государственности, проблема развития античного или средневекового города, история торговли, проблема взаимосвязи культур и т.д."²

Развитие городов тесно связано с социально-экономической формацией, в рамках которой они возникали и развивались. С другой стороны, степень насыщенности тех или иных районов городами, их структура, размеры, динамика развития могут служить одним из показателей особенности развития регионов в пределах одной социально-экономической формации.

Разные темпы и размеры урбанизации в развитое средневековье (УШ-ХП вв.) в Средней Азии объясняются особенностями исторического процесса в предшествующие периоды, достигнутым уровнем социально-экономического развития, природными факторами, тенденциями политической жизни, явлениями демографического порядка.

Подчеркивая повторяемость общих явлений, свойственных одной социально-экономической формации, В.И.Ленин особо отмечал необходимость конкретного научного анализа. Он писал: "Анализ материальных общественных отношений... сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки

¹ Вопросы советской науки. Археологические изыскания и изучение древней и средневековой истории Туркмении (1969-1975 гг.). Ашхабад, 1969, с.5.

² Рыбаков Б. А. Историзм археологии. - КСИА, Вып. 152, 1978, с.5.

зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им"¹.

К этому базисному ленинскому положению постоянно обращаются, конкретизируя его, советские историки. Так, Е.М.Жуков указывал, что социально-экономические формации представляют собой определенные стадии в организации общества, однако в рамках этих стадийных типов общественного развития наблюдалось значительное разнообразие конкретных форм². При этом особенности различных регионов могут затрагивать в отдельных случаях не только надстройку, но и базис, "хотя и в ограниченной степени, поскольку экономические отношения являются определяющими по отношению к формации в целом"³.

Особенности развития формации сказываются, в частности, на развитии городской жизни, степени дифференциации города и деревни. Изучению городов каждого региона должен сопутствовать конкретно-исторический анализ.

Возможность урбанизации и ее уровень, в первую очередь, были связаны с достигнутым обществом уровнем разделения труда, отделения ремесла от сельского хозяйства, развитием самого ремесла, его специализацией. Для образования городов важное значение имели экономические факторы, в частности развитие торговли, внутренних и внешних рынков, наличие и характер торговых путей.

Уровень урбанизации зависел от различных градостроительных условий в разных регионах, зонах: ландшафта, особенностей климата, водоснабжения, наличия материально-сырьевых ресурсов (возможности получения сырья для развития различных видов ремесла и топлива для обогрева жилья и функционирования ремесленных производств), а также условий в округе для орошаемого или неорошаемого земледелия и развития сельского хозяйства в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 137.

² Жуков Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономической формации. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975, с. 12.

³ Там же, с. 19.

связи с необходимостью обеспечения жителей города продовольствием. Несомненно, что стимул к дальнейшему росту и качественному скачку (от поселений к городу) получали лишь те поселения, где комплекс ландшафтно-климатических и природно-сырьевых условий был наиболее благоприятным.

Образование городов было связано также и с политическими факторами (наличие сильного политического объединения, обеспечивающего возможности экономического развития, сознательная политика градостроительства и пр.).

Перечисленные факторы по-разному сказывались на отдельные регионы Средней Азии и, в частности, на Кашкадарьинский оазис, составлявшем южную часть территории Согда, одного из районов древней земледельческой культуры Средней Азии.

До недавнего времени сведений о горстах южного Согда V-VII вв. почти не было. Однако нам не пришлось "начинать с нуля". Огромное значение для исследователей истории Кашкадарьи имеют труды В.В.Бартольда, выполнившего гигантскую работу по извлечению данных из письменных источников по истории Средней Азии и их обобщению. Подобная работа сделана им и по историческому прошлому Кашкадарьинского оазиса¹. Для нас особенно важны разделы, касающиеся средневековой истории этого региона и его городов.

Для понимания истоков городской культуры развитого средневековья большое значение имеют многолетние исследования С.К.Кабанова, изучившего период раннего средневековья². Следует отметить работы археологов Р.Х.Сулейманова, Н.И.Крашенинниковой, З.И.Усмановой, А.С.Сагдуллаева по изучению памятников ранних периодов истории Кашкадарьи. Существенный вклад в изучение истории орошения внесли А.Р.Мухамеджанов, Я.Г.Гулямов. Немало работ о памятниках

¹ См.: Бартольд В. В. Соч.: В 9-ти т. М.: Наука, 1963. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия; 1965. Т. 3. К истории орошения Туркестана.

² Кабанов С. К. Нахлеб на рубеже древности и средневековья (III-VI вв). Ташкент: Фан, 1977; Оязов. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. (По материалам исследований в зоне Чимкуртанского водохранилища). Ташкент: Фан, 1981.

Кашкадарья и ее истории написано М.Е.Массоном¹. М.Е.Массон — инициатор создания Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ) кафедры археологии ТашГУ им.В.И.Ленина, организованной в 1964 г. и ведущей работы в области до настоящего времени. Следует отметить, что усилия многих ученых направлены на выявление и изучение средневековых архитектурных памятников региона².

Сведения источников о городах долины Кашкадарьи периода развитого средневековья приведены О.Г.Большаковым в книге "Средневековый город Средней Азии", где он отметил, что письменные источники не дают сведений для суждения о состоянии городов, а археологические данные пока отсутствуют³. За время, прошедшее после написания указанной книги, накоплен обширный археологический материал.

В низовьях Кашкадарьи в настоящее время работы по изучению средневековых памятников проводит Институт археологии АН УзССР (Б.Д.Кочнев, С.К.Кабанов и другие), а в средней части долины и в верховьях реки — КАТЭ.

С момента создания КАТЭ изучение городов разных периодов стало одной из главных задач экспедиции. Все эти годы автор постоянно участвовал в работах экспедиции, собирая материал по фиксации, обследованию, выявлению ранее неизвестных объектов, стратиграфическому и раскопчному изучению городов и поселений Южного Согда VIII—XII вв. Результаты этого изучения отражены во многих

¹ М а с с о н М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент; Фан, 1973.

² М а с с о н М. Е., П у г а ч е н к о в а Г. А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке. Ташкент, 1953. (Труды/САГУ им.В.И.Ленина; Вып.49); П у г а ч е н к о в а Г.А. Неизвестные архитектурные памятники горных районов Узбекистана. — В кн.: Искусство зодчих Узбекистана. III. Ташкент: Фан, 1965; М а н ь к о в - с к а я Л.Д. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент: Узбекистан, 1979; и др.

³ Б е л е н и ц к и й А.М., Б е н т о в и ч И.Б., Б о л ь ш а к о в О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.:Наука, 1973, с.190.

статьях^I. Предлагаемая читателю книга – первая попытка обобщения собранных материалов.

В связи с созданием археологической карты области отрядами КАТЭ велась тщательная фиксация всех категорий средневековых памятников. Мы благодарны сотрудникам экспедиции за указания на некоторые важные для нас археологические объекты.

^I См.: Л у н и н а С. Б. О возможном отождествлении Наукад-Курейша. – Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент, 1975. (Труды /ТашГУ им. В.И.Ленина; Вып. 473); О н а же. Здание X–XI вв. на Алтынтепе. – Материалы по истории, историографии и археологии. Ташкент, 1976. (Сб. научных трудов/ТашГУ им. В.И.Ленина; № 517); О н а же. Разведочное обследование группы средневековых городищ и поселений долины Кашкадарьи. – Археология Средней Азии. Ташкент, 1977. (Сб. научных трудов /ТашГУ им. В.И.Ленина; № 533); О н а же. Типология и динамика развития средневековых городов Кашкадарьинского оазиса. – Строительство и архитектура Узбекистана, 1981. № 6; и др.

КАШКАДАРЬИНСКИЙ ОАЗИС

Кашкадарьинский оазис расположен на юге Узбекистана. С запада на восток он вытянут примерно на 300 км, с севера на юг — на 200 км. Наиболее выраженными естественными границами его являются Зеравшанский и Гиссарский хребты с отрогами. На севере и северо-западе оазис смыкается с долиной Зеравшана, но на большом протяжении долину Кашкадарьи от бассейна Зеравшана отделяют отроги Зеравшанского хребта, горы Каратапе и Чакылкалян. По территории Джамской степи проходит небольшой водораздел, делящий ее на северную (Самаркандскую) и южную (Кашкадарьинскую) части. Этот водораздел также можно считать частью естественной границы оазиса. На западе оазис вытянут почти до долины Амударьи. Территория его раскинута по обеим сторонам от основной водной артерии — реки Кашкадарьи.

Река Кашкадарья имеет протяженность свыше 300 км. Основными ее притоками по левобережью являются Джиньдарья, Ак-су, Танхоздарья, Гузардарья, по правобережью — Аякчисай.

Сотрудники специального отряда под руководством Я.Г. Гулямова доказали, что Кашкадарья до XII в. периодически впадала в Зеравшан (его нижнее течение)¹. Позднее древний приток Кашкадарьи, впадающий в Зеравшан вблизи средневекового городища Пайкенд, был прослежен и картирован А.Р. Мухамеджановым².

Кашкадарья, таким образом — древний приток Зеравшана, а он, в свою очередь, — древний приток Амударьи. Однако, если связь Зеравшана с Амударьей прекращается постепенно с конца неолита³, то

¹ Гулямов Я. Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зеравшана. — ИИКУ. Вып. 6. Ташкент, 1965, с. 21.

² Мухамеджанов А. Р. История орошения низовьев Зеравшана. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1973, с. 16.

³ Там же, с. 29.

связь Кашкадарьи с Зеравшаном, как указано выше, оказалась более длительной, продолжалась еще и в период развитого средневековья.

Второй рекой бассейна по водоносности считается Яккобагдарья (именуемая также Кизылдарьей) длиной свыше 100 км. Вблизи сел.Яккобаг река разделяется на два рукава – Карабаг и Кизылсу, впадающую в Танхоз. По руслу Кизылсу воды Яккобагдарьи доходят до Кашкадарьи¹. Стекающая с гор Лянгардарья разбирается на орошение и заканчивается в средней части долины. Небольшая река Гульдара также заканчивается по выходе на равнину.

Считается, что водные ресурсы бассейна складываются не только из стока рек, но и из стока мелких водотоков типа саев, родников горной и равнинной части².

Очевидно, не только для современного, но и для древнего периода немалое значение имело то обстоятельство, что колебания водоносности в бассейне Кашкадарьи отличаются довольно высокой синхронностью, и в многоводные или маловодные годы соответственно избыток или недостаток воды наблюдается во всех реках бассейна, что ставит хозяйство Кашкадарьи в тяжелое положение одновременно во всех районах³. Объясняется это тем, что основное питание реки получают за счет таяния снегов, грунтовых вод и родников. Гораздо меньшую роль в общем водном балансе играет ледниковое питание.

Территорию Кашкадарьинской области слагают горные районы, предгорные, адирные и обширные пространства равнин. Адирные полосы обрамляют равнину. Выделяются Каратепинские, Миракинские, Яккобагские, Гузарские адир.

Равнина сложена аллювиальными и пролювиальными отложениями, вынесенными стекающими с гор реками и саями. Равнинные пространства занимают больше половины площади. В настоящее время на равнине в зависимости от характера климата, гидрологических и хозяйственных условий выделяются Китабо-Шахрисабзский, Китабо-Камашин-

¹ Кашкадарьинская область. Т. I. Кн. I4. Природа. Ташкент, 1959, с.94.
(Труды/САГУ им.В.И.Ленина. нов.сер. Географические науки: Вып. I55).

² Там же, с. I I8.

³ Там же, с. I27.

ский, Кокдалинский, Карши-Гузарский и Нижнекашкардарьинский районы (по другим данным, выделяются такие агроклиматические районы как Сундуклинский, Каршинский, Китабский, Гузарский).

Определенную площадь занимают Джамская, Карпинская, Нишанская степи. Наконец, на крайнем западе области расположены пески Сундукли.

Китабо-Шахрисабзский агропочвенный район занимает площадь в 41 тыс. га, считается наиболее водообеспеченной частью Кашкардарьинской области. Почвы в основном лугово-сероземные^I, в настоящее время полностью освоены под орошаемые культуры. Китабо-Каматинский район сложен преимущественно сероземами, характеризуется большой годовой суммой осадков (увеличение осадков в долине Кашкардарьи наблюдается с запада на восток). Условия благоприятствуют развитию орошаемого земледелия.

В Кокдалинском районе, расположенном по правобережью Кашкардарьи, из-за повышенного рельефа поверхности затруднено применение искусственного орошения. На этой площади имеются постоянные и временные водотоки (Калкамасай, Аякчисай, Макридсай, Шурабсай и др.). Тугайные пастбища создаст возможность для развития скотоводства. Распространено богарное земледелие.

Карши-Гузарский район представляет собой равнинную поверхность, переходящую в предгорья. Здесь развиты светлые сероземы, имеются пятна солончаков. Район характеризуется низкой суммой осадков, сухим жарким климатом.

В Нижнекашкардарьинском районе расположены пустынные низменные равнины, распространены такыры, солончаки, песчаные пустынные почвы. Очевидно, и в древности район был слабо обводненным. Следует отметить коричневые почвы среднего пояса гор, благоприятные для развития арчевников и кустарников (дикий миндаль, дикая вишня), и горно-луговые почвы высокогорий.

Таким образом, для Кашкардарьинского оазиса характерно сочетание различных типов природного комплекса. Особенности физико-географических и климатических условий создавали предпосылки для развития животноводства (в предгорьях и горном поясе, в Нишанской и Джамской степях), богарного земледелия (в Джамской степи,

^I Там же, с. 179.

в предгорных равнинах) и орошаемого (на хорошо обводненных равнинах и, частично, в предгорных долинах). В горной части сосредоточены месторождения полезных ископаемых.

Долина Кашкадарьи в древности составляла часть территории Согда, одного из древних историко-культурных регионов Средней Азии. Вместе с тем, горное окружение обуславливало некоторую обособленность района.

Ибн-Хаукаль отмечал, что по утверждению некоторых, Бухара, Кеш и Несеф, составляя округа Согда, находятся в управлении отдельного дивана¹. Этот же автор отметил и общие для всего Согда черты: весь Согд довольно однообразен в смысле здоровья, плодородия, растительности, плодов и посевов².

Таким образом, древние авторы подметили определенное сходство природных условий в долинах Зеравшана и Кашкадарьи.

В первую очередь, с отмеченными физико-географическими условиями связано раннее выделение двух крупных историко-культурных районов внутри оазиса — западного и восточного. Уже в античную пору упоминаются области Ксениппа и Наутака. М.Е.Массон считает, что Наутака располагалась в западной части, в низовьях Кашкадарьи, а главному городу области, носившему то же название, соответствуют развалины городища Еркурган³. Ксениппа же располагалась на востоке оазиса и остатки ее главного города связаны со слоями античного периода в основании современного Китаба. Существует и другая точка зрения, согласно которой Наутака находилась в верхней части долины, а Ксениппа — в нижней⁴.

Позднее, уже в пору раннего средневековья, западная и восточная области соответственно получили название Нахшеб и Кеш, затем Нахшеб был переименован в Несеф.

Кеш орошали воды Кашкадарьи, Танхоза, Аксу, Яккобагдарьи,

¹ Бетгер Е. К. Извлечение из книги "Пути и страны" Абу-л-Касима Ибн-Хаукаля. — Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957, с.14. (Труды САГУ им.В.И.Ленина; Вып. 111).

² Там же, с.19.

³ См.: М а с с о н М. Е. Столичные города..., с.10.

⁴ К а б а н о в С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья..., с.87.

Лянгардарьи, частично Гузардарьи, Несеф – Кашкадарьи и Гузардарьи. Район Кеша характеризуется обилием осадков, большей площадью плодородных земель. В западных районах, напротив, значительные площади, занимаемые степями и полупустынями, районы эти более засушливы.

С.К.Кабанов указывает, что на обособление областей в III–V вв. влияли и этнические процессы¹.

Возможно, своеобразие двух зон в пору развитого средневековья определялось не только природно-климатическими особенностями и традиционным существованием издревле двух историко-культурных районов – Кеша и Несефа, но и традиционными связями с двумя "супер-городами": западных районов с Бухарой и восточных с Самаркандом. Поэтому на долину Кашкадарьи накладывался своеобразный отпечаток культуры соответствующих городов. Связям с Бухарой благоприятствовало прохождение путей по равнинной местности. Самарканд же, хотя и был расположен за горным хребтом, издревле был связан с Кешем дорогами, идущими через перевалы Джам, Тахтакарача, а также более далекой, но удобной дорогой, идущей в обход горной системы.

Исторически сложившееся разделение на две историко-географические зоны – Кеш и Несеф продолжало существовать и в позднее средневековье. Так, в документах XV–XVI вв. Кеш и Несеф постоянно упоминаются отдельно, а если речь идет о какой-либо местности или небольшом участке, то обязательно говорится о расположении его "в вилайате Кеш", "в вилайате Несеф" или просто "в Кеше", "в области Кеш", упоминаются они раздельно даже при перечислении крупных регионов, например, в контексте, связанном с упоминанием обращенных в вакф недвижимостях "Мавераннахра, Шаха, Кеша и Несефа"².

Первые земледельческие оазисы возникли в долине Кашкадарьи в пору раннего железа и связаны были с предгорными районами.

¹ Кабанов С. К. Культура сельских поселений..., с. II 5.

² Самаркандские документы XV–XVI вв.: О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане. В кн.: Памятники письменности Востока /факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели Чехович О. Д. Вып. 31. М.: Наука, 1974, с. 369.

Таков Гульдаринский оазис в предгорьях Яккобагского хребта, оро-
 шавшийся протоками сая. Здесь изучали поселение Курганчатепе
 площадью до 2 га с остатками оборонительных стен, возникшее, по
 мнению А.С.Сагдуллаева, в конце первой трети I тыс. до н.э. К
 этому же времени относится и возникновение Бешкутантепе площадью
 0,3 га¹. В Кайрагачском оазисе в предгорьях Яккобагского хреб-
 та открыто поселение Даратепе середины I тыс. до н.э. общей пло-
 щадью до 10 га. Эти оазисы связаны, как правило, с предгорными
 террасами.

В долине такие оазисы размещаются лишь небольшими остров-
 ками среди обширной неосвоенной зоны. В IX-VIII вв. до н.э. скла-
 дывается поселение на площади Эркуртана. Памятник середины
 I тыс. до н.э. Караул-тепе был открыт в Каршинском оазисе близ
 городища Бабакент-тепе². В это же время земледельческие племена
 начинают шире осваивать равнинные районы. Так, комплексы керами-
 ки позднеахеменидского времени обнаружены по джору, находя-
 щемуся на берегу Чимкурганского водохранилища³. Ранее он явно
 был связан с руслом Кашкадарьи. Здесь размещалось довольно круп-
 ное поселение.

Для ахеменидского периода А.С.Сагдуллаев выделяет предвари-
 тельно пять оазисов: Эркурганский, Кизылдарьинский, Гульдарьин-
 ский, Кайрагачский, Танхоздарьинский. Им же высказана мысль
 о возможном расселении здесь бактрийских колонистов-земледель-
 цев, которые могли идти через перевал Акрабат, расселяясь в
 предгорьях, а затем проникая в низовья Кашкадарьи и восточную
 часть долины. Это предположение пока может быть принято как од-
 на из гипотез, нуждающихся в проверке.

Более интенсивные процессы расселения отмечены в античную
 эпоху. Общее возрастание количества населения, необходимость
 обеспечения его продуктами земледелия, с одной стороны, неогра-

¹ Сагдуллаев А. С. Древнесогдийские памятники. — АО
 1978 года. М., 1979, с.560.

² Кочнев Б. Д. Раскопки и разведки в Каршинском оазисе. —
 АО 1976 года. М., 1977, с.529.

³ Усманова З. И., Дресвянская Г. Я. Новые
 данные к изучению памятников Среднего течения Кашкадарьи. —
 Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент, 1974,
 с.19. (Труды/ТашУ им. В.И.Ленина: Вып.473).

ничные пока возможности освоения новых земель под пахоту, полноводность рек и озер, связанная с малым забором воды, с другой, приводят к увеличению площади освоенных земель и количества размещенных на них поселений. Именно в этот период в долине Кашкадарьи впервые возникли города, что, несомненно, было связано с новым этапом социально-экономического развития.

Городище Еркурган (предполагаемая Наутака) имеет трехчастное деление, сложную внутреннюю структуру. Центральная часть городища занимает площадь более 34 га, внешняя стена окружает пространство почти в I кв. км¹.

Установлено, что город возник на остатках поселения IX–VII вв. до н.э., а первый внутренний оборонительный вал – в середине I тыс. до н.э. Основная система фортификации относится к первым векам до н.э.²

Наиболее крупным городом в восточной части был древний Китаб, занимавший площадь свыше 40 га с цитаделью площадью свыше I га³.

В античный период складывались различные типы поселений (сельские поселения разного плана, крепости, усадьбы), но городов этого времени, помимо указанных выше, пока не выявлено.

По распространению памятников (а в связи с созданием археологической карты области проводилась их сплошная фиксация) видно, что основные, пригодные для земледелия районы, освоены в долине в пору раннего средневековья (V–VIII вв.). Для процессов расселения в эту пору характерно сочетание количественного и качественного факторов. С одной стороны, практически осваивалась почти вся территория равнинной части Кашкадарьинского оазиса и его предгорных долин, резко возрастало по сравнению с предшествующим периодом общее количество поселений, с другой – продолжалось вычленение городских структур и увеличение их количе-

¹ М а с с о н М. Е. Столичные города..., с. II и I6.

² С у л е й м а н о в Р., И с а м и д д и н о в М., Т у р е б е к о в М., Н е ф е д о в Н. Основные итоги раскопок на Еркургане. – АО 1976 года. М., 1977, с. 544–545.

³ К р а ш е н и н н и к о в а Н. И. Работы в Китабе. – ОА 1969 года. М., 1970, с. 407; О н а ж а. Изучение цитадели Кеша. – АО 1977 года. М., 1978, с. 527.

ства сопровождалось сложением новых и достаточно разнообразных типов поселений. Расселение происходило по всем основным водным артериям района.

Все эти процессы, несомненно, связаны с новой феодальной формацией. В V-VI вв. отмечалось становление и укрепление новых социальных отношений, в VII в. - общий расцвет Согда, сопровождавшийся ростом товарного хозяйства¹.

Восстанавливая по археологическим материалам социальную структуру Каршинского оазиса, С.К.Кабанов выделил V-VI вв. как период становления здесь феодального строя, а VI-VII вв. как ранний этап развития феодального общества².

В низовьях Кашкадарьи самым крупным раннесредневековым городом, по мнению М.Е.Массона, был город, руины которого сохранились на территории современного города Карши под названием Калаи Захок-и Марон³. Основная часть города, укрепленная стенами, достигала площади 16 га. В центре ее на платформе был размещен замок. Вместе с округой, также обнесенной стеной, площадь города составляла 2,25 кв.км. Расцвет города приходился на V-VIII вв. Считается, что это и есть Нахшеб письменных источников⁴. С.К.Кабанов оспаривает былое наличие внешних стен и застройки за пределами площади в 16 га и считает, что самым крупным городом Каршинского оазиса продолжал оставаться Еркурган и именно он фигурирует в источниках под названиями Нахшеб, Боло, Вала-ам⁵. Очевидно, в данный период в низовьях Кашкадарьи существовали два города, разделенные расстоянием в 20 км.

На Еркургане в III-IV вв. возведено внешнее кольцо стен, построены мощная цитадель, бастион у ворот⁶. Город функционировал в

¹ Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955-1960 гг. - МИА СССР, № 124, 1964, с.241. (Труды/ТАЭ; Т. 4).

² Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже..., с.108.

³ Массон М. Е. Столичные города, с.23-28.

⁴ Там же, с.28.

⁵ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже..., с.125-127.

⁶ Сулейманов Р. Основные этапы развития городища Еркурган: Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания "Античная культура Средней Азии и Казахстана". Ташкент: Фан, 1979, с.11-12.

качестве мощного укрепленного центра с развитым ремесленным производством и служил культовым центром.

Раннесредневековый город на месте Китаба развивался, по мнению Н.И.Крашенинниковой, в пределах площади не более 40 га. В VI в. возведена новая мощная крепость – цитадель размером 175 x 150 м, стены которой возведены из пахсы и прямоугольного сырцового кирпича¹. Город достиг расцвета в VII–VIII вв. н.э. По всей его площади прослеживается культурный слой раннесредневекового периода мощностью до 4 м. Шахристан города имел четверо ворот, в нем находились тюрьма и соборная мечеть².

К числу раннесредневековых городов Кеша следует отнести Бабуртепе (Бабуртепе) в долине Лянгардарьи, имевший цитадель, развитый шахристан и пригород. На территории последнего зафиксирован крупный участок гончарного производства³.

Отмечены также несколько небольших раннесредневековых городов, например, Кургантепе в Китабском районе площадью 7 га с цитаделью и прямоугольным шахристаном⁴. Возможно сложение раннесредневекового города на Саусантепе.

На правобережье Кашкадарьи поселения сосредотачивались по берегам Шурабсая, Макридсая, Аякчисая, Калкамасая, а также вблизи русла Кашкадарьи. Поселений, в которых можно видеть остатки города, здесь не отмечено. Возможно, что поселения городского типа здесь скрыты под развалинами средневековых гордсов (Чандарктепе и других). В районе Джамской стели остатки поселений крайне редки и, очевидно, этот район на протяжении весьма длительного периода был в основном зоной обитания кочевых и полукочевых племен.

Даже при условии обнаружения новых памятников, в которых можно будет усмотреть остатки городов, в целом количество горо-

¹ Крашенинникова Н. И. Раскопки в Китабской крепости. – АО 1971 года. Москва, 1972, с.298.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.188–189.

³ Лунина С. Б., Усманова З. И. Новое о средневековом гончарном производстве в долине Кашкадарьи. – ОНУ, 1977, № 4, с.52.

⁴ Крашенинникова Н. И. Работы в Китабе..., с.407.

дов и поселений городского типа в Кашкадарьинском оазисе IV-VII вв. было небольшим.

В пору раннего средневековья складывалась оазисная система расселения, связанная первоначально с сосредоточением групп поселений в наиболее благоприятных для этого географических зонах по основным речным системам. Осваивались пойменные части среднего течения крупных рек, их дельтовые участки и их притоки с системой более мелких рек. Небольшие поселения часто размещались в самых верхних частях притоков крупных рек. Так, раннесредневековый городок Бауртепе располагался близ Лянгардарьи, а группы мелких поселений, размещенных примерно в радиусе 5 км, приурочены к верховьям притоков. Это хорошо видно и по старым картам, и по сохранившимся в настоящее время поселениям (например, в районе кишлака Пастал). Большинство поселений относится к ранне-средневековому периоду.

Такая концентрация поселений была связана также со складывавшимися феодальными владениями. По данным Г.Я.Дресвянской, в долине Кашкадарьи владения поры раннего средневековья занимали площадь от 10 до 50 кв.км, но могли быть и больше.

С выделением внутри оазисов крупных центров начинает складываться система территориально-административных округов. Последние могли быть крупными, и тогда административным центром становился размещенный на его территории город, и более мелкими. Такие оазисы-округа выделяются по максимальной концентрации поселений в каком-либо районе не только вокруг города, но и вокруг крупного поселения.

Если в основе историко-географической макроструктуры Кашкадарьинского региона лежит выделение двух крупных исторически сложившихся районов — Кеша и Несефа, то основой микроструктуры могут служить небольшие оазисы с последующим выделением внутри них разных категорий поселений.

Очевидно, такие области отражали особенности специфики расселения, концентрации населения в связи с особенностями ландшафта, наличием водных источников и климатическими условиями. Но одновременно такие округа складывались в зависимости от феодальных отношений (размещение поселений вокруг замка крупного феодала) и отражали особенности социального развития. Условия существования поселений в пределах таких областей были

примерно равными, но город возникал там, где условия для его существования были наиболее благоприятными. Каждая такая область представляла собой групповую (в смысле концентрации поселений) систему расселения и в пору развитого средневековья в определенной степени являло систему расселения, ставшую традиционной.

По нашим наблюдениям, в пору развитого средневековья (УШ-ХП вв.) в долине Кашкадарьи жизнь в основном развивалась на площадях, уже освоенных в предыдущий период. Сохранялась оазисная система расселения, когда основное количество поселений концентрировалось на наиболее пригодных для земледелия, хорошо орошаемых естественными протоками и искусственными ирригационными системами площадях.

Основное количество памятников эпохи средневековья концентрируется в равнинной части долины Кашкадарьи. В результате проведенного в последнее десятилетие сплошного разведочно-рекогносцировочного обследования памятников в связи с созданием археологической карты региона, выявлены некоторые закономерности. Вполне понятно, что выводимые закономерности могут считаться сугубо предварительными потому, что датировки памятников основывались на сборах подъемного материала. На многих же памятниках их вообще не было из-за задернованности объектов или по другим причинам. Кроме того, наличие на поверхности материала того или иного периода еще не означает функционирования памятника только в этот период: при раскопках работ часто обнаруживается более ранний культурный слой. Были отмечены случаи, когда при раскопках выявляли культурный слой более позднего происхождения, чем немногочисленные черепки керамики, встреченные на поверхности. Необходимо иметь в виду, что многие памятники вообще безвозвратно уничтожены при земляных работах.

Отметим следующие зафиксированные при обследованиях особенности. Так, из 38 памятников Чиракчинского района, обживавшихся, по данным разведочных работ, в пору раннего средневековья (У-УШ вв.) 8 (21% поселений) продолжали развиваться в IX-ХП вв., из 29 памятников Камашинского района - 10 (34%). Наконец, в Яккобагском районе при обследовании свыше 200 памятников на 120 собрана керамика раннесредне-

векового периода, из них на 24 встречалась и керамика IX–XII вв. (на некоторых заложены шурфы, раскопы, проведены зачистки культурных слоев, встречены остатки строительных материалов этого периода и пр.). Здесь продолжало обживаться 20% поселений. Новых поселений в пору развитого средневековья возникало сравнительно немного. Так, для указанных районов получены предварительно следующие цифры: Чиракчинский – 3 объекта, давшие керамику только этой поры, Камашинский – 2, Яккобагский – 13.

По нашим данным, в пору развитого средневековья обживалось от 20 до 34% памятников предшествующей поры. Однако здесь надо иметь в виду два весьма существенных обстоятельства. Во-первых, происходящую в IX–XII вв. концентрацию поселений и, во-вторых, развитие некоторых небольших или сравнительно небольших ранне-средневековых поселений в города и поселения городского типа, то есть наряду с количественной надо всегда иметь в виду и качественную сторону, содержание самого процесса развития.

Для Каршинского оазиса, по данным С.К.Кабанова, из 123 обследованных памятников 59 датируются до V–VI вв. включительно и не имеют поздних наслоений, остальные перекрыты средневековыми слоями. Среди последних он выделяет поселения, не вырастающие по площади и с расширением занимаемой площади¹. Таким образом, по данным этого автора, продолжает обживаться до половины поселений. Однако сопоставлять эти данные с нашими трудно, так как, выделяя ранне-средневековый период, мы изучаем V–VIII вв. отдельно, тогда как С.К.Кабанов период до VI в. называет древним, а памятники VII–VIII вв. рассматривает как принадлежащие средневековью в целом. По-видимому, правильнее все же выделение периода развитого средневековья (VIII–XII или IX–XII вв.), ибо "через VIII в. проходит граница, разделяющая два больших периода истории Средней Азии"².

¹ Кабанов С. К. Нахлеб на рубеже..., с.94.

² Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии..., с.132.

ГОРОДА ПОРЫ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Город любой эпохи является исторической категорией, тесно связанной с общественно-экономической формацией и социальной структурой общества. Города Южного Союза УШ-ХП вв. уже полностью связаны с феодальной формацией и характерными для нее социально-экономическими отношениями.

При выделении городов или поселений городского типа приходилось руководствоваться прежде всего наличием данных письменных источников, а также результатами археологических и историко-топографических исследований. Кроме того, понимание городов периода средневековья должно включать определенно большую площадь поселения, занятие жителей ремеслом и торговлей, наличие монументальных сооружений, составные части города и пр. На этом основании можно выделить большее количество городов и поселений городского типа, чем указано в письменных источниках.

Одно из определений города было дано В.М.Массоном: "Древние города... могут быть определены как крупные пункты, места концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющие особые регулятивные, ремесленные и торговые функции". И далее: "Роль города как пункта концентрации, выполняющего специфические функции, находит прямое отражение в морфологических особенностях, характеризующих прежде всего компактной застройкой и высотной архитектурой"¹.

О.Г.Большаков в основу принципа выделения города берет определение поселений средневековыми авторами, видевшими в городах прежде всего административные центры и иногда выделявших их по наличию соборной мечети. Хорошо понимая некоторую условность такого выделения, он останавливается на известной условности определения города вообще, подчеркивая при этом, что город преж-

¹ М а с с о н В. М. Типология древних городов и исторический процесс. Древние города: Материалы Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". Л.: Наука, 1977, с.5.

де всего с точки зрения экономики отличается от деревни тем, что жители его занимаются не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей¹.

В.М.Массон подчеркивал, что для разных социально-экономических условий характерно наличие различных типов городских поселений и выполняемых ими функций.

В связи с тем, что сообщения средневековых авторов о древних городах Средней Азии весьма скудны и в основном исчерпаны, особое значение приобретают археологические исследования городов.

Основой выделения городов долины Кашкадарьи послужили сведения письменных источников, историко-топографические и структурные признаки, размеры поселения и значительное развитие в нем ремесленных производств.

Отметим, что размеры городов могли колебаться довольно сильно. В.М.Массон отмечал, что значимой количественной гранью их для Месопотамии было 6-7 га, для древней Бактрии свыше 6-7 га, но при этом особенно важно сочетание количественных показателей с внутренними качественными структурными изменениями и выполняемыми поселениями функциями². Мысль о том, что при дифференциации поселений прежде всего должна рассматриваться качественная сторона, содержание их функций, представляется чрезвычайно важной. Несомненно, что наряду с крупными городами были и города небольших размеров, выделяемые на основе выполнявшихся ими функций. Подсчитаны размеры городов Средней Азии VI-VIII вв.: Самарканд - 65 га, Бухара - 35 га, Мерв - 200 га, Термез - 20 га, Пайкент - 20 га, Пенджикент - 13-14 га, Варахша - 19 га³. Видимо, площадь и раннесредневековых крупных городов Кашкадарьи приближалась к указанным размерам. Каш равен 40 га, Еркурган - 150 га, Калаи Захок-и-Марон, по М.Е.Массону, - 225 га, по С.К.Кабанову, - 16 га⁴.

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город..., с.163.

² Массон В. М. Типология древних городов..., с.5-6.

³ Беленицкий А. М., Бентович И. Г., Большаков О. Г. Средневековый город..., с.6.

⁴ Кабанов С. К. Нахшаб на рубеже..., с.125.

Приводимый обзор городов (рис. I) основан прежде всего на работах Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции, сотрудники которой, в том числе и автор, в первые годы работы экспедиции проводили обследование городов нижней части долины Кашкадарьи, а затем сосредоточили свое внимание на изучении средней и восточной частей. О городах, сведения о которых есть в публикациях других авторов, приводятся лишь необходимые основные данные.

Наиболее часто в средневековых источниках упоминается Несеф, главный город одноименной области. Географы X в. говорили о цитадели и рабаде. Самани описывает и шахристан¹. Посередине города протекала река, город имел четверо ворот. Упоминается дворец правителя, соборная мечеть, тюрьма, базары.

Вопрос об отождествлении Шуджиктепе со средневековым Несефом впервые поставил Л. А. Зимин². Археологическое изучение показало, что город действительно размещался по обоим берегам Кашкадарьи, имел мощную высокую цитадель, разрушенную к X в., шахристан подпрямоугольной формы размером 450 x 350 м и обширный густо застроенный рабад³. По данным Б. Д. Кочнева, арк обжигался в III–IV вв., но, возможно, и ранее. В V–VI вв. здесь возникает, как считает С. К. Кабанов, замок феодала, вокруг которого вскоре вырастает поселение⁴. В этот же период частично обживается территория будущего шахристана, а в VII–VIII вв. он не только обживается полностью, но имеет мощные стены из пахсы и кирпича размером 49–50 x 25–26 x 9–10 см⁵. В IX–X вв. начинается бурный рост поселения, прежде всего за счет разрастания рабада, которое вскоре перерастает в типичный феодальный город. На территории города находились головные сооружения каналов, орошавших значительную часть оазиса⁶. С. К. Кабанов определяет

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с. 190.

² Зимин Л. А. Нахшеб, Несеф, Карши – В кн.: В. В. Бартольд. Ташкент, 1927.

³ Кочнев Б. Д. Исследования Средневекового Несефа. – АО 1974 года. М., 1975, с. 501.

⁴ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже..., с. 57.

⁵ Кочнев Б. Д. Исследования..., с. 501.

⁶ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже..., с. 57.

площадь, занимаемую городом, в 70-100 га, Б.Д.Кочнев считает, что она была свыше 200 га.

Наибольшего расцвета Несеф достигает в X - начале XIII вв. На площади города отмечены многочисленные следы ремесленных производств. Сводку данных по истории Несефа и его исторической топографии можно найти в работе М.Е.Массона¹.

В области Несефа в источниках упоминается также о двух больших селениях - Кесбе и Безде, причем Кесба была даже больше Несефа². Кесба находилась в 4 фарсах от Несефа по дороге в Бухару, Безда - в 6 фарсах. М.Е.Массон установил, что "кашкадарьинский" фарсх составлял примерно 8 км.

Сопоставление Кесбы с современным названием Касби ни у кого сомнения не вызывает. Развалины Касби находятся в 35 км к юго-западу от Карши. Есть упоминание крепости Казбион (VI в.), являвшейся форпостом сасанидов на границе с Согдом. М.Е.Массон считает, что эта крепость лежит в основании цитадели будущего города.

Центральный бугор Касби имеет размеры 180 x 120 м. и высоту до 18 м. Это, явно, цитадель средневекового города. Вокруг идут оплывшие бугры шахристана. Рабад в юго-восточную сторону тянется до 1 км. С.К.Кабанов считает Касби средневековым поселением городского типа, а крупные размеры его объясняет размещением на окраинах оазиса и интересами обороны, торговли с кочевниками-скотоводами, размещением на караванном пути из Бухары в Несеф³. По нашему мнению, размеры, составные части, многочисленные следы ремесленных производств позволяют видеть в развалинах Касби город поры развитого средневековья, сложившийся на остатках ранне-средневековой крепости и поселения. К числу городов Несефа относил Кесбу и О.Г.Большаков⁴, не посчитавшись с тем, что источники называют ее селением. Максимальное развитие города приходится на X-XII вв. И Кесба, и Безда, по данным источников, имели соборные мечети.

¹ М а с с о н М. Е. Столичные города..., с.29-48.

² Б а р т о л ь д В. В. Туркестан в эпоху..., с.190.

³ К а б а н о в С. К. Нахшб на рубеже..., с.66-67.

⁴ Б е л е н и ц к и й А. М., Б е н т о в и ч И. Б., Б о л ь - ш а к о в О. Г. Средневековый город..., с.188.

Развалинам Безды соответствует городище Куня-Фазли в 40 км от Шулюктепе (Несефа). В плане это почти правильный прямоугольник со сторонами около 1000 x 550 м, окруженный стеной высотой 4-5 м. В южной части находится прямоугольный холм высотой 20 м, размером по верхней площадке 150 x 100 м, служивший кухендизом средневекового города. Судя по рельефу, цитадель могла быть округлой или многогранной формы со входом по пандусу. В основании, видимо, имеются античные слои. С.К.Кабановым у подножья найдены фрагменты кубков первых веков до н.э. или рубежа н.э.¹ Кухендиз окружен развалинами, вокруг которых тянется вал - остатки шахристана. Остальная часть городища - развалины рабада. Куня-Фазли находилось на пути из Келифа в Бухару и Несеф.

В подъемном материале встречаются жженые кирпичи, часто размером 20 x 20 x 4 см, 22 x 22 x 5 см, масса поливной керамики, в том числе с черным и коричневым орнаментом на белом фоне, надписями черной краской на белом фоне, с зеленой и голубой поливой.

Безда была не только крупным городом и торговым центром, но и выполняла, очевидно, роль крепости на границах оазиса.

Таллисортепе (Каршинский оазис) исследователи считают средневековым городом, состоявшим из трех частей - цитадели, шахристана и рабада. Общая площадь городища, по С.К.Кабанову, около 13 га².

Территория поселения начала обживаться в первые века н.э., а в VI-VII вв. город сложился в составе цитадели (60 x 70 м) и шахристана (200 x 350 м). В IX в. начинается сложение рабада, который, по данным Б.Д.Кочнева, в X-XII вв. достигает 20 га, но еще не укреплен. Городище отождествляется с упоминаемым в источниках селением Губдин³. Таким образом, селение Губдин так же, как Касба и Безда, имеет все признаки города. Как сообщил нам Б.Д.Кочнев, судя по последним данным, рабад здесь мог достигать 50 га. Сейчас он частично распахан.

¹ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже..., с.64-65.

² Там же, с.54.

³ Кочнев Б. Д. Раскопки Таллисор-тепе в Каршинском оазисе. - АО 1977 года. М., 1978, с.226.

Название города сохранилось в названии расположенного рядом кишлака Губдин. На значение этого города указывает и то обстоятельство, что одни из ворот Несефа (очевидно, южные) назывались Губдинскими.

Возможно, черты складывающегося города можно видеть и в других поселениях западной части оазиса. Трехчастным было средневековое поселение Алтынтепа в 1 км от Еркургана. Оно состояло из цитадели, шахристана и рабада X-XII вв. с мощными отложениями¹. Поселение Каршинского оазиса IX-XII вв. Хайбартепе состояло из центрального бугра 100х70 м высотой 10 м и городища размером 400 х 300 м².

С УШ в. и позднее в письменных источниках снова называются два главных города оазиса — Кеш и Несеф. Старый Кеш раннего средневековья постепенно приходит в упадок.

О.Г.Вольшак³ указывает, что по описаниям средневековых географов, Кеш состоял из трех частей: старой запустевшей медины с кухендизом, второй медины, где продолжалась жизнь, и рабада. Вместе со старой мединой город занимал площадь в 400 га. У Ибн-Хаукаля читаем: "Шахристан вместе с цитаделью лежит в развалинах, а внешний город застроен"⁴. Археологические работы Н.И. Крашенинниковой подтвердили, что шахристан и цитадель Кеша в первой половине X в. представляли собой развалины⁵.

Данные о второй медине и рабаде заставляют обратить внимание на территорию Шахрисябза, ныне размещающегося в нескольких километрах от Китаба. Известно, что Шахрисябз, в котором сохранились памятники XIV-XV вв., был обнесен стеной в XIV в. и, очевидно, спланирован заново. До сих пор мы имеем очень мало данных о том, что было на этом месте, а также на территории между Китабом и Шахрисябзом в предшествующее время, где располагался Кеш IX-XII вв., какова была занимаемая им площадь.

¹ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже..., с.43.

² Там же, с.45.

³ Беленицкий А. М., Бентович И. В., Вольшак О. Г. Средневековый город..., с.188-189.

⁴ Бетгер Е. К. Извлечения из книги "Пути и страны...", с.19.

⁵ Крашенинникова Н. И. Изучение цитадели Кеша..., с.527.

В свое время М.Е.Массон считал, что городское поселение образовалось на территории Шахрисябза не ранее XIII в.¹ Однако именно по его инициативе в составе КАТЭ был создан отряд, занимавшийся наряду с другими задачами стратиграфическим изучением Шахрисябза с целью выявления здесь более ранних по отношению к периоду XIV–XV вв. слоев. Обобщая итоги обследования, М.Е.Массон отмечал, что в IX в. здесь уже располагалось поселение городского типа, интенсивно разраставшееся². Им же подробно рассмотрены с учетом данных источников и археологических фактов вопросы исторической топографии и приводимые в источниках термины разных частей города.

По данным З.И.Усмановой³, на территории Шахрисябза в VI в. сложилось поселение, которое в X–XII вв. сильно разрослось. Площадь его, возможно, была больше тимуридского города, ибо скопление материалов указанного периода встречается и за пределами городских стен, а слой этого времени проходит также непосредственно под ними. За стенами города отмечены всхолмления с остатками построек из жженого кирпича, средневековой керамики. З.И.Усманова также считает, что в период X–XII вв. здесь существовало крупное поселение городского типа. Участками продолжала обживаться и территория Китаба. В некоторых шурфах прослежен слой периода развитого средневековья, на Каландартепе – античной цитадели – расчищены следы застройки и мощный отвал мусора XII–начала XIII вв. Н.И.Крашенинникова считает, что здесь располагалась отдельная усадьба, а сам город был в какой-то степени заселен⁴.

¹ М а с с о н М. Е., П у г а ч е н к о в а Г. А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке. Ташкент, 1953, с.22. (Труды/САГУ им. В.И.Ленина. Новая серия. Археология Средней Азии; Вып.59).

² М а с с о н М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР. – Археология Средней Азии. Ташкент, 1977, с. II. (Сб. научных трудов/ТашГУ им. В.И.Ленина; №533).

³ У с м а н о в а З. И. Историческая топография Шахрисябза в свете новых данных. – Археология Средней Азии. Ташкент, 1977. (Сб. научных трудов/ТашГУ им. В.И.Ленина; № 533).

⁴ К р а ш е н и н н и к о в а Н. И. Работы в Китабе..., с.407.

Все эти разрозненные сведения пока не складываются в целостную картину, но перекликаются с данными письменных источников о продолжении жизни в городе, очевидно, несколько передвинувшемся в направлении Шахрисябза. В источниках упоминается еще и местность "ал-Мусалла", где находилась резиденция правителя, и то что в разрушенной медине находятся тюрьма и соборная мечеть, а базары располагаются в рабаде. Раскопки на площади быстро развивающихся и разрастающихся городов Китаба и Шахрисябза весьма затруднены, но только они помогут уточнить представление о средневековом Кеше.

В составе Кеша большое значение имела область Хузар, где находились города Субах, Наукад-Курейш и Искифагн¹.

Ибн-Хаукаль отмечал, что в области Кеша города Наукад-Курейш и Сунедж (по В.В.Бартольд, Субах.- С.Л.) принадлежат к рустаку Хузар, к нему же относится и Искифагн². Истахри указывал, что Субах находился на дороге из Несефа в Балх на расстоянии I перехода от Несефа, Ибн-Хаукаль писал о расстоянии в 2 фарсаха от Кеша. В.В.Бартольд считал, что сюда, видимо, вкрадлась ошибка и речь идет о двух переходах. Расстояние от Несефа до Субаха Самани указывал в 6 фарсахов. В.В.Бартольд считал, что Субах находился на месте нынешнего Гузара³.

По предварительным данным, установленным КАТЭ, Субаху соответствуют развалины Улюктепе в 8 км к северо-западу от Гузара. Город занимал обширную площадь, на поверхности его в изобилии встречается материал IX-XII вв. Археологического раскопного изучения не производилось.

Шахристан имел несколько неправильную форму и занимал площадь в 22,5 га, цитадель - I га, пригород не был обнесен стеной. Часть его в настоящее время распахана. Общая площадь города, по нашим данным, была не менее 100 га. На всей территории изобильны сборы керамики X-XII вв.

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.189.

² Бетгер Е. К. Извлечение из книги "Пути и страны"..., с.29.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.189.

М.Е.Массон отметил, что расстояние в 44,5 км по прямой от древнего Несефа до Субаха соответствует расстоянию в 6 фарсах, приведенному Самани. Расстояние же между Кешем и Улюктепе по прямой 67 км, что также соответствует указанию Истахри о том, что путь этот преодолевали за два дневных перехода¹.

Остатки второго города — Искифагна — можно видеть в тянувшихся на значительное расстояние развалинах Ходжа Бузруктепе в 9 км от Гузара, но примерно в 8 км от Улюктепе по прямой. Былую площадь, занимаемую средневековым городом, установить трудно, но, несомненно, что она была не менее 60–70 га. Городище частично разрушено, дает подъемный материал поры развитого средневековья, но в обрезах холмов, находящихся в юго-западной его части, видны слои с керамикой VI–VII вв., когда, очевидно, на этом месте начинает складываться поселение. На другом бугре видны кладки из кирпича 50 x 28–30 x 8 см. При посещении городища в 1966 г. прослеживались следы древних оросительных каналов.

Наконец, третий и последний город, упоминаемый источниками — Наукад-Курейш — находился на дороге из Кеша в Несеф по Истахри на расстоянии 5 фарсахов от Кеша по Самани, 6 фарсахов от Несефа. В.В.Бартольд предполагал, что он мог быть на месте нынешнего селения Карабаг² и еще при Самани был большим селением. На возможном отождествлении Наукад-Курейша остановимся ниже.

Упоминание только трех городов, кроме столицы в области Кеша, который в средние века занимал значительную территорию, включая местности по Гузардарье, ряд местностей, ближе расположенных к Несефу, долину реки Сангардак, заставило В.В.Бартольда прийти к выводу, что городская жизнь здесь была еще мало развита. Для того, чтобы установить, действительно ли в вопросе о развитии городов средней и восточной части оазиса можно ограничиться лишь данными письменных источников, следует рассмотреть все выявленные археологически крупные средневековые памятники. Приведем краткое описание тех памятников, которые,

¹ М а с с о н М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции..., с.47–48.

² Б а р т о л ь д В. В. Туркестан в эпоху..., с.189–190.

на наш взгляд, могут претендовать на отнесение к городам или поселениям городского типа (рис.2,3).

В средней части долины Кашкадарьи, примерно в I км от реки, на окраине селения Чим расположено городище Камайтепе. Городище посещал С.К.Кабанов. В 1964 г. на нем побывал отряд КАТЭ под руководством Н.И.Крашенинниковой для сбора подъемного материала. В 1966 г. мы провели здесь небольшие раскопочные работы, а также съемку плана.

Городище имеет трехчастное членение - цитадель (арк), шахристан и пригород. Конфигурация Камайтепе геометрически неправильна. Однако цитадель, расположенная с восточной стороны, имеет почти квадратную форму (190 x 175 м), а шахристан состоит как бы из двух примыкающих друг к другу неправильных прямоугольников. В большой прямоугольник вдается своей северо-западной стороной цитадель. Меньший прямоугольник примыкает к большему с запада. Длина шахристана по центральной оси (сн вытянут с запада на восток) 450 м, ширина 350 м. Цитадель весьма высока, (20 м) и стены шахристана как бы упираются в нее. Хорошо прослеживается пандус, по которому поднимались на цитадель. Он начинался, очевидно, у подножья западной стены и, полого поднимаясь, огибал северо-западный угол цитадели, шел по северной стене и лишь на северо-восточном углу поднимался на самый верх. Внутри цитадели расположен центральный бугор (на нем в настоящее время местным населением устроен мазар) и довольно значительных размеров всхолмление, примыкающее к западной стене. Очевидно, эти холмы соответствуют наиболее значительным постройкам цитадели. На территории шахристана прослеживается множество бугров различных размеров, скрывающих под собою остатки былых строений.

Вызывает интерес площадь малого прямоугольника шахристана, которая возвышается над остальной территорией городища в среднем на 4,3 м, а перепад высот по уровню гребня стены достигает почти 7 м. О происхождении этой разницы высот выдвинуты следующие предположения: либо здесь до построек находился естественный холм, либо (что более вероятно) здесь накопились культурные напластования, связанные с более ранним обживанием этой площади.

Городище и особенно холмы рабада сильно задернованы, поэтому подъемный материал немногочислен, однако подъемный материал,

собранный на цитадели, в какой-то мере может дать наметки периодов обживания этой части городища.

На поверхности цитадели встречаются жженые кирпичи. Найдены неполивная керамика (сделанная на гончарном круге и от руки), и поливная. Большинство фрагментов неполивной керамики относится к периоду раннего средневековья.

Обживание цитадели засвидетельствовано фактическим материалом в пределах V-VI (а может и ранее) – XVI-XVIII вв. н.э. Раскопки в цитадели и заложение шурфов при ее значительной высоте и длительном периоде обживания – задача довольно трудная, однако именно здесь может быть получен ценный материал к истории городища.

Для шурфа на шахристане, возможно не совсем удачно, было выбрано пониженное место. Культурного слоя поры развитого средневековья здесь не оказалось, но керамика этого времени на поверхности встречается.

Шурф же в западной (повышенной) части шахристана дал в верхних культурных слоях плохо сохранившиеся остатки построек и материал V-VII вв., т.е. эта часть в VIII-XII вв. не обживалась. Мы уже указывали на возможность расположения здесь первоначального поселения.

В двух местах был сделан разрез стен шахристана. Остатков кладок из пахсы или сырцового кирпича здесь не встречено, лишь в основании одной стены находились куски пахсы во вторичном использовании. В целом же, высокие стены, на первый взгляд, насыпные, но, очевидно, построены из чима – пластов земли, скрепленных корешками растений.

На одном из холмов пригорода отмечено скопление керамических шлаков, связанное, возможно, с остатками гончарного производства.

Камайтепе можно отнести к числу средневековых городов. Динамика развития его частей не совсем ясна, поэтому необходимо дальнейшее его изучение.

В Камашинском районе на окраине кишлака Каучин, близ селения Карабаг, примерно в 16 км от Камайтепе расположено Алтынтепе (рис.4).

Район сел.Карабаг, равно как и районы севернее Камаш, лежит на понижениях третьей террасы Кашкадарьи и связан

концевыми частями конусов выноса систем Кизылдарьи и Лянгардарьи^I.

Впервые Алтынтепе обследовано отрядом КАТЭ ТашГУ в 1966 г. во время распахки южной площади пригорода под будущие посевы. Нам удалось собрать обильный подземный материал. В 1967 г. объект посетила группа З.И.Усмановой. Здесь снова выполнялись значительные по объему земляные работы, связанные со строительством оросительного канала. Группа провела наблюдения, сбор материала, расчистила остатки помещений мечети, украшенных резным шtukом. Уже предварительное обследование показало, что в Алтынтепе надо усматривать либо очень крупное поселение, либо скорее средневековый город. Стационарное изучение объекта было начато в 1969 г. и с тех пор ведется ежегодно.

Центральный бугор городища имеет размеры 160 x 160 м при высоте около 13 м. К нему примыкают значительные по площади всхолмления, протянувшиеся на юг на расстояние до 800 м, на север до 400 м; к западу и к востоку площади уже распаханы. На расстоянии свыше 1 км к северо-востоку от бугра обнаружен участок, связанный с производством жженого кирпича и, явно, также принадлежавший Алтынтепе. В первый год посещения городища были зафиксированы остатки оплывшей стены высотой в 1,5–2 м (прослежены на расстояние до 80 м). Возможно, стена окружала пригород городища. Таким образом, судить в настоящее время о былых размерах городища и его топографии весьма затруднительно. Однако по сохранившимся развалинам можно получить общее представление о городище. Мы считаем, что оно занимало площадь не менее 40 га.

По распаханному слою и сохранившимся всхолмлениям можно предположить, что и на восток пригород мог простираться до 500 м. Здесь отмечены участки производств, остатки мастерской, массовое скопление материала поры развитого средневековья. Встречались тут и фрагменты архитектурного декора этой поры (массивная терракотовая плитка с резным орнаментом в виде плетенки (XI–XII вв.), резная терракотовая плитка с голубой поливой и др.).

На городище выявлены следы различных ремесленных производств.

^I Кашкадарьинская область..., с.183.

В результате многочисленных работ, закладки шурфов, разрезов выявлен процесс исторического развития города. Первоначально здесь в V-VI вв. возникает небольшое поселение или отдельно стоящее сооружение, разрастающееся в VII-VIII вв. Основной бугор окружается стеной и, очевидно, идет процесс перерастания поселения в город. Удалось выделить ряд периодов функционирования города (IX в. - первая половина X в.; вторая половина X - начало XI вв.; XI-XII вв., вторая половина XII - начало XIII вв. и возрождение жизни после монгольского нашествия в 30-х годах XIII в.). Создана стратиграфическая колонка, выделены комплексы керамики.

Максимальных размеров город достигает в X в. Его граница в юго-западной части определяется размещением кладбища X-XI вв. В XII в. площадь города несколько сокращается, и кладбище XII в. оказывается расположенным ближе к центральному бугру, чем кладбище предшествующего времени.

На краю бугра цитадели был заложен разрез (раскоп 4) с целью получения дополнительных стратиграфических данных, а также для выявления возможных оборонительных сооружений. На стратиграфии разреза мы остановимся в соответствующем разделе. Сейчас укажем только на обнаружение оборонительных стен.

На самом краю бугра, начиная с VIII яруса и захватывая IX и X ярус, прошли остатки оплывшей стены шириной 3,8 м из кирпича форматом 44-45 x 22-23 x 9-10 см, сильно разрушенной более поздними мусорными ямами. Эту стену можно считать последней оборонительной стеной цитадели города. Несколько стен и перегородок, прошедших за стеной внутри, явно связаны с жилыми помещениями, примыкавшими к внешней стене. Длина разреза на этом уровне достигла 12 м (при ширине 2 м). В помещениях расчищено несколько тандыров и очагов, найден фрагмент жернова. К стене примыкало два культурных слоя. Один из них датировался VIII-IX вв. К интересным находкам следует отнести бронзовое зеркало в кладке стены, фрагмент курильницы, кувшинчики, крышки, лепную посуду. Выше лежащий слой можно датировать IX-X вв.; до этого времени, очевидно, функционировала и стена.

Несколько отступя от края бугра, начиная с XII яруса идет стена толщиной 3 м, сохранившаяся до высоты выше 2 м. Она сложена из сырца 50 x 25 x 8-10 см красноватого цвета, промазка между рядами кирпича из серой глины, толстая; до 6 см. В кир-

пичной кладке найдены маленькая уплощенная фляжечка и обломок фигурки оседланного коня. С наружной стороны стены прослеживается слой кирпичей на ребро; явно, рухнувший участок этой же стены. Стена идет вертикально, лишь в самой нижней части дает подкос во внутрь.

Остатки самой ранней обводной стены обнаружены начиная с VY яруса. Стена эта сложена из пахсы, хорошо зачищается снаружи, где прослежена на высоту до 2 м. Ширина стены 3,2 м.

Стену из кирпичей 50 x 25 x 8-10 см можно датировать VI-VII вв., что касается самой ранней стены, то никаких материалов для ее датировки не обнаружено.

Таким образом, установлено, что на протяжении довольно длительного стреска времени центральное ядро города было окружено сменявшими друг друга обводными стенами сравнительно небольшой толщины (от 3 до 3,8 м). Именно это ядро постепенно обрастает пригородом, вырастая из небольшого раннесредневекового поселения в город периода развитого средневековья.

Говоря о толщине стен, стоит вспомнить, что первоначальная стена Пенджикента, датирующаяся V в., обнаружена при раскопках объекта VII и имела толщину 2,2 м. В VI в. стена была утолщена до 7 м¹. Исследователи отмечают, что тонкость стен первоначальных укреплений контрастирует с их позднейшей массивностью, причем утолщение стен свидетельствует либо о росте экономических возможностей, либо об усилении военной угрозы².

Видимо, экономические возможности города Алтынтепе так и не создали условий для строительства более мощной оборонительной системы.

Город, надо думать, был двухчастным и состоял из мощной центральной части, занимавшей площадь свыше 2,5 га и выполнявшей роль цитадели, и раскинувшихся вокруг застроек. Установить, имели ли город обводную стену в связи с распадом территории уже не-

¹ Б е л е н и ц к и й А. М., М а р ш а к Б. И., Р а с п о -
п о в а В. И., И с а к о в А. Раскопки на городище древне-
го Пенджикента в 1973 г. - Археологические работы в Таджикис-
тане (1973 г.). Вып. 13. Душанбе: Дониш, 1977, с. 163.

² Там же, с. 164-165.

возможно (до распахки небольшой участок какой-то стены прослеживался).

На территории колхоза им.Энгельса (Яккобагского района) примерно в 6-7 км по прямой от Алтынтепе находятся развалины городища Гышатепе (Гышттепе), включавшие шахристан и всхолмления пригорода. Основная часть развалин занимает площадь до 10 га. А.С.Сагдуллаев и З.И.Усманова считают, что судя по многочисленным сельским поселениям, концентрирующимся вокруг^I, Гышатепе было центром крупного оазиса.

На шахристане видны следы внутренней планировки (улицы, оплывшие развалины былых строений). В подъемном материале встречается неполивная керамика VI-VIII вв., поливная X-XII вв. В обрыве одного из крупных холмов пригорода мы зачищали куски шлаков, шлакованные стенки, слои золы, но, очевидно, это — отбросы ремесленного производства, самих остатков гончарства обнаружить пока не удалось.

В одном из крупных холмов пригорода А.С.Сагдуллаев усматривает остатки караван-сарая.

На окраине райцентра Чиракчи, близ берега Кашкадарьи, находятся руины Кышамиттепе, в которых также можно усматривать остатки средневекового города. Городище в наше время долго разрушалось размещенным на его территории кирпичным заводом. На центральном бугре городища видны многочисленные траншеи бульдозеров, часто на большую глубину, остальная площадь уничтожена при строительстве завода и других сооружений.

В 1963 г. городище посетил С.К.Кабанов, в 1967 г. — маршрутный отряд КАТЭ под руководством З.И.Усмановой. Начиная с 1969 г. мы с Н.П.Столяровой неоднократно выезжали на памятник, где вели небольшие раскопные работы, собирали подъемный материал, зачерчивали и зачищали разрезы.

Шахристан, очевидно, имел размеры 700 x 350 м (высота сейчас местами достигает 15 м). Судя по сборам материала в обрыве канала, на территории завода и на других участках, город имел обширный пригород.

^I Сагдуллаев А. С., Усманова З. И. Разведки в Южном Согде. — АО 1977 года. М., 1978, с.537.

Тщательный сбор подъемного материала показал, что керамика раннего средневековья встречается в основном только в пределах центрального бугра, в разрезах и на поверхности. Обширная же территория вокруг обживалась, видимо, лишь в период развитого средневековья, что позволяет говорить о территориальном росте города в IX-X вв.

В разрезе траншеи на краю бугра хорошо зачищалась стена шириной свыше 5 м, сложенная до высоты 1,6 м из пахсы, идущей слоями в 70 и 90 см, а выше, до высоты 1,7 м, из сырцового кирпича 46-48 x 25-26 x 8 см. Предполагаемая датировка ее - VII-IX вв.

Интересны собранные опросные данные: о городище рассказывается много легенд, причем в ряде из них утверждается, что именно с этого бугра началась история Чиракчи. Название же города, как считают старики, сейчас искажено. Раньше он назывался Кишт или Шахри Киш - город Каша. Все единодушно говорят о том, что на этом месте был большой город. Эти сведения перекликаются с опросными данными, собранными в Китабе. Здесь долгожители рассказывали, что прежнее название этого города было Кишт или Кишт, а после упадка города оно перешло на другой пункт вместе с переселившимися туда жителями^I.

Весьма редки остатки средневековых городов на правобережье Кашкадарьи. К их числу следует прежде всего отнести развалины Чандарактепе, расположенные в нескольких километрах от Кашкадарьи (почти напротив него на левом берегу размещается Килимистепе). Здесь, несомненно, существовала переправа через Кашкадарью и от дороги, шедшей вдоль левобережья реки, отходящая (или вернее пересекала ее) путь, отходивший к северо-востоку и ведущий, очевидно, также к Самарканду в обход горной гряды.

На развалины Чандарактепе обратил наше внимание А.С. Сагдуллаев, первым его обследовавший, снявший план. Город, наверное, получал воду от системы Аякчиоай. Сохранившийся на территории пригорода небольшой джар, видимо, относится к древнему периоду.

Город был трехчастным. Цитадель высотой 14 м располагалась в южной части шахристана. Шахристан прямоугольный, значительной

^I М а с с о н М. Е. Работы Кашской археолого-топографической экспедиции..., с.15.

высоты, занимал площадь свыше 8 га¹. Вместе с пригородом площадь города составляла не менее 30 га. Городище производит весьма внушительное впечатление своими масштабами и, вероятно, было хорошо укреплено. С поверхности городища, особенно цитадели, прекрасный обзор местности, что играло определенную роль при возможном наступлении противника.

В пригороде отмечены участки ремесленных производств. Судя по данным шурфа, шахристан обживался до XII-начала XIII вв. Отдельные фрагменты керамики в подъяемом материале относятся к раннему средневековью, больше фрагментов посуды X-XII вв.

Также на правобережье в 300 м от берега Кашкадарьи размещается Алтынбаштепе с цитаделью 160 x 150 м и шахристаном площадью не менее 8 га, частично разрушенным. Материал VIII-начала XIII вв. Очевидно, в нем можно видеть небольшой городок или крупное селение с чертами перерастания в город.

Остатками крупного средневекового города, несомненно, является Кургантепе или Чимкургантепе, расположенное в Яккобагском районе на площади колхоза "Правда" в 400 м от кишлака Чимкурган на левом берегу Кизылдарьи (впервые со съемкой плана обследовано А.С.Сагдуллаевым²). Впоследствии для исследования городища выезжал отряд КАТЭ. Раскопочное изучение пока не проводилось.

Городище состоит из прямоугольного шахристана размером 400 x 300 м (12 га), окруженного рвом. По периметру шахристана в рельефе прослеживаются стены. Въезд с южной стороны.

На площади шахристана размещена цитадель размером 60 x 60 м и высотой 12 м. Вокруг нее, очевидно, также шел ров, но прослеживается несколько земляных перемычек через него.

Пригород, включавший отдельные усадьбы, формировался, видимо, в основном по правую сторону Кизылдарьи, где на участке до 10 га наблюдаются большие и малые всхолмления. К югу от шахристана земля распаханна и засеяна, поэтому судить о распространении пригорода и в эту часть трудно.

¹ Сагдуллаев А., Низаев П. Разведки в Кашкадарьинской области. - АО 1975 года. М., 1976, с.534.

² Там же, с.534.

Для строительства города Чимкургантепе было выбрано не только удобное размещение в излучине Кизылдарьи, там, где она постепенно выходит на равнину, но и естественные возвышенности адыров и природные саи, использовавшиеся в качестве рвов, окружающих город. Город был очень удачно приспособлен к местности, где уже сам рельеф частично выполнял фортификационную роль.

Подземный материал дал керамику от раннего до развитого средневековья включительно. Особенно важно, что керамика IX-X вв. извлекалась из культурных слоев в обрыве шахристана, подмываемого рекой. Встречались фрагменты жженных кирпичей. На правом берегу реки выявлена и позднесредневековая керамика.

При сравнительно небольших размерах город выделяется четким планом, значительной высотой стен и накопленных слоев, чрезвычайно удачным размещением в излучине реки.

На правобережье Кизылдарьи отмечены группы отдельных усадеб (небольших оплывших холмов) разного размера, в основном от 20 до 50 м. Однако подземный материал здесь невыразительный и отнести их к периоду развитого средневековья можно только условно.

Трехчастным было городище Сарыктепе, которое находилось примерно в 8-10 км от Старого Яккобага на окраине кишлака Дархан близ поселка Уат.

В настоящее время вся поверхность шахристана, цитадели и северной части рабада распахан и засеян пшеницей. Когда посевов нет, на поверхности удается собрать большое количество разнообразного материала периода развитого средневековья. Южная часть пригорода распашкой не затронута, но здесь бульдозером выкопана большая траншея.

Городище занимает площадь 8 га. В центре шахристана расположена прямоугольная цитадель с крутыми склонами (70 x 45 м). По рельефу шахристана можно определить два въезда - с западной и южной сторон. Западные ворота, видимо, вывели в пригород, с юга пригород не сохранился, но надо думать, что в древности он размещался и здесь. Основные холмы пригорода сейчас сосредоточены к западу от шахристана. Здесь был заложен разведочный шурф, показавший обживание этой части территории до X в.

В округе Сарыктепе Г.Я.Дресвянская отметила укрепления

и неукрепленные сельские поселения; само Сарыктепе, очевидно, являлось центром оазиса.

По данным Н.И.Кременинниковой, к числу небольших городков, развивавшихся в IX-X и X-XII вв., можно отнести Кургантепе (колхоз им.Удугбека) и Тупчактепе (в одноименном кишлаке), расположенные в Китабском районе. Оба возникли в раннесредневековую пору и в X-XII вв. занимали площадь 7-8 га с цитаделью размером до 1 га в центре.

Как следует из сказанного выше, отождествление средневековых городов, указанных в письменных источниках (а таковых совсем немного), с сохранившимися развалинами в основном можно считать завершённым, хотя уточнения здесь необходимы. В ряде случаев окончательно подтвердить отождествление можно только с помощью расширенных раскопочных работ.

Несколько спорным остается отождествление Наукад-Курейша. Мы уже останавливались на этом вопросе в своей статье¹. Считаем важным указание источников, что город находился на дороге из Кеша в Несеф. Главная же дорога, соединявшая эти два города, проходила, на наш взгляд, по левобережью Кашкадарьи. Это был наиболее удобный путь, шедший по равнинной местности близ воды, через достаточно близко расположенные друг от друга поселения. Город следовало искать примерно на середине этого пути. Именно это обстоятельство позволило В.В.Бартольду предположить, что Наукад-Курейш находился на месте селения Карабаг². Рядом с этим селением мы изучали развалины средневекового города Алтынтепе. Отсюда до Несефа чуть более 60 км, до Кеша по прямой примерно 40 км. Это соответствует данным источников, что город находился несколько ближе к Кешу, чем к Несефу. Расстояние в фарсах (5 фарсах) также соответствует 40 км. Небольшое несоответствие (в 1,5 фарсах) получается лишь в расстоянии до Несефа.

Если же предположить местонахождение Наукад-Курейша на площади Камайтепе, как это считали М.Е.Массон³ и мы в свое время,

¹ Лунина С. Б. О возможном отождествлении Наукад-Курейша...

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.190.

³ Массон М. Е. Работы Кешской археолого-топографической..., с.60-61.

то расхождение получится более значительным (от Камайтепе до Несефа примерно 45 км, до Кеша свыше 60 км) и, главное, совершенно искажутся указания географов о том, что город был ближе к Кешу, чем к Несефу.

Проведенное археологическое изучение Алтынтепе показывает, что город в виде поселения возник до арабского нашествия, в VII-VIII вв. он укрепляется и начинает разрастаться, в X-XI вв. достигает расцвета, а в XII в. площадь его сокращается, цитадель теряет свое значение и, возможно, именно поэтому Самани говорил о нем как о большом селении. Считаю, что все-таки главным претендентом на отождествление остается Алтынтепе.

Имеющиеся возражения¹ основываются на следующем. Земли под таким же названием Наукад-Курейш упоминаются в вакуфных документах XV-XVI вв., касающихся владений Ходжа Ахрара, в связи с определением границ владения в местности Кабамитан, которое соприкасается восточной границей с землями Наукад-Курейша². Хотя границы земель описываются подробно, никаких географических ориентиров, которые помогли бы "разместить" их на современной карте, нет, за одним исключением: сообщается, что местность Кабамитан находится в вилайате Кеш, в пойме реки Сурхаб, которая, по мнению О.Д.Чехович, соответствует Кызылдарье³. Конечно, следует считать чрезвычайно важными попытки определить размещение указанных земель. Пока укажем лишь, что название Кызылдарья на многих картах носит и один из протоков этой реки, доносивший раньше свои воды до Кашкадарьи и протекавший, примерно, в полукилометре от Карабага и Алтынтепе. Алтынтепе, очевидно, пользовалось водами Карабагсая, отходящего от этого протока и ныне почти пересохшего.

Спорные вопросы в отождествлении Наукад-Курейша остаются не разрешенными. Но, во всяком случае, город никак нельзя помещать на правобережье Кашкадарьи, как это сделал О.Г.Большаков на карте "Средняя Азия в IX-XIII вв."; приложенной к книге "Средневековый город Средней Азии".

¹ Сагдуллаев А. С. Древние поселения Кашкадарьи. - Строительство и архитектура Узбекистана, 1979, № 7.

² Самаркандские документы XV-XVI вв. ... с.279.

³ Там же, с.33.

Города поры развитого средневековья Кашкадарьинского оазиса были разных размеров. Приводимые цифры условны из-за распадки частей городищ, уничтожения при строительных и ирригационных работах, но все же они дают общее представление о размерах городов.

Несеф, по данным С.К.Кабанова, занимал площадь в 70-100 га, Б.Д.Кочнева, - свыше 200 га. Шахристан Безды достигал 55 га. Кесба, судя по источникам, была больше Несефа и пригород ее тянулся на расстояние до 1 км. Таллхортене составляло свыше 20 га или, по новым данным, 50 га (вместе с рабадом), Хайбартене примерно 12 га. Размеры Кеша IX-XII вв. нам неизвестны, но для некоторых городов области Кеша они установлены. Так, Субах занимал площадь не менее 100 га, Искифатн - 60-70, город, развалинами которого является Алтынтепе - 40, шахристан с цитаделью Камайтепе - около 20 (пригород обжился до позднего средневековья и размеры его в средние века нам неизвестны), Гышатеpe - 10 (без пригорода), шахристан Кышмиштепе - 24,5, Чандарактепе с пригородом - не менее 30, Чимкургантепе - не менее 22 с пригородом, Сарыктепе - 8 га.

Таким образом, не считая столичных и наиболее крупных городов, самыми распространенными были города со средней площадью от 20 до 40 га. Существовали и маленькие городки в 7-8 га (Сарыктепе, Кургантепе, Тупчактепе). Их выделение в качестве городков основано на структуре поселений, о развитии в них ремесленных производств данных пока недостаточно.

Основные качества города и его отличия от сельских поселений могут быть выявлены только путем сопоставления. Некоторые различия видны уже при визуальном обследовании (размеры памятника, его топография, составные части, наличие крупных участков ремесленных производств), однако основной характер различий выявляется только при раскопном археологическом изучении. В последние годы такие работы начаты на сельских поселениях, в частности на Ялпактепе, находящемся на расстоянии 1 км от Алтынтепе, и на Кындыктепе, расположенном на окраине кишлака Тезоб в Яккобагском районе. Кроме того, в связи с созданием археологической карты велась фиксация, съемка планов и первичное обследование поселений. Упомянем некоторые из них (рис. 5, 6, 7).

Ялпактепе занимает площадь 3,5 га. В рельефе чувствуется возвышенная часть и шлейф. Площадь вокруг распахана, но местами прослеживаются остатки рва вокруг поселения.

Распашка территории к югу от поселения велась при нас. Тщательные наблюдения показали, что никаких следов архитектуры или культурных слоев здесь нет, то есть пригород отсутствовал и речь идет именно о сельском поселении. В результате проведения проселочной дороги через Ялпактепе на краю его образовался естественный разрез, который был зачищен в длину на 20 м. Остатков обводной стены здесь обнаружить не удалось; селение, очевидно, было не укрепленным. На поселении вскрыт один из жилых домов. В подъемном материале по всей поверхности территории и в обрезах преобладает керамика поры развитого средневековья.

Опишем несколько поселений, обживавшихся в период развитого средневековья с однотипной планировкой, и даже близких размеров, развившихся, очевидно, из поселений, сложившихся вокруг замка феодала, расположенного в центре. Выполнял ли замок свои функции в пору развитого средневековья до проведения раскопочных работ определить невозможно. Поселения имели прямоугольную форму с одним или двумя въездами и, видимо, были укреплены.

Это Сурнайтепе в Якобагском районе, имеющее в подъемном материале только керамику развитого средневековья, но, скорее всего, возникшее в более ранний период (по аналогии с рядом поселений такого плана и центральных бугров сходных размеров). Основной бугор здесь имеет площадь 50 х 30 м, вокруг него расположено поселение размером 170 х 140 м. По микрорельефу чувствуется не только наличие стены, но и башен. Бугры вокруг поселения и встречаемость подъемной керамики свидетельствуют о существовании пригорода и, значит, появляется возможность говорить о тенденции перерастания поселения в небольшой трехчастный городок.

Другим примером может служить Сандалактепе в этом же районе, но в другой его части. Здесь также в центре находится основное ядро размерами 50 х 45 м с расположенным вокруг прямоугольным укрепленным поселением размером 150 х 130 м. Центральный бугор возвышается над площадью поселения на 6 м. Керамика встречается как раннесредневековая, так и периода развитого

средневековья. Несомненно сложение крупного средневекового поселения на площади раннего.

В подъемном материале Карнайтепе, крупного поселения с цитаделью в центре, пригород которого распахан, встречается керамика X-XII вв. Оно, явно, имело трехчастное членение. Укрепленное поселение (200 x 200 м) Харамтепе в Камашинском районе имеет цитадель 70 x 70 м (пригородная часть распахана). На поверхности найдена керамика развитого средневековья. Поселение Мунчактепе в Камашинском районе также имело в центре цитадель.

Своеобразную динамику развития демонстрирует Гурджаб. Первоначально он сложился в составе поселения несколько неправильной формы (200 x 120 м) с цитаделью в центре южной части поселения. Цитадель имеет круглую (или многогранную) форму диаметром 70 м. Поселение было обнесено стенами. Позднее к нему с востока пристраивается прямоугольная часть шириной в среднем 100 м и длиной 120 м, и все городище обносится единой системой укреплений. Дату их построения до раскопок установить невозможно, но, судя по насыщенности всех частей материалом поры развитого средневековья, новая система укреплений со стенами и рвами возведена именно в это время. И здесь наблюдается перерастание в поселение городского типа.

Поселение Киндиктепе (140 x 120 м, 1,6 га) в Якобагском районе обследовано впервые Г.Я.Дресвянской. С 1980 г. мы стали проводить здесь раскопочные работы. В южной его части размещается высокий бугор размером 35 x 20 м. Система водоснабжения была основана на русле Карасу, притока Танхоз, от которого отходил Балханарик, считающийся очень древним. На старых картах видно, что прежнее его русло, сейчас скрытое, проходило непосредственно мимо Киндыка. При заложенных на краю поселения раскопах оборонительная стена не обнаружена. Очевидно, оно было неукрепленным. Как показали раскопки, центральный бугор был домом-замком феодала VI-VIII вв., вокруг которого разрослось поселение. К IX в. дом был заброшен и центральный бугор больше не обжился, и в X-XII вв. это было крупное сельское поселение. Возможно, оно являлось центром небольшого района и в сферу его влияния входили такие поселения как Пахалтепе, Катта Джавага тепе, Кичик Джавага тепе, Бастантепе и другие, обживавшиеся в этот период.

В западной части оазиса из числа крупных средневековых селений можно назвать обследованное Б.Д.Кочневым Каттакургантепе (Паштантепе) близ кишлака Паштан. Состоит оно из отдельно расположенной цитадели (110 x 120 м) и шахристана (280 x 220 м), возникло в V-VI вв., обживалось в VII-VIII и особенно интенсивно в X - начале XIII вв., имеет пригород, распространенный на значительное расстояние. Б.Д.Кочнев считает, что здесь находилось селение Баштан письменных источников¹. Упомянутое в источниках селение Афуран он отождествляет с Хайбартепе в кишлаке Айран. Оно было вытянуто более чем на 1 км, но укрепленная часть имела размеры 110 x 80 м. Преобладает материал X - начала XIII вв.² Следы ремесленного производства не обнаружены.

Мы не ставили своей задачей описание всех сельских поселений VII-XII вв. Уже из приведенных примеров вытекает, что сельские поселения имели разные размеры, планировку, характеризовались отсутствием или слабым развитием ремесла (на этом мы еще остановимся в разделе, посвященном ремеслу).

Большинство средневековых городов и поселений имели ранне-средневековую основу, но в IX-X вв. началось территориальное развитие поселений и в ряде случаев перерастание в новое качество. В связи с этим нельзя не признать справедливость высказывания М.Е.Массона о том, что "скелет города" предшествующего времени, как правило, влиял на его позднейшую планировку, но при этом менялось содержание по новому осваивавшихся прежних территорий³.

Поселения городского типа, вырастающие на базе раннесредневековых дают такие варианты, как сложение поселения вокруг раннего или недалеко от него, но часто и в том, и в другом случае на основе раннесредневекового поселения складывается цитадель нового образования. В заключение этого раздела остановимся на одном вопросе.

¹ К о ч н е в Б. Д. Работы в Каршинском сазисе..., с.553.

² Там же.

³ См.: М а с с о н М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции..., с.19.

В.В.Бартольд приводит сведения Ибн-Хаукаля о том, что в Кашской области было 16 волостей: Миян-Кеш, Руд, Баландеран, Расмаин, Кешк, Ару, Бузмаджан, Сиям (или Сиам), Арган, Джадж-руд, Хузар-руд, Хузар, Суруда, Санг-гардак внутренний, Санг-гардак внешний, Маймург. При этом порядок перечисления не связан с местом расположения. В.В.Бартольд отмечает, что в состав Кеша входило будущее Гузарское бекство и даже долина реки Санг-гардак. С этими районами он связывает волости Хузар-руд, Хузар и оба Сангардака. Им же определено местонахождение Кешк-руда и Сияма в верховьях Кашкадарьи, Миян-Кеша на площади города Кеша, Суруда по течению реки Асруд или Суруда¹.

В.В.Бартольд полагал, что название Сиям или Сиам давалось всей северной части Гиссарского края, и подчеркивал, что географы X в. знают термин Кешк-руд как название рустака, из которого вытекал проток Асруд, омывавший северные стены города. Название рустака было, собственно, названием реки².

Таким образом, В.В.Бартольд определил примерное размещение семи рустак. Пока мы не можем сказать, что получены новые данные для локализации остальных рустак, тем более, что в поздней топонимике эти названия почти не отразились. Поэтому сейчас в связи с изучением средневековых городов и составлением археологической карты делается попытка выделения оазисов-округов, центрами которых были выявленные города, и определения их площади.

Для срединной части долины Кашкадарьи (современные районы Яккобагский, Камашинский, Чиракчинский) выделяются следующие города и поселения городского типа, бывшие, видимо, административными центрами средневековых землеуладельческих оазисов: Камай-тепе, Алтынтепе, Гышатепе, Кипмиштепе, Чимкуртантепе, Гурджаб, Сарыктепе на левобережье Кашкадарьи, Чандарактепе и Алтынбаштепе на правобережье.

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.189.

² Бартольд В. В. К истории орошения..., с.205-206.

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

На данной стадии археологического изучения городов и поселений Кашкадарьинского оазиса одна из первоочередных задач — их стратиграфическое изучение с целью выявления последовательности культурных напластований, истории сложения и развития различных частей поселений, наконец, установления периодизации для VIII—XII вв. с выделением соответственно керамических комплексов, строительных материалов, определения, в целом, характера материальной культуры. Такая задача поставлена для Кашкадарьи впервые.

Из-за того, что в последние годы большой размах получили работы по разведочному обследованию памятников, связанные с созданием археологической карты Кашкадарьинской области, установление характерных для каждого этапа типов керамики, стандарта кирпича послужило бы ориентиром при датировке подъемного материала, сыграло бы свою роль при проведении зачисток, разведочных шурфов.

Для подробного изучения и разработки стратиграфии было выбрано городище Алтинтепе. Городище до начала проведения наших работ постоянно разрушалось в результате проведения канала, распахивки территории и при сборах подъемного материала здесь встречался явно разновременный (в пределах средневекового периода) материал, что указывало на возможность разработки стратиграфии и выявления последовательности смены комплексов материальной культуры.

При изучении удалось выявить несколько периодов в истории памятника, ряд строительных горизонтов; все слои сопровождалось обильным керамическим материалом и другими находками, в некоторых случаях датировку уточняли по нумизматическим объектам^I.

^I Определение большинства монет с городища сделано М.Е.Массоном, гллада из печей и отдельных находок — Б.Д.Кочневым, монет из находок последних лет — Э.В.Ртвеладзе. Автор приносит им всем искреннюю благодарность.

В ходе раскопок постоянно велось перекрестное сопоставление материалов и слоев для уточнения их датировки. Для периодизации использованы данные следующих раскопов и шурфов: шурф I (первый шурф в центральной части городища глубиной 6,5 м), раскоп 3 (большой многоэтажный стратиграфический шурф на центральном бугре), раскоп 4 (раскоп-разрез на краю центрального бугра), раскоп 5 (стратиграфический шурф и раскоп в пригороде), раскоп 8 (жилой дом), раскоп 7 (мастерская металлиста).

Описание дается по периодам, керамика характеризуется кратко^I. За основу приняты данные стратиграфического шурфа-раскопа 3 (рис. 8). Он был заложен сначала площадью 12 x 9 м, затем площадь его постепенно сокращалась (так, в XV ярусе она составляла 4,8 x 3,7 м, в XIII ярусе — 4 x 2 м, последние 1,5 метра пройдены на площади 2 x 2 м). В 1977 г. шурф был закончен, дав общую мощность культурных наслоений в 13 м.

Самый последний период обживания объекта связан с сильно разрушенными строительными остатками, которые благодаря находкам монет на некоторых объектах могут быть датированы 20–30-ми годами XIII в. Так, на раскопе 3 на уровне пола помещения с разрушенными стенами (пол вымощен кирпичами 24 x 24 x 4 и 25 x 25 x 4 см) найден кладик из 7 медных дирхемов, вбитых в Самарканде в 621 г.х. (1224/5 г.) для обращения в городе и его округе. Монета этого же года найдена в верхнем слое раскопа 7 (раскоп производственных помещений, связанных, очевидно, с плавкой металла). Посеребренные дирхемы Самарканда тридцатых годов XIII в. с "угрожающей" легендой найдены во II ярусе раскопа 2 (хозяйственный двор) и в слое, перекрывающем остатки гончарных печей (раскоп 9).

Очень четко по материалу, включающему также строительные остатки разного характера, определяется на городище слой второй половины XII-начала XIII вв., распространенный на всей площади

^I Специальное изучение керамических комплексов ведется Н.П.Столяровой, ею опубликовано несколько статей по этому вопросу. Здесь же считаю необходимым отметить, что наблюдения на раскопе 3 велись совместно с археологом Н.П.Столяровой, которой автор искренне признателен за постоянную помощь в полевой работе.

городища; его дали все шурфы и раскопы, заложенные в самых разных частях территории. Характер слоя был различным: слой мусора, перекрывающие остатки построек предшествующего времени, кладбища, остатки гончарных печей (на центральном бугре) и пр. Для выделения слоя при его вскрытии на разных объектах постоянно проводилось перекрестное сопоставление материала, в основном керамики.

Отмечены и монетные находки, связанные с этим слоем. Так, на раскопе 2 на уровне пола помещений обнаружена монета Мухаммада бени Текеша, на раскопе 8 в верхнем культурном слое, перекрывающем здания, — бронзовый дирхем XII — начала XIII вв. (без указания года и места чекана), на раскопе 9 рядом с гончарной печью на уровне ее топки найден кладок из 31 монеты, состоящий из медных посеребренных дирхемов караханида Ибрагима бени Хусейна (23 из них датированы 575 г.х. (II79/80 г.), 3 — 574 г.х. (II78/79 г.), остальные без даты, но, видимо, выпущены в эти же годы^I). В одном случае (раскоп 3) монета Мухаммада бени Текеша найдена в одном слое с монетами 621 г.х. (I224/25 г.). Считаю, что наиболее достоверна дата гончарных печей (по находкам монет 574–575 г.х. на уровне площадки перед топкой и монеты 630 или 631 г.х. в слое с остатками кладки из жженных кирпичей, перекрывающей остатки уже разрушенной к тому времени печи). Раскоп печей важен еще и тем, что показал местное производство, во всяком случае отдельных видов керамики. Наши наблюдения показали, что различия в материале, идущем с монетами Мухаммада бени Текеша или с монетами последней четверти XII в., не имеется. Поэтому мы выделяем культурный слой и, соответственно, комплекс предметов материальной культуры второй половины XII — начала XIII вв. (хотя, судя по монетным находкам, его можно датировать и точнее — последней четвертью XII — первой четвертью XIII вв.).

К этому периоду на раскопе 3 относятся остатки помещения с длинной стеной, имеющей пажсовое основание и выложенной из сырцовых кирпичей 32–33 x 16 x 5–6 см (при разборе кладки этой

^I К о ч е в Б. Д. К истории денежного обращения в Средней Азии в XI–XII вв. — ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975, с. 170–172.

стены была найдена монета чекана династии Илеков середины XII в.). В восточной части раскопа на уровне IV—начала VI яруса расчищена стена толщиной 1,2 м из сырцового кирпича 32 x 16 x 5 см, к которой примыкали тонкие перегородки. В помещении три очага диаметром от 30 до 42 см. Восстанавливается и план второго помещения. Из кирпичей указанных размеров на раскопе 5 обнаружена стена на своеобразном фундаменте из плоских песчаниковых плит.

К XII же веку относится культурный слой раскопа 7 в пригороде. Здесь удалось зафиксировать лишь углы стен двух помещений и ряд размещенных в комнатах очагов, очевидно производственного назначения. Рядом со стенами находились остатки вымосток полов из жженных кирпичей двух форматов — 21-22 x 21-22 x 4 см и 30-32 x 15-16 x 5 см.

В середине III яруса раскопа 4 (разрез) сохранились остатки вымосток из жженных кирпичей 35 x 18 x 5 и 28 x 15 x 4 см, находившихся у сливных ям-ташнау.

Во всех указанных выше слоях и постройках найден идентичный в массе материал. Такой же материал дали и две размещенные рядом в пригороде городища гончарные обжигательные печи (выше упоминались монеты из них). Хорошо сохранилась круглая двухъярусная печь (описание дается в другом разделе), сложенная из сырца 32-33 x 16-17 x 6 см. При вскрытии на дне топки печи № I в слое золы найдены только фрагменты поливной керамики (возможно, она в этой печи и обжигалась), в том числе фрагменты чаш с голубой поливой внутри и темнокрасным ангобом снаружи, с белой поливой внутри и полосой зеленой краски, проведенной у венчика, с процарапанным подглазурным орнаментом на белом фоне; в печи № 2 сохранились лишь остатки овальной топки и полочки, примыкающей к западной стене. На полочке и на дне топки в слое золы найдены десятки фрагментов запекшихся в золе однотипных крышек (в том числе и бракованных), с довольно сложным узором отштампованного орнамента, а также одна огромная крышка с крупным прочерченным рисунком и большой ручкой-столбиком с четырьмя отростками-рожками, несколько мелких фрагментов керамики с голубой поливой и темнокрасным ангобом снаружи. В этой печи, видимо, обжигали крышки, во всяком случае при последней ее закладке.

Опишем кратко с учетом наиболее выразительного материала керамику второй половины XII — начала XIII вв., характерную для всех раскопов городища.

Из неполливой керамики указанного периода преобладают ху-мы (рис.9), кувшины, крупных размеров глубокие миски-тагора (рис.10) с прямыми расширяющимися вверх стенками и отогнутым венчиком, по плоскости которого нанесен несложный линейный или процарапан волнистый орнамент, горшковидные широкогорлые сосуды приземистых форм с раздутым корпусом, плоские столики-достарханы с невысокими бортиками и иногда с кольцевой ножкой (орнаментация линейная, волнистая, часто отштампованная в виде отдельных крупных розеток), котлы, изготовленные с примесью шамота и дресвы, но довольно тонкостенные, плоскодонные и круглодонные (примерно до 1/4 котлов имели по плечикам узор, нанесенный красной краской, нижняя же половина обычно целиком покрывалась этим цветом (так, из 92 фрагментов, найденных на раскопе 3, 25 несли росписной орнамент), крышки разных размеров, иногда до очень крупных, плоские, с ручкой-стержнем в центре, в некоторых случаях видны следы изготовления крышек на плетеных циновках (особенностью крышек является чрезвычайно разнообразный резной, реже штампованный орнамент и крупные ручки — один или несколько отростков-столбиков со "шляпкой"). В этом же слое распространены очажные подставки прямоугольной формы с широкими бортиками, по верхней плоскости которых нанесен резной орнамент, иногда инкрустированный кусочками голубой глазури.

Из поливной керамики преобладают чаши крупных размеров с округлыми стенками и прямым, реже чуть отогнутым наружу венчиком, встречаются чаши среднего формата (в том числе с прямым конически расширяющимися вверх стенками) с кольцевым поддоном, имеющим часто дополнительный выем, реже донце плоское. Преобладает чисто белый или с разными оттенками (бежевым, желтоватым, зеленоватым) фон, по которому чаще всего дана роспись зеленой и коричневой краской или процарапанный подглазурный орнамент, либо сочетание обоих видов орнамента (рис.11). Орнамент, как правило, несложный, встречаются небрежно выполненные вихревые розетки.

Другую большую группу составляет керамика с голубой поливой внутри и темно-красным ангобом снаружи. Из редких групп по-

ливной керамики встречается керамика с глазурью розоватого цвета и с подглазурным (под розовой или зеленоватой глазурью) невысокого рельефа штампованным орнаментом (плетенки, трилистники и др.). Отметим, что эта группа керамики и по технике изготовления, и по орнаменту, и по цвету глазури относится, очевидно, к изделиям сугубо местного производства.

В этих же слоях найдены чираги-светильники с граненым корпусом и длинным носиком (глазурь чаще всего голубая), обычные подвески и бусины из кашина, покрытые голубой глазурью.

Стратиграфически недостаточно четко выделяется первая половина XII в. Скорее всего, к этому времени можно отнести остатки построек в восточной части раскопа 3, идущие ниже полов помещений второй половины XII—начала XIII вв. (VI—начало VII яруса), нескольких небольших комнат со стенами толщиной 0,7—1,0 м. Размер сырца 32 x 16 x 5 см. В одном из помещений обнаружена маленькая суфа с тандыром и 3 очага (D = 30—42 см), один из которых имеет сквозные каплеобразные и прямоугольные дырочки.

На раскопе 4 в слое, где найдена монета чекана династии Илеков XII в., вскрыты остатки кладки стены из жженных кирпичей размером 30 x 16 x 4 и 33 x 17 x 4 см, и расположенных рядом с ней ташнау, ввод в который оформлен трубой-кабуром с резным орнаментом.

Характер керамики в этом слое в целом тот же, что и в вышележащем: много посуды — глазурованной с коричневым и зеленым орнаментом на беловатом фоне, с подглазурным гравированным рисунком, встречаются орнаментированные очажки и подставки к ним, увеличивается количество фрагментов керамики со штампованным орнаментом. В мусорной яме, начинающейся в этом слое, найден сосудик с округлым дном на трех ножках, весь украшенный штампованным орнаментом (в нижнем поясе отображен мотив звериного гона с двумя парами обращенных друг к другу животных). Однако в слое не встречено ни одного черепка посуды с голубой поливой и темнокрасным ангобом снаружи, хотя керамика с голубой глазурью (и кашинные подвески и бусины с голубой поливой) и с подглазурным рельефным орнаментом продолжает встречаться.

В центральном стратиграфическом шурфе (раскоп 3) резко меняется и по строительному материалу, и по керамике характер нижележащего культурного слоя (VII—начало VIII яруса). Находившиеся

здесь помещения имели совершенно иную планировку, чем расположенные выше, для постройки которых часть помещений была забутована. Здесь вскрыты 6 помещений, из них 3 целиком (стены их уходят в стены раскопа). Самое большое помещение имеет размеры 6,6 x 2,8 м. Стены его, сложенные из сырцовых кирпичей 37-40 x 18-20 x 6-7 см, сохранились до высоты 50-80 см. В двух комнатах вскрыты сырцовые очаги, в одном из них к очагу примыкали лотки с бортиками из обожженной глины и обнаружены несколько фрагментов жерновов.

В IX ярусе прошел верхний уровень пола, связанный с последним обживанием здания. Этот пол идет на 70 см выше первоначального, и облик керамики в целом тот же, что и в VII-VIII ярусах. Очевидно, здесь идет строительный горизонт одного периода. На полу найдена плохо сохранившаяся караханийская монета середины или третьей четверти XI в.

Этот материал идентичен материалу, полученному при изучении второго этапа обживания здания на раскопе 8. В некоторых помещениях уровень полов повышается на 30-35 см, отстраиваются заново некоторые стены, в частности, целиком восточная стена дома, сложенная из сырцовых кирпичей 36-37 x 20 x 6,5-7 см. Из таких же кирпичей сделана обкладка порожка, ведущего из помещения 3 в 5. С этим же уровнем связана отмостка из жженных кирпичей 36 x 18 x 5-6 см в помещении 2 и ремонтная прикладка за западной стеной дома из жженных кирпичей 36 x 20 x 6-6,5 см.

На раскопе 4 в VI ярусе шли остатки стены шириной 95 см из сырца 35 x 18 x 6 см. Довольно хорошо сохранилась стена из кирпичей 37 x 18 x 6 см в курфе раскопа 5 (IX ярусу).

В неполивной керамике XI в. преобладают горшковидные и банкообразные сосуды, кувшины, котлы, крышки. Бенчики горшковидных сосудов часто имеют внутри полочку-уступ, видимо, для размещения крышки, по плечикам идут прочерченные прямые или волнистые полосы (на крупных кувшинах сочетание полос). На плечиках широкогорлых кувшинов среднего формата появляются ряды орнамента, выполненные отдельными штампами, встречается сочетание штампованного и резного орнамента. Донца крупных сосудов часто выступают наружу по отношению к стенкам. Крышки попадаются плоские, а также вогнутые с ручкой-шишкой в центре, маленькие высокие с утопленной ручкой-стерженьком (очевидно, типа

"пробок" для кувшинов). Впервые в слое появляется керамика с росписью красной краской по светлому фону в виде полос, несложных орнаментов.

Глазурью покрываются чаши разных размеров (рис. 12); преобладают довольно крупные (Д венчика = 26-30 см) как глубокие, так и несколько уплощенные с округлыми стенками. Абсолютно преобладает кольцевой поддон, часто с дополнительным выемом внутри у кольца, реже донца прогнутые. Плоские донца имеются только в группе чаш небольшого формата с несколько утяжеленной частью и расширяющимися или почти вертикальными прямыми стенками.

Орнамент обычно размещен на белом или красно-коричневом фоне. На белом фоне нанесен рисунок в сочетании коричневого с красным или черного с красным цветом. Композиция расположена либо в центре донца (вихревые розетки, плетенки, растительный цветок с трилистником или пятилистником и др.), либо по радиусу (деление на 4 сектора с нанесением рисунка внутри них, размещение по радиусам крупных листьев, бутонов, многосекторальная композиция); реже использовано горизонтальное размещение полос орнамента, до предела стилизованных надписей, еще реже - сплошное размещение по полю сосуда, например, стилизованных летящих птиц. Особенность этой группы сосудов - наличие на отдельных экземплярах с внешней стороны у венчика орнаментальных завитков черной краской. На красно-коричневом фоне разбросаны точки, миндалевидные фигурки, реже - стилизованные надписи, плетеный орнамент. Встречаются отдельные экземпляры с процарапанным орнаментом на гладком зеленом фоне.

Постройки, идущие в X-XI ярусах на раскопе 3, имеют совершенно иной план, чем лежащие выше. Расчищены три небольших помещения и остатки еще трех. Видны этапы строительства. Так, например, большая комната была разделена перегородкой на две. Южная стена комнаты сделана с напуском на пол и, как выяснилось позднее, выстроена на остатках более ранней стены. Строительный материал - сырцовый кирпич размером 39-42 x 18-22 x 6-8 см.

Со стенами связано два уровня полов. В юго-восточном углу раскопа к стене примыкал водослив-ташнау (1 x 1 м), выложенный из жженных кирпичей (20 x 20 x 4, 21-22 x 21-22 x 4-5 см) с бортиками по краю из кирпичей, уложенных на ребро, и кусков крупных

сосудов. В центре лежал кирпич с отверстием $D=3$ см, закрытым круглой галькой ($D=5$ см), под кирпичом находился пустой хум без дна. Отмостка из кирпичей указанного размера была у мусорной ямы № 5 за пределами стен построек, начинающейся также в X ярусе. Слой дал обильный керамический материал.

В расположенном рядом шурфе I стена из сырца $42 \times 22 \times 7-8$ см началась в середине УШ яруса и закончилась в начале XI (ширина ее 1,4 м).

Синхронный и аналогичный по материалу слой соответствует основному периоду функционирования здания на раскопе 8. Здание состоит из центрального коридора и 10 примыкающих к нему помещений. Все основные постройки сложены из сырцовых кирпичей размером $42-44 \times 21-22 \times 6-8$ см. Фигурные вымостка полов и выкладка цоколя стен в коридоре сделаны из жженных кирпичей размером $22 \times 22 \times 3-4$ см, реже $21 \times 21 \times 3-3,5$ см.

По строительному материалу, приемам декора и керамике здание датировано нами X-началом XI вв. Некоторые аргументы датировки нами опубликованы¹. Здесь приведем лишь наиболее близкую (и территориально, и по характеру здания) аналогию: основным строительным материалом при постройке здания зажиточного горожанина на Афрасиабе (мы имеем в виду основной этап строительства, а не строительные горизонты, обнаруженные при шурфовании и последующие переделки) служил сырцовый кирпич размером $40-42 \times 20-22 \times 7-8$ см, а в ряде помещений узорная вымостка полов произведена из жженого кирпича $20-22 \times 20-22 \times 3-3,5$ см². В ганчевой обмазке пола одного из помещений были найдены две монеты второй половины X в., в другой комнате — монета 958-959 гг., в третьей — клад почти из 200 саманидских монет всех саманидов (по данным Ш.С.Ташходжаева), из которых одна датируется 999 г. В отдельных стенах здания встречаются и кирпичи несколько большего формата, например $47 \times 24 \times 9-10$ см, но поскольку строительство в целом датируется IX-X вв.,

¹ Лунина С. Б. Здание X-XI вв. на Алтинтепе...

² Ташходжаев Ш. С. Самаркандский жилой дом IX-X вв. — ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 98-99.

возможно, что более крупный формат относится к раннему времени. Об этом еще скажем ниже. В данном случае для нас важны не только аналогии в размерах сырцовых и жженных кирпичей, но именно сочетание подобных размеров обоих видов в одном здании.

Чрезвычайно насыщенными керамическим материалом оказались развалины дома зажиточного горожанина (раскоп 8); обильно представлена поливная и неполивная керамика на раскопе 3. Это позволяет с наибольшей полнотой охарактеризовать комплексы керамики городища Алтынтепе, а в известной степени и вообще долины Капкадары второй половины X — начала XI вв. Начнем с керамики неполивной (рис. 13, 14), которая часто вообще выпадает из поля зрения исследователей. Отметим основные ее черты по группам. Среди горшководных сосудов наиболее распространена группа горшков небольшого формата из серой или розоватой глины без ручек, с прямым донцем, округлыми стенками, которые либо сразу переходят в отогнутый наружу венчик, либо в невысокую горловину, также выгнутую наружу, приземистым корпусом, диаметром венчика лишь немного меньше высоты сосуда, а иногда и равным ей.

Выделяется небольшая группа красноглиняных горшочков с двумя ручками и орнаментацией по плечикам отдельными штампами (концентрические круги, розетки); в одном случае по плечикам нанесен штампованный и резной орнамент в три ряда. Особую разновидность в этой группе составляют сероглиняные высокие сосуды (тесто с примесями) с довольно узкой горловиной, иногда с очень тонкими стенками. Все они закончены с наружной стороны и, явно, предназначались для кипячения воды.

Особенно интересна довольно многочисленная группа расписных сосудов, в основном тонкостенные горшочки с широкой горловиной и округлыми стенками (тесто кремового или красноватого цвета). Распись производилась с наружной стороны красной краской по кремовому ангобу. Распространен орнамент в виде полос, сеток, треугольников, чешуек, ромбов, причем в клетках, ромбах, чешуйках еще дополнительно размещены крупные точки, полосы, по сторонам которых нанесены ряды точек. Найдены также фрагменты керамики со стилизованными изображениями животных. Реже встречается рисунок, выполненный черной краской (полосы на ручках, крупные круги на тулове).

Крупные неполивные кувшины имеют массивный корпус, невысо-

кую горловину и одностороннюю крупную ручку. Орнамент (чаще по горловине и плечикам) процарапанный линейный и волнистый, но встречается резной и штампованный по плечикам. Больше распространены кувшины среднего формата с одной ручкой. Они распадаются на группы узкогорлых и широкогорлых. Есть кувшины с округлыми и с прямыми стенками, причем прямые стенки могут идти как вертикально, резко перегибаясь к плечикам, так и расширяясь вверх. Горловина профилирована уступами, выемками, а по плечикам чаще всего несколькими поясами. Орнамент разнообразный, выполнен резной, пунсоном и штампами. Кувшины желтовато-серого цвета, изредка встречаются и красные.

Котлы преобладают круглодонные, с округлыми стенками, либо перегибающимися в середине под углом. Ручки налепные, изогнутые. Есть котлы, где донце в нижней части почти прямое.

Украшения котлов встречаются редко и представлены следующими видами: насечки на ручках, изогнутые ручки, переходящие в горизонтальную рельефную полосу, несложный прорисованный орнамент на бортике венчика, крупные прорисованные полукруги в верхней части сосуда, налепные полосы с выемками и др. В одном экземпляре представлен широкий "раскрытый" котелок в виде крупной круглодонной миски с горизонтальным орнаментированным бортиком и крупными округлыми, поставленными вертикально на бортик ручками.

Есть несколько целых хумов, но чаще встречаются фрагменты. Высота хумов 60-70 см, диаметр венчика по внешнему краю 24-30 см, по внутреннему - 18-22 см, наибольший диаметр по плечикам 40-50 см. Высота горловины 5-8 см. В одном случае на плечиках были налеплены 2 декоративные несообразно маленькие ручки и в одном месте на плечиках отштампованы три розетки.

В комплексах керамики X-начала XI вв. распространены разного диаметра крышки плоские снизу, верхняя часть которых либо также плоская, либо имеет борттик, либо плавно поднимается к ручке-штырьку, реже ручки уплощенные короткие или длинные. Среди крышек выделяются очень крупные изделия с невысокой треугольной или четырехугольной (рис. 15) ручкой-столбиком. Эта группа крышек разнообразно украшена резным орнаментом, включая стилизованные изображения животных. Особую группу составляют плоские крышки с резным орнаментом, сочетающимся с росписью красной краской, которая иногда подчеркивает элементы резьбы, а на остальной

части крышки имеет самостоятельное значение. Встречаются также неорнаментированные вогнутые крышки и маленькие крышки-пробки.

В поливной керамике чаши крупного размера делятся на две группы: глубокие чаши с прямыми конически расширяющимися вверх стенками, дающими перегиб под углом к донцу (у этих чаш всегда тонкий кольцевой поддон), и глубокие или несколько уплощенные чаши с округло изгибающимися стенками (у них либо кольцевой поддон, либо донце с сильным прогибом к центру). Такое же различие наблюдается в формах и у небольших чаш (рис.16).

Реже встречаются маленькие очень изящные тонкостенные пиалы с прямыми расширяющимися вверх стенками (их высота обычно равна или почти равна диаметру донца — 5 см, диаметр венчика до 10 см, донце плоское), отличающиеся и очень тонкой росписью. Из других форм встречаются светильники-чирagi, реже горшковидные сосуды.

Распространены изделия с орнаментами на белом, красно-коричневом, черном фоне и сосуды с зеленой глазурью. Отметим по этим группам наиболее характерные мотивы орнаментации (рис.17). Композиция орнаментов на белом фоне чрезвычайно разнообразна. Есть композиции, расположенные в центре донца, заполняющие сложным узором все поле чаши, или размещенные полосой у венчика, имеющие радиальное построение. Довольно разнообразны и краски росписей — красная, черная, коричневая, зеленая (как правило, болотного оттенка). Традиционны плетенные черные или коричневые геометрические фигуры в центре донца (места переплетений часто подчеркиваются процарапыванием до черепка), красные вихревые розетки, надписи и сложные растительные орнаменты, выполненные черной и красной краской и др. Встречаются фрагменты с изображением человека (рис.18), птиц, стилизованных животных.

На красно-коричневом фоне распространены черные ленты с белыми крапинами, желтые ленты с черным орнаментом внутри, надписи белыми буквами или черными с белым окаймлением, белые растительные завитки, фестоны. Изделия с черным фоном встречаются редко и, обычно, в сочетании с красными полосами с белыми горошинами внутри, белыми тонкими полосами и рядами горошин, надписями белыми буквами. Зеленая глазурь на керамике часто сочетается с подглазурным процарапанным орнаментом. Позднее этот прием

в сочетании с зеленой глазурью не встречается. Надписи на изделиях читаемые и находящиеся в процессе стилизации (рис. 19).

Для XI- середины XIII ярусов на раскопе 3 выявлено несколько комнат, одно из них, самое крупное, имеет размеры 6 x 3,4 м. На остатках его стены, как на фундаменте, выстроено основное помещение вышележащего горизонта. Полностью вскрыто еще одно помещение (3,4 x 1,25 м) и остатки двух. Строительный материал — кирпич-сырец размером 39-42 x 18-22 x 6-8 см. Пол постройки прошел в середине XIII яруса. В XII ярусе найден фельс Саманида Исмаила бени Ахмада, чеканенный в Самарканде в 281 г.х. (894-895 гг. н.э.).

По материалу данному этапу соответствует слой со строительными остатками, выявленный под полами и стенами здания на раскопе В. Так, были обнаружены остатки стены из кирпича 42 x ? x 8 см, прошедшей под полами перпендикулярно стенам коридора.

Обнаруженные в упомянутых слоях комплексы керамики наряду с некоторым сходством с описанным выше материалом из слоев второй половины X- начала XI вв., имеют и значительные отличия. По стратиграфическому положению слоя и по самому материалу его можно датировать первой половиной X в. Найденный выше пола фельс последних годов IX в. не противоречит этой датировке, ибо известно, что фельсы конца IX- начала X вв. находились в обращении вплоть до конца X в.¹

В поливной керамике распространены чаши более уплощенных и как бы раскрытых наружу форм (позднее больше распространяются глубокие чаши), встречаются сосуды типа тарелок (или блюд) с отогнутым бортом и ступенчатым перегибом стенки. Донца в основном плоские, прогнутые в средней части, но встречаются и кольцевые. Обширна керамика с орнаментацией на белом фоне черной и красной краской, особенно с "резервами" и точечным заполнением внутри неправильных геометрических фигур, которые чаще всего располагаются вокруг надписей крупными буквами, но есть выполнен-

¹ Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX-X вв. — ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 154.

ные в такой технике орнаменты с растительными элементами. Отметим сразу, что в более поздних слоях эта группа керамики не встречается. Имеются изделия с мраморовидной и зеленой поливами с подглазурным процарапанным орнаментом (среди них встречаются образцы высокого качества). Разнообразны орнаменты, расписанные черной, красной, болотной красками на белом фоне, а также с орнаментом, оттиснутым отдельными штампами и покрытым глазурью. На раскопе 8 в слое найдены два черепка с несколько расплывчатой орнаментацией черных, желтых и зеленых тонов. Так как исследование слоя велось на нескольких раскопах, вряд ли можно считать случайностью полное отсутствие керамики с красно-коричневым фоном.

В неполивной керамике группа горшковидных сосудов, в том числе красноглиняных, преобладает над остальными формами. Встречаются также котлы, хумы, кувшины, в том числе тонкостенные кувшинчики из глины серовато-желтого цвета. Крышки за очень редким исключением вогнутые, с ручкой-выступом в центре, неполивные светильники-чиряги часто хорошей выделки со сквозным резным верхом.

Материал IX в. представлен на Алтынтепе уже только в стратиграфических шурфах, и хотя на раскопе 3 выявлено несколько горизонтов, относящихся к этому веку, с немалым количеством материала, мы считаем, что его все же недостаточно для выделения этапов.

На раскопе 3 в XII-XIV ярусах (ниже полов описанных выше помещений) строительных остатков не обнаружено. Найдена бадрабная яма, давшая следующий материал: венчик толстостенной чаши, покрытой снаружи и внутри сероватой глазурью, внутри орнамент бирюзового цвета в виде полос и неправильных фигур, оконтуренных тонкими полосками, заполненными точками, черепок кремового цвета, донце чаши с бирюзовым орнаментом на сероватом фоне, чаша с зеленой поливой, фрагмент чаши со сложным орнаментом желтой, зеленой и черной красками на белом фоне, из неполивной керамики — профилированные венчики светлоглиняных тонкостенных сосудов, маленький кувшинчик с грушевидным туловом, глубокая миска-тагора с выступающим венчиком, фрагменты сосудов с темно-красным ангобом.

С середины XIV яруса прошла стена из сырца размером 45-47 х 25-27 х 8-8,5 см. Связанный с нею уровень пола шел в середине XVI яруса. Вскрыто также несколько идущих от уровня пола мусорных ям, относящихся, видимо, к этому же этапу строительства. В XVI ярусе на уровне пола найден фельс Шама династии Тахиридов середины IX в.

С этим горизонтом связаны находки поливной и неполивной керамики. Из неполивной обнаружены кувшины всех размеров — от миниатюрных до весьма крупных (у двух кувшинчиков высотой 14-15 см венчики яйцовойидные, трехлепестковые), банковидные светлоглиняные сосуды, горшки, сероглиняные котлы любых размеров с венчиками разных профилей, с наклепными, подквадратными в разрезе ручками, плоские и вогнутые крышки с выступом-держателем, у которых сердцевина как бы утоплена внутрь (одна плоская крышка имела асимметрично расположенную ручку). Из поливной найдены крупная чаша с растеками зеленой и светло-коричневой краски и подглазурным процарапанным орнаментом, донце крупной чаши с орнаментом теми же красками, довольно большое количество керамики с зеленой глазурью, в том числе чаши, целый кувшин темно-зеленой поливы с высоким (28,5 см) стройным туловом и горловиной, расширяющейся как бы в чашечку и очень высоким вертикальным сливом напротив ручки, почти целый неглубокий сосуд с вертикальными прямыми стенками и подглазурным штампованным ямочкообразным орнаментом и наклепными шишками с оттиснутыми розетками. Здесь же обнаружены фрагменты керамики с черным, зеленым и желтым орнаментом на белом фоне.

В X ярусе шурфа-раскопа 5 в пригороде прошло несколько уровней полов с материалом также предположительно IX в. — керамика со светложелтой поливой, бирзовым орнаментом на белом и сероватом фоне, неполиваная тонкостенная серо- и светлоглиняная керамика, в частности яйцевидной формы кувшинчики, банки.

На раскопе 4 в VIII ярусе с остатками стен из кирпича 44-45 х 22-23 х 6-7 см на уровне полов найдена керамика в виде широкогорлых тонкостенных одноручных кувшинов, тонкостенных горшочков, светлоангобирзованных кувшинов, фрагментов красноангобирзованной керамики, лепная крышка. В ямах обнаружены два черепка поливной керамики — с процарапанным орнаментом по белому ангобу и с бирзовой и желтой полосами.

На грани УП и УШ ярусов в этом раскопе найден черный дирхем Мухаммеда, подражавший монетам бухархудатов, который может быть отнесен к IX в. В УШ ярусе обнаружены две аббасидские монеты (также подражания бухархудатским) и саманидская монета 280 г.х. (893/894 гг.), битая от имени Исмаила бени Ахмада в Самарканде. По монетам, хотя некоторые из них имели более длительное хождение, можно датировать слой IX в.

Ранним культурным слоям У-УШ вв., исследованным на Алтынтепе, и комплексам керамики из них посвящена специальная статья^I. На городище удалось выделить слои и соответственно керамические комплексы (рис. 20, 21) У-УІ и УП-УШ вв. Самое раннее поселение возникло на площади центрального бугра (слои этого времени зафиксированы только в шурфе 3). В УП-УШ вв. поселение увеличивается. Как указано выше, наиболее интенсивно обживается Алтынтепе в X-XI вв.

Шурф на Киндыктепе был доведен до материка и дал полную стратиграфию. Стратиграфический шурф здесь был заложен в 20 м на юго-запад от центрального бугра сначала площадью 3,5 x 1,5 м, которая на глубине 3 м была сокращена наполовину (рис. 22).

С поверхности на глубину до 1 м прошел слой раскладки. В нем встречены разрушенные участки кладок из разноформатных жженных кирпичей и фрагменты керамики XII в., в том числе с голубой поливой. С III яруса начали встречаться черепки керамики X-XI вв. с черным, красным и зеленым орнаментом по белому фону, с орнаментами на красно-коричневом фоне, фрагменты чирогов с зеленой и голубой поливой и крышки с резным орнаментом. В IV ярусе встречены остатки кладки стены и в конце IV яруса прошла вымостка пола помещения из жженных кирпичей размером 25-26 x 25-26 x 5-7 см. На уровне вымостки найдены остатки разрушенного очага и фрагменты керамики, в том числе своеобразная конусообразная крышка с наверх и резным орнаментом, донце чаши с изображением птицы, выполненным темнокоричневой (почти черной) и зеленой краской

^I Лунина С. Б., Столярова Н. П. Ранние культурные слои на городище Алтынтепе. - Материалы по истории, этнографии и археологии. Ташкент, 1981. (Сб. научных трудов/ТашГУ им. В. И. Ленина; № 582).

на белом фоне, фрагменты керамики с зеленой поливой. Тут же обнаружена костяная пуговица с циркульным орнаментом маленькими кружочками. Немногочисленные фрагменты керамики могут быть также отнесены к X-XI вв.

В У-VI ярусах прошли прослойки золы и зеленоватые слои растительного перегноя, перемежающиеся натечно-надувными прослойками земли.

В VI ярусе прослеживались остатки стены шириной 1 м из сырцовых кирпичей размером 45-46 х ? х 6-7 см, уложенных в 5 рядов. В идущих ниже слоях строительные остатки не обнаружены.

У-VI ярусы шурфа дали горловину кувшина с ручкой, фрагменты венчика хума и небольшого горшкообразного сосуда, ручку кружки с фрагментом стенки. Все фрагменты, за исключением кружки, представляют собой красноватые черепки с густым серым ангобом по поверхности. Ручка кружки шириной 1,5 см, уплощенная, подпрямоугольная в разрезе, просвет чуть суженный (заovalенный), черепок темносерый, очевидно переобожженный.

Н.И. Крашенинникова считает, что эта керамика близка керамике верхнего строительного горизонта Караул-тепе в Шахрисабзском районе и ее можно датировать VII в. или началом VIII в.

В VII ярусе найден осколок оконного стекла с очень широкой закраиной. VIII ярус дал лишь один фрагмент венчика хумчи красноватого цвета.

Начиная с IX яруса начала встречаться лепная керамика. В целом IX-XI ярусы дали однотипный материал, характеризующийся, во-первых, сочетанием керамики, сделанной на гончарном круге, с лепной посудой, во-вторых, абсолютным преобладанием красного в изломе черепка с красным же, реже кремовым ангобом.

Лепная керамика представлена фрагментами плоской поделки, очевидно, крышки, украшенной пальцевыми вмятинами (такая же крышка была найдена в нижних слоях шурфа на Алтынтепе), и венчиков горшкообразных сосудов. Венчик у сосудов прямой, горловина слабо выражена, стенки расширяются вниз, в черепке имеется примесь дресвы, выделка довольно аккуратная, стенки заглажены. Толщина стенок от 0,5 до 1 см.

В одном экземпляре представлена ручка кружки (черепок красноватый), состоящая как бы из двух слепленных друг с другом колец. По поверхности ручки проходит глубокий желобок, просвет ручки круглый.

В IX ярусе найден целый кувшинчик кремового цвета с ангобом. Высота сосуда 8 см, диаметр донца 3 см, наибольшая ширина тулова 8 см. У кувшинчика чуть расширяющаяся вверх горловина (высота 3 см, диаметр 2 см) с раструбом-бортиком шириной более 1 см. Корпус немного уплощенный, раздутый. В середине корпуса нанесен узкий пояс, ограниченный двумя прочерченными линиями, между которыми размещен пояс округлых вымтин. Такой же пояс имеется в месте перехода от плечиков к горловине. От пояса вниз отходят размещенные по плечикам лепестки-фестоны, прочерченные острым инструментом. И по форме, и по орнаменту чувствуется подражание металлическим сосудам.

На гончарном круге сделаны донца крупных сосудов диаметром 10–12 см. В тесте незначительная примесь дресвы. С внешней стороны донец видны следы песчаной подсыпки. Одним экземпляром представлена горловина тонкостенного кувшина.

Венчики тонкостенных хорошей выделки чаш представлены тремя экземплярами. Одна чаша диаметром 14 см имеет перегиб стенки в середине (толщина стенки 2–3 мм). У второй чаши ниже венчика сделан выем, после которого стенки резко сужаются к донцу (чаша уплощенная). Толщина стенок в среднем 3 мм. Всего в IX–XI ярусах шурфа найдено 6 черепков лепной керамики и 16 черепков посуды, сделанной на гончарном круге. Однако на материалах ограниченного по площади шурфа вряд ли правомерно вывести процентное соотношение. По стратиграфии Кургантепе и материалам Алтынтепе керамика IX–XI ярусов может быть отнесена к VI–VII вв.

В XIII ярусе в культурном слое найдены фрагмент жернова диаметром 36 см, толщиной 15 см и диаметром центрального отверстия 5 см и мелкие черепки керамики. В конце XIII яруса начался чистый слой материкового характера, пройденный на 50 см.

Таким образом, мощность культурных напластований на Киндыкте достигала 6,5 м. Поселение сложилось в V–VI или VI–VII вв. вокруг дома-замка феодала, а затем продолжало обживаться и разрастаться в IX–X вв. (последний период обживания приходится на XII в.).

Стратиграфическим шурфом размером 1,5 x 1,5 м, заложенным в западной части шахристана Чандарактепе, пройдены верхние культурные слои.

На глубину 50 см прошел дерновый слой, ниже начался слой натечно-надувного характера с фрагментами сырцовых и жженных кирпичей и керамикой. На глубине 1,5 м были обнаружены остатки вымостки из фрагментов жженных кирпичей, среди которых были два целых кирпича 32 x 15 x 4 см и 32 x 16 x 5 см. Этих же размеров кирпичи шли и в завале.

По микрорельефу здесь прослеживается дом площадью примерно 16 x 16 м с двором в центре. Щурф заложен на осыпи стен, и попавшая в нем вымостка, возможно, связана с вымосткой двора. Культурный слой до уровня пола дал большое количество фрагментов керамики, относящихся, безусловно, к XII в. В их числе были фрагменты нескольких чаш с розовой и желтоватой поливой с подглазурным процарапанным орнаментом и зеленой полосой по венчику (эта группа керамики характерна для слоев XII – начала XIII вв. памятников восточной части долины). Также найдены фрагменты керамики с голубой поливой и двух неполивных плоскодонных тонкостенных сероглиняных сосудов для кипячения воды, сильно закопченные. Интересен фрагмент кухонного котла (в средней части не менее 40 см) большого диаметра со значительной примесью крупнотолченой дресвы в тесте. Размах налепленной на котел дугообразной ручки 20,5 см, высота 12,5 см. Здесь же обнаружены фрагменты котлов с расписным орнаментом красной краской. Своеобразен и, возможно, характерен именно для этого города резной узор маленьких крышек.

Ниже пола встречены фрагменты неполивной керамики и один черепок поливной чаши с параллельными рядами мелких черных черточек, сменявшихся на перегибе чаши красными, и фрагмент сосуда с очень мелкой стилизованной надписью черной краской.

Несколько ниже уровня пола началась кладка стены из сырцового кирпича, сохранившаяся на высоту 1,5 м. Все кирпичи положены длинной стороной наружу, поэтому удалось определить лишь их длину (37 см) и толщину (6 см). Возможно, кирпичи квадратные.

На уровне стены в слое найдены несколько фрагментов керамики с белой поливой, а также с темно-коричневым орнаментом по белому фону. Любопытен фрагмент маленькой тонкостенной глиняной чаши, покрытой внутри светло-зеленой плотной поливой и с такой же полосой снаружи. Чаша напоминает селадоновую керамику и, возможно, сделана в подражание ей. Эту группу керамики по аналогии с Алтынтепе можно датировать XI в.

Таким образом, в верхних слоях шахристана Чандарактепе выявлены слои XI и XII — начала XIII вв. Шурф доведен до глубины 3,5 м, общая же высота шахристана здесь достигает 8–10 м.

Разведочный шурф размером 1,5 х 1,5 м заложен в южной части пригорода Сариктепе. Им пройден до глубины 2 м верхний культурный слой.

В северной части шурфа на 30 см ниже дернового слоя сразу началась кладка стены, протянувшаяся на ширину 90 см по площади раскопа. Во II ярусе шла плотная кладка, с III яруса началась кладка "вразбежку" с толстыми горизонтальными швами в 6 см, вертикальными — до 13 см и с промазкой, отличающейся по цвету. Формат сырцового кирпича 44 х 24 х 8 см, несколько кирпичей имели размер 44 х 19 х 8 см.

В южной части шурфа на глубине 1,85 м от поверхности отмечен уровень пола, с кирпичным завалом над ним. Керамического материала получено немного, но он однороден — это фрагменты поливной керамики с орнаментом на красно-коричневом фоне, в том числе с белыми растительными завитками, с черными полосами и рядами белых горошин в них, венчики неполивных горшковидных сосудов, хума, красноангобный крупный сосуд. Судя по размеру кирпича и материалу, весь верхний слой можно датировать X–XI в. и, следовательно, эта часть пригорода позднее не обживалась. Этого же времени керамика преобладает и в подъемном материале. Очевидно, именно в этот период город достигает своих максимальных размеров.

В траншеях, образованных работой бульдозера на Кичмиштепе, проведены зачистки, обмеры, зачерчивание образовавшихся своего рода стратиграфических разрезов. Некоторые из них достигали длины 40 и высоты 4–10 м. Результаты их исследования дали дополнительные данные по стратиграфии одного из средневековых городов долины.

Прежде всего, на краю бугра зафиксированы остатки явно оборонительной стены основной части города шириной до 5 м высотой свыше 3 м. Примыкающий к стене и идущий ниже культурный слой дал керамику VI–IX в. включительно.

Выше этого слоя прослеживался мощный культурный пласт со стенами шириной от 60 см до 1 м, длиной от 2 до 13 м, высотой до 2 м, сложенными в основном из сырца прямоугольного формата

размером 42-48 x 21-24 x 7-9 см. Из слоя извлечено большое количество поливной керамики IX-X вв.

Наконец, самый верхний культурный слой дал остатки жилых построек со стенами шириной от 80 см до 1,3 м (в нескольких случаях к ним подходили один или несколько уровней полов), на которых видны ремонтные обкладки. Размеры кирпич-сырца 32-36 x 16-18 x 6-7 см. Применялся в строительстве и жженный кирпич различных форматов. На этом же уровне расчищены остатки гончарной печи и близ нее стена из кирпича-сырца длиной до 7 м. По керамике слой датирован XI-XII вв. В разрезах зачищены несколько мусорных и бадрабных ям, очаги.

Таким образом, при некоторой условности стратиграфии, полученной в результате подобных зачисток, все же намечены основные контуры истории Кипмиштепе, а последовательность культурных слоев, смены строительных материалов и керамических комплексов перекликалась с таковыми же на Алтнштепе.

Большинство шурфов, заложенных З.И.Усмановой на территории современного Шахрисабза, дали слой периода развитого средневековья. Так, слой в VII ярусе шурфа № 7, заложенного в центральной части города, датирован X-XII вв. Здесь расчищена кладка из кирпича размером 35-36 x 18-19 x 4,5-5,5 см, обнаружена поливная и неполновинная керамика.

В некоторых шурфах (на западном фесе городской стены) слой X-XII вв. лежал на материке. Материал этого же времени получен с тепе в юго-западной и других частях города¹.

Стратиграфический шурф, заложенный на шахристане Несефа, дал в нижней своей части слой VI-VIII вв., лежащий на материке, а выше после стерильной прослойки земли прослежены слои обживания на протяжении IX- начала XIII вв. М.Е.Массон связывает перерыв в обживании с арабским завоеванием, после которого, начиная с IX в., городок стал снова интенсивно обживаться².

Отметим некоторые закономерности, выявленные стратиграфиче-

¹ См.: У с м а н о в а З. И. Историческая топография Шахрисабза..., с.96-115.

² М а с с о н М. Е. Столичные города..., с.46.

ским изучением. Самые ранние слои на площади средневековых городов Кашкадарьинского оазиса связаны с раннесредневековым периодом. Пока ни в одном городе при закладке шурфов не отмечены античные слои. Рост городов идет частично в VII-VIII и особенно в X-XI вв. (мощные слои последнего периода указывают и на интенсивность обживания). В большинстве городов и поселений последний период обживания представлен культурным слоем XII-начала XIII вв., то есть прекращение жизни в них можно связать с монгольским завоеванием. Правда, на Алтынтепе есть следы незначительного обживания в 20-30-е годы XIII в., сопровождавшиеся находками монет. Слои тимуридского периода ни в одном городе (не считая Шахрисабза) пока не обнаружены.

В результате стратиграфического изучения для городов и поселений долины Кашкадарьи VIII-XII вв. выделены в настоящее время следующие этапы с характерными комплексами материала: VII-VIII вв., IX в., первая половина X в., вторая половина X-начало XI вв., XI в., первая половина XII в., вторая половина XII-начало XIII вв.

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА И ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО

На развитие экономики Кашкадарьинского оазиса в средние века сказывались особенности различных его районов. Были мы указывали, что наиболее плодородные земли были сосредоточены в Китабо-Шахрисябской котловине, здесь же была более высокая естественная увлажненность. Все это способствовало развитию поливного земледелия.

В низовьях же Кашкадарьи, считается, на небольшой площади могло существовать лишь условно поливное зерновое хозяйство, базирующееся на паводковом стоке¹.

Предгорные адры и степные районы были благоприятны для развития богарного земледелия и скотоводства. В степных районах северо-западной части оазиса, где занятие скотоводством давало, видимо, высокий прибавочный продукт, длительное время обитали кочевники-скотоводы.

В Китабо-Шахрисябском районе имелись все условия для развития садоводства и виноградарства.

По современным данным, пахотные земли составляют в Кашкадарьинской области 16% от всей площади, из них 1/3 орошаемые, а 2/3 богарные, 66% от общей площади занимают сенокосы и пастбища². Основная отрасль хозяйства — хлопководство, из зерновых преобладают посевы пшеницы и ячменя, в меньшей степени — проса и кукурузы, большая роль отводится плодоводству, овощеводству, бахчеводству.

А. Ю. Якубовский писал, что согласно письменным источникам и археологическим материалам, в VII- начале VIII вв. в долинах Зеравшана и Кашкадарьи произрастали те же сельскохозяйственные культуры, что и в наше время: пшеница, ячмень, просо, разные сорта гороха и бобовых, люцерна, джугара, хлопок,

¹ Ирригация Узбекистана. Т. 3. Современное состояние и перспективы развития ирригации в бассейне р. Амударьи. Ташкент: Фан, 1979, с. 86.

² Агроклиматические ресурсы Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областей Узбекской ССР. Ленинград: Гидрометеоиздат, 1979, с. 16.

из которого изготавливали ткани разных сортов, был широко распространен виноград, в садах росли урюк, слива, персики, яблоки, вишня, миндаль, орех¹.

В целом, А.Ю.Якубовский прав, однако необходимо рассмотреть, каким конкретным материалом, извлеченным из письменных источников и археологических данных, отчасти и данных этнографии, мы располагаем для Кашкадарьинского оазиса.

Природно-климатические условия, несомненно, оказывали свое влияние на характер экономики, но, начиная с VI-VII вв. и особенно в IX-XII вв. определяющее значение имели прогрессивный рост феодальных отношений, развитие ирригационных систем, развертывание добычи полезных ископаемых, дальнейшая дифференциация города и деревни, развитие товарно-денежных отношений.

В.В.Бартольд справедливо писал о том, что долина Кашкадарьи уступала по своему значению долине Зерафшана, но все-таки отличалась своим плодородием².

Вполне понятно, что для жизнеобеспечения населения на первый план в сельском хозяйстве выдвигалось выращивание зерновых культур. Как указано выше, здесь развивалось как орошаемое, так и богарное земледелие.

О том, что в окрестностях Несефа есть хорошие посевы, много богарных пашен сообщают письменные источники³.

Население Кашкадарьи, очевидно, применяло различные виды орошения — паводковое и лиманное, саево-ручьеовое, искусственное (каналы, арычные системы), используя дамбы, плотины.

Характерная черта растительности предгорий и подгорных равнин Гиссарского хребта — обилие дикой пшеницы и ячменя⁴. Очевидно, именно это обстоятельство облегчило возникновение земледелия во II тыс. до н.э. на юге Узбекистана. По другую сторону Гиссарского хребта, в долине Кашкадарьи, земледельческие племена появ-

¹ Якубовский А. Ю. Вопросы изучения Пенджикентской живописи. Живопись древнего Пенджикента. М.: АН СССР, 1954, с.15.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.187.

³ Бартольд В. В. К истории орошения, с.207.

⁴ Агроклиматические ресурсы..., с.19-20.

ляются лишь в первой четверти I тыс. до н.э. По одним предположениям, сюда могли продвигаться бактрийцы, уже имевшие высокие навыки развития земледелия, по другим – развитие земледелия в Кашкадарье имело местные корни, чему благоприятствовали и природные условия, и наличие в отрогах Гиссарского хребта дикорастущих злаков.

К периоду IV–VII вв. относятся сведения о произрастании в Нахшебе пшеницы¹. На поселении Малое Кызтепе найдены обгорелые зерна ячменя, относящиеся к III–IV вв. и, по определению М.М.Якубчикера, принадлежащие ячменю двурядному².

К периоду развитого средневековья относится найденная на территории Алтынтепе пшеница. В 20 см над полом топки гончарной печи XII в. раскопа IO в слое золы обнаружено маленькое пятно – слой (2–3 см) обуглившихся зерен пшеницы, видимо, случайно попавшей в топку. По определению сотрудников лаборатории полевых культур Среднеазиатской опытной станции Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства, пшеница относится к виду *Triticum compactum* Host (возможно, var. *icterinum*)

Именно карликовая пшеница *T. compactum* Host наряду с мягкой выращивалась ранними земледельческими племенами Южного Узбекистана, Южной Туркмении, Афганистана, Индии. Так, на поселении Сапаллитепе на юге Узбекистана (II тыс. до н.э.) обнаружены зернохранилища с остатками злаковых, относящихся согласно определению к карликовой мягкой пшенице *T. aestivum*³, на поселениях южной Туркмении эпохи бронзы найдены мягкая (*T. vulgare* Vieb.) и карликовая (*T. compactum* Host)⁴.

Таким образом, карликовая пшеница имеет ранние истоки и продолжает культивироваться в эпоху развитого средневековья.

¹ Б и ч у р и н Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. Ч. 3. М.–Л.: АН СССР, 1950, с. 264.

² К а б а н о в С. К. Культура сельских поселений..., с. 83.

³ А с к а р о в А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977, с. II7–II8.

⁴ Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане (с древнейших времен до присоединения к России). Ашхабад: Илим. 1971, с. 22.

Пшеница *T. compactum* Host относится к виду гексаплоидных голозерных. Считается, что она была широко распространена в прошлом (на территории нашей страны в настоящее время сохранилась в отдельных районах Армении и Средней Азии¹). По ряду признаков данный вид сходен с мягкой пшеницей, но отличается плотным и коротким колосом. К числу ценных признаков относятся высокие хлебопекарные качества, повышенное содержание белка, к числу отрицательных — низкая продуктивность.

Очевидно, горожане приобретали у сельских жителей зерно, мололи же его в домашних условиях, о чем свидетельствуют находки каменных жерновов. Возможно, выделение ремесленников, специализировавшихся на помоле муки, было свойственно лишь крупным городам (так, в Мерве квартал мукомолов известен уже для раннего средневековья).

Находки жерновов в жилых домах городов и сельских поселений, наличие тандыров по выпечке хлеба почти в каждом доме указывает, что помол зерна и выпечкой хлеба занимались и горожане, и сельские жители. Но само зерно город получал из деревни.

Широкое расселение, сопровождавшееся развитием систем искусственного орошения, позволяло накапливать и расширять опыт ведения полеводства и наряду с зерновыми культурами закладывать участки виноградников, садов, бахчи и пр.

Список возделываемых в средние века культур и приемы их обработки установлены благодаря археологическим находкам и данным источников.

Особым плодородием отличались земли Кеша. Макдиси сообщает, что здесь теплее, чем в других частях Мавераннахра, плоды созревают раньше, и отсюда вывозят ранние фрукты. Бабур писал, что Кеш и его окрестности весной имеют цветущий вид². Ибн Хаукаль отмечал, что в шахристане и рабаде Кеша при всех домах имеются проточная вода и прекрасные сады³, а рустак Кеша обильны скотом⁴.

¹ Пшеницы мира / Отв. ред. Брежнев Д. Д. Л.: Колос, 1976, с. 80.

² Бартольд В. В. К истории орошения..., с. 207.

³ Бетгер Е. К. Извлечения из книги "Пути и страны"..., с. 20.

⁴ Там же.

В горных районах Кашкадарьинской области и сейчас произрастают миндаль, грецкий орех, яблоня, вишня, алыча, абрикос.

В колодце с обкладкой из жженого кирпича, функционировавшем в IX в. в рабаде Несефа, и в этом же веке превращенном в мусорную яму, найдены семечки яблок, тыквы, арбуза, дыни, косточки винограда, джиды, урюка, персика, грецкий орех, миндаль¹.

На раскопах Алтынтепе и Ялпактепе неоднократно встречались косточки персика, семена арбуза и дыни (семена арбуза найдены также на раскопах Киндыктепе).

Особо скажем о развитии виноградарства. Арабские географы отмечают, что в окрестностях Несефа было много хорошего винограда². Надо думать, что и в Кеше, где для этого были еще более благоприятные условия, в средние века развивалось виноградарство. Для нового же времени Д.Н.Логофет сообщает, что виноградники имеются по всему бассейну Кашкадарьи³.

О развитии виноградарства в IX-XII вв. свидетельствуют постоянные находки косточек винограда при археологических раскопках памятников этого периода. Находили их на Несефе, в мусорных ямах IX в., в стратиграфическом раскопе и в разрезе на Алтынтепе. Наконец, особенно показательны раскопки на Алтынтепе домашней винодельни.

У юго-западного угла помещения 8 на раскопе 8 была расчищена яма размером в верхней части 75x70 см, обложенная со всех сторон в 2-3 ряда фрагментами и целыми жжеными кирпичами, кроме того, у южной ее стенки сохранился деревянный брусочек длиной 37 см и шириной 7 см, но древесная труха проследивалась и дальше. Очевидно, обкладка из кирпичей дополнялась деревянными частями.

В верхней части ямы встречались кусочки ганча, а на глубине I м уже на стенках ямы сохранились остатки толстой (в среднем 0,6 см) сероватого цвета ганчевой обмазки. С глубины 50 см начался легкий слой ярко-зеленого цвета, явно растительного перегноя, перешедший в сплошной слой виноградных косточек, который прошел до дна на толщину до 90 см. Общая глубина ямы

¹ К о ч н е в Б. Д. Работы в Каршинском оазисе. - АО 1978 года. Москва, 1979, с.554.

² Б а р т о л ь д В. В. К истории орошения..., с.207.

³ Л о г о ф е т Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Спб., 1911, т.I, с.II7.

1,35 м, диаметр у дна 85 см. На дне ямы и в слое близ него найдены четыре плоские крышки, лежащие ручками вниз, образуя вверху почти ровную плоскость. На всех крышках была масса налипших виноградных косточек. Очевидно, здесь крышки находились во вторичном использовании для уплотнения дна ямы и, возможно, для уменьшения фильтрации. Но не исключено, что крышки могли класть поверх слоя винограда и давить виноград непосредственно в яме, в таком случае крышки служили в качестве пресса. Был обнаружен в яме также чираг и фрагмент стеклянного кувшинчика. Чираг, видимо, уронили, когда осматривали содержимое ямы.

Западнее ямы находилась, очевидно, небольшая площадка, где могли давить виноград, вымощенная жжеными кирпичами, положенными плашмя, но вымостка сохранилась лишь частично. Простые расчеты показывают, что в яме могло находиться примерно 700 л виноградного сусла.

Сходное устройство обнаружено при раскопках одного из домов в пригороде Пенджикента. Здесь около ямы было сделано квадратное углубление размером 1,35х1,25 м, оштукатуренное ганчем, где давили виноград. Углубление соединялось с ямой диаметром 1,32 м вверху и 1,18 м внизу и глубиной 1,35 м, также оштукатуренной ганчем. Края ямы над уровнем пола были обложены кирпичами. Считается, что в нем виноградный сок отстаивался, после чего его переливали в хумы и кувшины¹. Яма могла вместить 1400–1450 л соку.

Наличие небольшой винодельни непосредственно в жилом доме не должно удивлять. Официально ислам преследовал употребление вина и его приготовление², но, несмотря на это, вплоть до XX в. в Средней Азии вино, как правило, изготавливали в домах и потребляли на месте, чаще тайно³. Хранилось же вино в хумах, зарытых в землю в жилых помещениях до самого венчика и наглухо закрытых,

¹ Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. – МИА СССР, № 66, 1958, с. 187. (Труды/ТАЭ; Т. 3).

² Мещ А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1966, с. 312.

³ Пещерова Е. М. Гонимое производство Средней Азии. М.–Л.: АН СССР, 1959, с. 290–291. (Труды/ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. 42).

сверху даже клали доски и все накрывали войлоком или паласом¹.

В описанном нами доме с винодельней вино могло храниться в хуме (высота 70 см, диаметр венчика 27 см), врытом в пол в помещении № 5. Сверху хум был закрыт жженым кирпичом. Угловое помещение, где находился хум, было изолированным и имело, явно, хозяйственное назначение, где, возможно, хранились запасы. Пол его был ниже описанных помещений на 60 см (судя по высоте ступеньки, которую надо было преодолеть, чтобы спуститься сюда из помещения № 3). Таким образом, помещение было как бы полуподвальным.

После присоединения части Зеравшанской долины к русским владениям долина Кашкадарьи считалась житницей бухарского ханства².

Карши был центром привоза сельскохозяйственных продуктов Гиссарского края, местного виноградарства и маслобойной промышленности³. Небезынтересно вспомнить, что вывозили из Карши и Шахрисябза в начале XIX в. Так, Е.К.Мейендорф называет сухофрукты, хлопок-сырец, хлопковую пряжу, табак, немного шелка⁴. Упомянув поля и сады, окружающие Карши, он пишет, что оттуда в Бухару доставляют рис, хлопок и фрукты⁵. Рис привозят в Бухару также из Шахрисябза⁶. Отмечая богатства Шахрисябзского ханства, Е.К.Мейендорф говорит о вывозе в Бухару отличного хлопка, красивых корней, о добыче железа, производстве кожи и других товаров, идущих в Россию⁷. Хлопчатобумажная пряжа из Шахрисябза вывозилась в Россию через Бухару⁸.

¹ Там же, с.293.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.187.

³ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Соч.: В 9 т. М., 1963, т.2. Ч.1, с.423.

⁴ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975, с.91.

⁵ Там же, с.86.

⁶ Там же, с.109.

⁷ Там же, с.79.

⁸ Там же, с.125.

Вырабатывались в Кашкадарьинском оазисе и технические культуры. Хлопководство развивалось в раннем и развитом средневековье. В упомянутом колодце IX в. в рабаде Несефа найдены коробошки хлопка и хлопковые семена¹. Очевидно, в городе хлопок находился в связи с его обработкой и изготовлением хлопчатобумажных тканей, которыми оазис славился и позднее, или город являлся посредником в вывозе хлопка-сырца и пряжи.

Одной из древнейших отраслей сельского хозяйства Кашкадарьинской области считается шелководство².

Развитие экономики в определенной степени базировалось также на добыче полезных ископаемых и их переработке. Исследованиями установлены некоторые древние разработки в пределах долины.

Особое значение для развития ремесленного производства имели месторождения металлов. Можно сказать, что работа ремесленников была обеспечена хорошей сырьевой базой.

М.Е.Массон³ обратил внимание на поля железных шлаков, отмечая их в верховьях Танхоздарьи и Карадарьи, древние выработки и отвалы металлических шлаков зафиксированы им в верхней части бассейна Кизылларьи⁴.

Позднее, работами геологических партий и целенаправленным изучением, проведенным Е.Б.Пругером, удалось обнаружить ряд новых месторождений. Так, выделен комплекс Тутаката с выработками железных руд и полиметаллов, поблизости отмечены большие шлаковые поля с остатками плавильных горнов, около которых находилась керамика IX-XII вв. Такие же выработки и шлаковые поля наблюдаются по Чуянлисаю и Тырнасаю. Е.Б.Пругер считает, что они относятся к средневековому периоду. Многочисленны шлаковые поля по Лянгардарье⁵. В основном на этих выработках вели добычу

¹ К о ч н е в Б. Д. Работы в Каршинском оазисе..., с.554.

² Агроклиматические ресурсы..., с.139.

³ М а с с о н М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент: Госиздат, 1947, с.30.

⁴ М а с с о н М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент: АН УзССР, 1953, с.19.

⁵ П р у г е р Е. Б. Древние горнопромышленные объекты юга Узбекистана. - Материалы по истории, историографии и археологии. Ташкент, 1980, с.29-31. (Сб. научных трудов/ТашГУ им.В.И.Ленина; № 630).

железа и, частично, серебра. В период раннего и развитого средневековья, очевидно, разрабатывалось месторождение полиметаллических руд у селения Кельтикуль¹. В V-VIII вв. началась разработка месторождения Ширдаг, здесь же на месте выплавляли железо, о чем свидетельствуют остатки горнов, крицы². В этом же районе добывались киноварь и мергелистые известняки.

Е.Б.Пругер считает, что добывавшаяся в урочище Ширдаг ртуть использовалась для извлечения золота, в частности на рудниках Нуратинского хребта, куда и вывозилась из Каша. Но многочисленные находки сферокузов (симокузача) на всех средневековых городищах Каша и Несефа говорят и об использовании ртути для различных надобностей в самой Кашкадарье. Интересна находка группы этих сосудов в мастерской металлста на Алтынтепе. Очевидно, в первую очередь рудник обеспечивал местные потребности, а затем ртуть шла и на вывоз.

Важное значение для развития внутренней экономики и внешних связей имела добыча в Кеше соли. Сведения источников о ее добыче в горах обобщены М.Е.Массоном³. Он считает, что упоминаемый в источниках IX-X вв. соляной рудник Каша соответствует месторождению, расположенному в 64 км от Гузара. Качество добывавшейся там соли, по сведениям Худуд-ал-Алем, было настолько высоко, что подобной ей не существовало во всем свете⁴. Кешская соль ценилась не только в регионе; имеются свидетельства о вывозе ее в средние века в Хорасан и другие районы. Ибн-Хаукаль писал: "В Кеше добывается из земли каменная соль, которую доставляют во многие области Хорасана"⁵.

Резной шток, обнаруженный на ряде памятников X-XII вв., указывает на производство алебаstra. Е.Б.Пругер отмечал, что в средневековье по Аксу добывали гипс.

¹ П р у г е р Е. Б., Т и х о м и р о в Р. М. Работы по изучению древнего горного промысла Узбекистана. - АО 1977 года. М., 1978, с.534.

² П р у г е р Е. Б. Обследование древних рудников в Узбекистане. - АО 1974 года. М., 1975, с.510.

³ М а с с о н М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. 1934, с.41-42.

⁴ М а с с о н М. Е. К истории горного дела..., с.20.

⁵ Б е т г е р Е. К. Извлечение из книги "Пути и страны"... с.20.

По берегу Кашкадарьи близ кишлака Хазрет-Башир отмечены выходы гончарной глины высокого качества. Добывалась керамическая глина и по Аксу¹. Очевидно, эта глина употреблялась при выработке особо высококачественных изделий, для массового же производства использовались обычные глины, добывавшиеся по берегам различных водных источников. Само широкое развитие местного гончарства указывает на достаточное обеспечение местным сырьем.

Таким образом, на развитие основных видов ремесленного производства в городах влияла обеспеченность местным сырьем. Плавил металл и производили полуфабрикаты в основном в виде железных криц в горах, а затем крицы доставляли в города, где подвергали вторичной переплавке для изготовления необходимых орудий труда, оружия и других предметов.

Из Кеша вывозили фрукты, возможно зерно. Е. Б. Пругер считает, что железную руду или полуфабрикаты из нее могли доставлять из Кеша в северный Согд. Предметом вывоза была и ртуть.

Выполнение разнообразных функций города, в том числе экономических и производственных, было немислимо без существования дорог, связывавших его прежде всего с сельской округой, а уровень экономических связей определялся наличием путей, связывавших город также и с горными рудниками, другими городами, районами. Дороги, караванные пути способствовали развитию экономики и городской жизни и, наоборот, развитие экономики стимулировало интенсификацию сложения и функционирования торговых путей. Большую роль во внутренней жизни города играли дороги, проложенные между крупными центрами.

Одной из главных была дорога, соединявшая Кеш и Несеф. Тянувшийся вдоль левого берега Кашкадарьи путь был на значительное расстояние прослежен нами по остаткам расположенных вдоль него средневековых поселений². От Несефа путь шел в направлении Камайтене, затем на Алтынтене и, видимо, где-то поблизости от него разветвлялся. Дальше на Кеш дорога продолжала идти по левобережью к Кишмиштепе и далее. У Кишмиштепе, как

¹ См.: П р у г е р Е. Б. Древние горнопромышленные объекты... с. 31.

² Л у н и н а С. Б. Разведочное обследование...

уже было указано, была переправа через Кашкадарью. Другой путь от Алтынтепе шел в направлении Гылатепе также в Кеш.

Путь, соединявший Несеф с Субахом, был одновременно отрезком большого торгового пути из Балха в Бухару¹. На дороге в Бухару находилась и Кешба, а Беада соединялась дорогой с Несефом и находилась на Пути из Бухары в Келиф.

Из Субаха через Искифатн, наверное, почти также, как и сейчас (в основном по районам предторий), проходил другой путь в Кеш. От Субаха же дорога шла в направлении названного в источниках селения Кендек и от него через Железные ворота на Термез². В Саганиан (Чаганиан) попадали как через Железные ворота (очевидно, в случае, когда путь вел от Несефа, Субаха), так и через долину реки Сангардак (из Кеша).

Важное значение имели пути, связывавшие долину Кашкадарьи с Самаркандом: через Кеш и перевалы Тахтакарача или Джам, по правобережью в обход горной системы. Многочисленные тропы связывали область с горными рудниками.

На торговые связи городов часто указывают названия ворот. Так, шахристан средневекового Несефа имел четверо ворот: Бухарские (в другом чтении Неджарийские), Самаркандские, Кешские и Губдинские. Очевидно, от них отходили в соответствующих направлениях дороги. В свою очередь, шахристан Самарканда, по сообщениям географов X в., имел на юге ворота, именуемые Кешскими³.

Приводимое ниже описание остатков ремесленного производства в городах долины основывается на проведенном нами раскопном изучении и разведочном обследовании с использованием необходимых данных из работ других археологов, работавших в Кашкадарьинском оазисе.

Выделение кварталов и участков ремесленного производства связано с развитием городов. Квартал керамистов возникает уже на античном Еркургане и функционирует от рубежа нашей эры до середины I тыс. н.э. За последние годы здесь вскрыты печи двух-

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.189.

² Там же, с.191-192.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху..., с.136.

ярусной конструкции. Выявлен квартал керамистов и для античного Китаба¹.

В период раннего средневековья развивается процесс концентрации ремесла в городах, где отмечаются участки и кварталы различных производств. Так, был обнаружен и обследован участок гончарного производства на Бауртепе, размещенный в пригороде на юго-востоке от шахристана². Вскрытая здесь печь имела круглую двухярусную конструкцию. Под ее покоился на мощном опорном столбе. Отверстия-продукты расположены четырьмя концентрическими кругами. Печь и керамика из нее датированы IV-VI вв. (упоминаем этот тип печи еще и потому, что он будет встречаться и позже). Отмечено гончарное производство для Еркургана раннесредневекового периода и для Каша.

Однако города из-за своей малочисленности явно не обеспечивали городской ремесленной продукцией не только дальние районы, но и ближайшую округу. Отсюда выявленное археологами развитие ремесла на многих сельских поселениях.

Для Китабо-Шахрисабзского района Н.И.Крашенинникова отметила следы незначительных по объему производств даже на сравнительно небольших (2-3 га) сельских поселениях раннесредневекового периода. Так, следы гончарного производства обнаружены на Тупчактепе, Мунчактепе, Сарвантепе, Янгйабдактепе, железоделательного - на Сарвантепе. Н.И.Крашенинникова считает, что продукция сбывалась и другим поселениям³. При раскопках Караултепе на Аксу вскрыт сельский неукрепленный дом VII в., в котором были зафиксированы остатки кузнечного ремесла⁴.

¹ Сулейманов Р., Исамиддинов М., Туребеков М., Нефедов Н. Основные итоги..., с.545.

² Лунина С. Б., Усманова З. И. Новое о раннесредневековом..., с.52.

³ Крашенинникова Н. И. Маршрутное обследование Китабского района. - АО 1976 года. Москва, 1977, с.529-530.

⁴ Крашенинникова Н. И. Об археологических работах 1978 г. в зоне Гиссаракского водохранилища. - Материалы по истории, историографии и археологии. Ташкент, 1980, с.20. (Сб. научных трудов/ТашГУ им. В.И.Ленина; № 630).

Думается, что именно в степени концентрации ремесла и масштабах производимой продукции заключена главная разница между городами раннесредневекового периода и городами IX–XII вв. Соответственно функции ремесленного производства все больше переходят от сельских поселений к городам, углубляется дифференциация труда между ними. Однако, как будет показано ниже, процесс этот в Кашкадарьинском оазисе не завершился в исследуемый отрезок времени.

Обобщим результаты исследования остатков ремесленного производства в средневековых кашкадарьинских городах. В рабаде Несефа к северо-востоку от шахристана зафиксирован обширный квартал металлостов¹. Керамисты X–XIII вв. работали и в шахристане, и в рабаде. Отмечены следы обжигательных печей, многочисленны находки штырей, трехножек-сипая². Нами примерно в 400 м к северу от цитадели прослежен участок с пятнами золы, кирпичными шлаками, переобожженными спекшимися кирпичами. Очевидно, здесь размещалось кирпичеобжигательное производство.

В рабаде Кесон встречаются керамические шлаки, сипая, железные крицы. Нами в обресе дороги зафиксированы остатки, видимо, кирпичеобжигательной печи. Ладшкообразные железные крицы встречаются и на городище Куна-Фазли (Безда).

Несколько керамических печей квартала керамистов, размещавшегося в пригороде Искифагна (Ходжабузруктепе), отмечены на площади позднего кладбища. На городище выявлены и следы кирпичеобжигательного и железоделательного производств.

Разнообразные ремесла были развиты на Алтынтепе. Среди них гончарное, кирпичеобжигательное, стеклоделательное, металлообработка. Несомненно наличие в городе ткачества.

По занимаемой площади, в первую очередь, следует назвать гончарное ремесло. Большой участок гончарства, где вскрывались печи, находился к югу от центрального бугра. На расстоянии приблизительно 250 м к юго-востоку от цитадели велась расчистка мощных отвалов бракованной керамики (раскоп 6). Преобладала поливная керамика, но встречалось и большое количество поливной

¹ Кочнев Б. Д. Исследования средневекового Несефа..., с. 501–502.

² Массон М. Е. Столичные города..., с. 48.

как хорошего обжига битая, так и бракованная. Судя по керамике, слои отвалов здесь накапливались в течение X-XII вв. неподалеку от квартала ремесленников (поблизости отсюда находились, например, описанные ниже расположенные круглые печи). В отвалах наблюдались прослойки золы, куски гончарного шлака. Интересны находки катушкообразных глиняных предметов с одним срезанным боком (их находили и при раскопках печей). Связь их с гончарным производством несомненна, но конкретное назначение неясно.

Отвал бракованной керамики X в. обнаружен в шурфе 4 (в 50 м к юго-востоку от цитадели). Слои включал куски стенок гончарных печей, шлаки, золу, керамику). Особо интересны найденные деформированная горловина симабузачи и почти целый бракованный искореженный сферокус, у которого по стенкам трижды повторены сердечковидный узор и идущая вертикально плохо отпечатанная надпись из одного слова. Верхний слой глины отлетел, поэтому прочесть ее было невозможно.

Неподалеку от шурфа 4 на берегу канала был расчищен заброшенный колодец, превращенный гончарами в мусорную яму. Из него извлечен комплекс неполивной керамики IX-XI вв., причем многие сосуды оказались измятыми в процессе обжига, сильно деформированными. Получено много археологически целых кувшинов, горшков, ковшика. Некоторые сосуды покрыты красным ангобом, имеют крупные носики-сливники, плечики многих украшены сплошным резным орнаментом. Несомненно, что все эти виды керамики производились на Алтынтепе.

Примерно в 200 м на восток от канала на перепаханном поле хорошо прослеживался большой участок с массой шлаков, ошлакованными кирпичами, крупными кусками стен печей и обожженной землей: здесь, очевидно, располагался участок кирпичеобжигательного производства, ныне разрушенный.

Отдельные печи вскрывались в разных частях пригорода и на центральном бугре. Две расположенные рядом гончарные печи выявлены на участке к югу от бугра (поверхностный рельеф здесь несколько изменен в результате работы бульдозеров при строительстве канала). Одна из печей круглая двухъярусная, в довольно хорошем состоянии (рис.23). Диаметр пода 1,3 м, стенки его в северной части не сохранились, в остальной части достигают 30-40 см. Стены печи покрыты толстой глиняной обмазкой в 2-3 см

и прокалены до серовато-зеленого цвета. Один ряд продухов диаметром 10–13 см идет кольцеобразно у стен печи и несколько продухов меньшего размера (диаметром 8–9 см) в центре пода. Глубокая (1,7 м) топка перекрыта сводом, образованным путем перехода от горизонтальной кладки в стенах топки к вертикально поставленным кирпичам в центре свода с постепенным расширением швов между верхними концами кирпичей. Стенки пода наклонно упираются в свод топки. Конструкция, явно, не очень удачная: при расчистках стенки печи обрушивались от малейшего прикосновения.

Печь сложена из кирпичей размером 32–33Х16–17Х5–6 см. Топочный лаз находится с западной стороны на довольно большой высоте от дна топки. Наружу он несколько суживается от 70 до 50 см. Лаз идет наклонно и, очевидно, начинался на уровне пода печи. На дне топки расчищены прослойки золы, в которой найдены фрагменты керамики, оставшиеся здесь от последнего обжига, фрагменты чаш с голубой поливой внутри и темно-красным ангобом снаружи, покрытые прозрачной глазурью чаши с процарапанным орнаментом на белом фоне и зеленой полосой у венчика. Такие же фрагменты найдены и на уровне пода печи. По ним печь можно отнести к XII в., но уточненную датировку дал нумизматический материал из кладки, найденного рядом с топкой на ее уровне. Кладка состояла из трех стопочек слипшихся монет в количестве 31 экз., завернутых в ткань. По определению Б.Д.Кочнева, все монеты принадлежат к числу медных посеребренных дирхемов караханида Ибрагима бени Хусейна и имеют дату 1178–1180 гг.¹ В кирпичной же кладке, перекрывавшей остатки пода, найдена монета, чеканенная в 30-х годах XIII в. Таким образом, печь можно датировать в пределах конца XII – начала XIII вв.

Рядом расположена вторая небрежно сложенная (частично из фрагментов кирпича) печь. Сохранилась только топочная ее часть, по которой трудно судить о конструкции в целом. В западной части топки к стене примыкает неширокая полочка. Топка длиной 1,45 м, шириной 1,05 м неправильно-овальной формы. Устье расположено с северной стороны перпендикулярно к длинной оси печи. На дне топки и на полочке лежали десятки фрагментов однотипных небольших плоских крышек с ручкой-выступом в центре и одинаковым штампо-

¹ К о ч н е в Б. Д. К истории денежного обращения в Средней Азии в XI–XII вв. – ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975, с. 170–175.

ванным орнаментом и одна крышка большого диаметра (возможно, для тандыра) с большой ручкой-столбиком с четырьмя отростками-рожками и прочерченными пальцем кружками и волнистыми линиями.

Трудно сказать, специализировался ли мастер на изготовлении этих групп изделий, но что они остались в печи от последнего производившегося в ней обжига, несомненно, ибо есть и бракованные фрагменты крышек, и запекшиеся в золе. Впоследствии печь использовалась как мусорная яма, и ее перекрывает слой с разнообразной, но не относящейся к работе самой печи, керамикой. Найденные в печи крышки, так же, как и продукция первой печи, можно датировать XII – началом XIII вв. Таким образом, обе печи работали в последний период жизни города.

Двухъярусные круглые печи с круглыми же отверстиями-продухами хорошо известны по раскопкам в Средней Азии. Подобная конструкция печей была распространена в средневековом Самарканде, таковы печи № 1, 2, 4, раскопанные на Афрасиабе Л.И.Альбаумом и датируемые X–XI вв.¹ Все они имели ряд отверстий, расположенных по кругу у стен печи, и несколько продухов в центральной части печи. Правда, топочные камеры у этих печей более приземистые и расширенные в средней части. Тогда как в нашей печи глубокая топка равномерно вытянута вверх. Эта же конструкция печей сохраняется на Афрасиабе и в XII – начале XIII вв.² В Мерве двухъярусные круглые печи появляются в IX в., известны для XI, XII – начала XIII вв., но распространены меньше, чем круглые печи с неотделенной от топки обжигательной частью.³

Одна из гончарных печей XII в. раскопана и в восточной части центрального бугра Алтынтепе (раскоп IO). Она прямоугольной формы, длина ее 3,2 м. Печь чуть сужается к задней стенке от 1,86 до 1,64 м. Топочное устье шириной 70 см находилось в западной стене, непосредственно примыкая к южной. На расстоянии 1,2 м от западной стены сохранилась перегородка длиной

¹ Альбаум Л. И. О гончарном производстве на Афрасиабе в X–XI вв. – В сб.: Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969, с. 258–262.

² См. Ташходжаев Ш. С. Керамическая мастерская XII–начала XIII вв. – В сб.: Афрасиаб. Вып. 4. Ташкент, 1975, с. 54.

³ Лунина С. Б. Эволюция техники гончарного производства в средневековом Мерве. (Труды ЮТАКЭ; Т. 15). Ашхабад, 1974, с. 265–267.

60 и высотой 51 см, идущая от северной стены. Ширина перегородки всего 8 см, она тщательно оштукатурена и сильно прокалена, в конце расширяется и дает подпрямоугольный выступ. Надо думать, что такая же перегородка шла и от южной стены. Перегородками отделялась задняя часть печи, в которой располагалась хорошо оштукатуренная полочка шириной 35 и высотой 20–25 см. Очевидно, на ней обжигались изделия, требовавшие высокой температуры, перегородка же предохраняла их от непосредственного воздействия пламени. В перегородке прослеживаются два кирпича размером 34 x 18 x 5 см, поставленных ребром друг на друга. В топке поверх слоя золы шел мощный слой завала из сырцовых обожженных кирпичей от рухнувшего пода и перекрытия. Однако отсутствие в топке опорных столбов, устоев арок при довольно значительных ее размерах позволяет предположить, что печь была одноярусной; тщательность ее постройки, своеобразные детали устройства (полки, расширяющиеся перегородки) отличают ее от примитивных одноярусных печей, известных для средневековых поселений Кашкадарьи.

В золе найдены фрагменты керамики как довольно хорошо сохранившиеся, так и переобожженные до черноты, в их числе черепки с зеленым и коричневым орнаментом по белому фону, остатки резных крышек и крупная крышка-пробка, очевидно, для больших кувшинов с ручкой-столбиком и резным орнаментом по бортику. Все эти предметы попали сюда не случайно и, видимо, в какой-то степени могут характеризовать продукцию, обжигавшуюся в печи. Здесь же найден катушкообразный предмет печного припаса. В золе часто встречались обгоревшие кости и тоненькие угольки от веточек растений. Печь, найденная в ней керамика, размеры кирпича датированы XII в. Работа керамиста показывает, что цитадель в XII в. перестает выполнять функции организующего центра, не имеет она в это время и оборонительной стены, но обжигание продолжается на всей ее площади.

В 60 м на запад от раскопа 8 в слое пахоты обнаружено пятно обожженной земли; зачистки привели к выявлению контуров оштукатуренных стенок. В результате раскопочных работ вскрыта топка гончарной печи. Длина топочной камеры 1,6 м, ширина в нижней части 1,45 м. Устье сделано в виде лаза. Оно начинается на высоте 60 см от дна топки и имеет ширину 52 см, чуть расширяясь наружу. Устройство топки необычно. Ее свод опирался на 4

несимметрично расположенных полуарки, начинавшихся от стен топки и подходивших к плоскому замку в средней части потолка камеры. Одна арка, очевидно, являлась несущей и начиналась от поля топки, выступая в средней части на 45 см от стены, имела ширину 34 см, была тщательно сложена и обмазана штукатуркой. Три остальные полуарки были вспомогательными, начинались лишь в верхней части стен топки и чуть выступали по отношению к стенам. Общая высота сохранившейся части топки 1,75 м. Боковые стенки обожжены до зеленоватого цвета, задняя же стенка оплыла, имеет потеки (крупные свисающие капли) шлаков ярко-зеленого цвета. На дне топки в золе обнаружено два мелких фрагмента поливной керамики и несколько неполивной. При зачистках наверху найдены два фрагмента крышек со штампованным орнаментом и поливная керамика XII в. Этот слой перекрывал уже разрушенную печь, которую можно отнести к X в. (дата несколько условна).

Результаты изучения гончарных печей и отвалов бракованной керамики не только показали наличие в X-XII вв. развитого гончарного производства, значительную площадь занимаемых им участков и большие объемы выпускавшейся продукции, но и позволили установить следующие основные виды гончарных изделий: разные виды неполивных сосудов (кувшины, горшки, котлы), сфероконусы-симабкузача, сосуды со штампованной орнаментацией, сосуды со сложным резным орнаментом на плечиках, крышки с резным и штампованным орнаментом, глазурованная керамика (хотя, возможно, и не все виды).

Таким образом, гончарами Алтынтепе освоены даже такие сложные и трудоемкие производства как выделка сфероконусов, изготовление штампованной керамики. О последней скажем особо. Прежде всего, на Алтынтепе найден ряд штампов-калыбов для ее производства. Так, фрагмент калыба с рядами шестилепестковых цветочков был найден в IV ярусе раскопа 3. Фрагменты керамики с точно таким орнаментом часто встречались в подъемном материале. Крупный фрагмент штампа-калыба для орнаментации верхней половины сосуда обнаружен в восточной части пригорода. Внутри шли ряды разного размера звездочек. Фрагмент штампа с тонким растительным орнаментом выявлен рядом с раскопанными круглыми печами. Из культурных слоев в обрезе канала извлечен крупный фрагмент калыба с поясом изображений удлинённых рыбок (рис.24).

Наиболее часто попадались фрагменты калнбов и штампованной керамики со сплошными рядами мелких многолепестковых звездочек-розеток. Очевидно, это был один из любимых приемов украшения местных мастеров. Встречались и другие калнбы. Явно, местного производства был сосуд, фрагмент которого найден в разведочном раскопе в пригороде. Он довольно толстостенный, отштампованный в двух формах, с широким соединительным швом, плохо замаскированным снаружи и грубо выступающим внутрь. Черепок темно-серый, как и сосуды со звездчатым орнаментом.

Штампованная керамика на Алтынтепе начинает встречаться в слоях X в. Так, в УШ ярусе раскопа 4 найдены фрагменты довольно толстостенной штампованной керамики с плоскорельефным измелченным орнаментом, на фоне которого довольно сильно выступают отдельные элементы (например, фигура ромба).

На раскопе 3 в слое XI в. найден штампованный сосуд с округлым дном, к которому прикреплены три ножки. В центре дна помещена розетка, в широком поясе нижней части сосуда изображены две пары обращенных друг к другу животных в растительных побегах. Был использован, очевидно, калнб, предназначенный для верхней половины сосуда, отчего животные оказались изображенными "зверх ногами". Верхняя половина сосуда округло изгибается к почти горизонтальным плечикам. Орнамент в виде рядов колечек и несложных узоров своей примитивностью контрастирует с очень изящным и сложным орнаментом нижней половины сосуда. Возможно, калнб для орнаментации нижней половины был привозным.

Очевидно, гончарный центр Алтынтепе снабжал продукцией сельскую округу. На сельских поселениях встречаются симабузачи, штампованная посуда. Домашнее производство освоить такие виды продукции не могло.

Наличие местной металлообработки доказывается рядом обстоятельств. В 1972 г. в восточной части городища велись раскопки плохо сохранившихся помещений, в которых расчищен ряд очагов. Один из них, диаметром 90 см, укреплен с одной стороны жжеными кирпичами, уложенными в несколько рядов, второй, диаметром 80 см, сильно обожжен внутри. Рядом с последним находилась приспособленная под очаг половина хума, размещенная несколько наклонно венчиком вниз; под венчиком лежали жженные кирпичи, покрытые обмазкой. Хум изнутри сильно закопчен.

Интересен очаг овальной формы, суживающийся вверх (диаметрверху 70 см, толщина стенок 3 см) и укрепленный изнутри фрагментами жженных кирпичей. Внутри найден кусочек железа. Стенки очага ошлакованы и имеют зеленоватый цвет, что говорит о высоких температурах, достигавшихся в очаге. На этот же факт указывает и толстый слой золы с углями и обгоревшими костями животных, при сгорании которых, как известно, достигается высокая температура.

Около одного из очагов найдено 15 целых и фрагментированных сфероконусов-сымабузача. По материалу помещения датированы XII в. Однако в целом культурный слой разрушен перепажкой поверхности холма. На площади раскопа обнаружены несколько мелких кусочков бронзы и железные крицы. Считаем, что в данной мастерской обрабатывали металл. Использование установленных вниз горловиной хумов со срезанным дном в качестве горнов для металлообработки хорошо известно по археологическим материалам¹.

По этнографическим данным, О.А. Сухарева описывает небольшие мастерские литейщиков бронзы, где бронзу плавил в тиглях, которые ставили в горн. Горн делали в виде высокого передвижного очага высотой около 75 см и диаметром 40 см².

В 60 м севернее описанного раскопа в обрыве канала расчищен участок длиной свыше 2 м и высотой в среднем 15 см, сплошь заполненный железными шлаками и ладошкообразными крицами, встречались железные шлаки и в слое выше, а также на поверхности. Все это позволяет утверждать, что в данной части городища находились производственные участки, связанные со вторичной обработкой железа. Крицы, очевидно, доставлялись с гор. Так, в горах Яккобагского района, как отмечено выше, зафиксировано уже несколько местонахождений первичной плавки железной руды.

¹ См.: Б е л е н и ц к и й А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951-1953 гг.) - МИА СССР, № 66. М.-Л., 1958, с.117. (Труды/ТАЭ; Т.3); Б е л е н и ц к и й А. М., Б е н т о в и ч И. Б., Б о л ь ш а к о в О. Г. Средневековый город..., с.70-71.

² С у х а р е в а О. А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии: Среднеазиатский этнографический сб. Вып.3. Л., 1971, с.156. (Труды/ИЗ им.Миклухо-Маклая; Нов.сер. Т.97).

Участок, связанный с кирпичеобжигательным производством, был обнаружен на значительном отдалении от центрального бугра (к северо-востоку от него), на распаханном поле. Размеры кирпичей совпадали с таковыми же из раскопов Алтынтепе и, следовательно, это производство обеспечивало нужды города в жженом кирпиче, который использовался в строительстве жилых домов, мечети.

Наличие стекольного производства доказывается находками стеклянных шлаков, бракованных изделий. Местными ремесленниками изготавливались, видимо, и некоторые виды украшений. Так, в раскопах найдены заготовки для изготовления бусин из черного каменного материала и бусины из него.

Работали на Алтынтепе и мастера-специалисты по починке посуды. Здесь найдены фрагменты керамики (более всего с изящным, эпиграфическим орнаментом) с просверленными дырочками и следами медных скобок. Такая работа требовала специальных инструментов и не могла выполняться в домашних условиях.

Таким образом, на Алтынтепе зафиксировано развитие в X–XII вв. разнообразных ремесленных производств.

Участок гончарного производства занимал значительную площадь в северной части пригорода Чандарактепе. Здесь на поверхности встречаются россыпи гончарных шлаков, найдено несколько фрагментов штырей. В обрезах идущего рядом джара хорошо прослеживаются слои золы, шлаки, фрагменты штырей. Очевидно, сюда сбрасывали золу, мусор из гончарных мастерских.

На участке размещения гончарного производства вскрыта топочная часть обжигательной печи. Высота сохранившейся части 1,3–1,4 м, в плане овальной вытянутой формы. Длина топки 1,7 м, ширина 1,1 м. В стенах печи устроены три ряда выступающих на 8–12 см ступенек, постепенно выклинивающихся к северу. Подобное устройство обнаружено нами впервые. Возможно, эти ступеньки служили опорами для горизонтального пода, но от самого пода ничего не сохранилось. Вход в печь имел ширину 40 см и оказался сплошь заложенным обожженным сырцовым кирпичом размером 32 x 15–17 x 6 см. На самом дне топки встречены мелкие фрагменты керамики с голубой поливой, выше же шел слой мусора с неполой толстостенной керамикой, глиняными котлами со следами использования. Разрушенная печь, видимо, служила мусорной ямой для расположенного рядом хозяйства. Судя по размерам сырцового

кирпича и керамики с голубой поливой, печь можно датировать XII в. Ее устройство дает новый для Кашкадарьи вариант деталей конструкции топочной камеры.

Плохо сохранившиеся остатки круглой печи, вернее ее топочной части, вскрыты нами на Кишмиштепе. Диаметр топки 1,7 м, ширина входа 75 см, стенки довольно сильно ошлакованы. На дне топки находились обгоревшие кости и зола, в устье — зола. Найдено несколько фрагментов толстостенной керамики и несколько крышек. Одна из крышек целая, с ручкой-столбиком в центре и резным орнаментом по краю, на фрагменте другой ручка оформлена в виде смотрящих в разные стороны стилизованных головок животных. Найдена также крупная ручка-столбик крышки, оформленная сверху в виде четырехлепесткового цветка. Если эта керамика обжигалась в печи, то ее можно по формам и орнаментации крышек датировать XII в. Из глазурованной керамики встречены фрагменты посуды с желтовато-белой поливой и подглазурным процарапанным орнаментом. По уровню печь также соответствует культурным слоям XII — начала XIII вв. Печь была вскрыта в южной части бугра, в северной же части, видимо, располагался участок гончарного производства. Здесь в обрезах много слоев золы, обожженной земли. Встречены на Кишмиштепе железные крицы, железные и медные шлаки.

Ниже пола здания XII в. на раскопе 2 Киндыктепе обнаружены остатки совершенно разрушенной обжигательной гончарной печи, судя по закруглению стенки, довольно большого диаметра. Поблизости от нее найдены два фрагмента штырей и крупный двусторонний штамп, очевидно, для нанесения крупных розеток на хумы (орнамент на обеих сторонах различный). Детали орнамента штампа (например, пояс с точками) перекликаются с таковыми же на венчике хума, найденном в подъемном материале. По мелким фрагментам поливной керамики из печи можно предположительно датировать ее X в.

Участок гончарных обжигательных печей был зафиксирован Н.И.Крашенинниковой по берегу Дамарыка на окраине городища Мунчактепе¹. Его расчищено несколько небольших по размеру круг-

¹ Крашениникова Н. И. К археологической карте Китабского района: Материалы по истории, историографии и археологии. — Сб. научных трудов. ТашГУ им. В.И.Ленина, № 533, 1977, с. 35-37.

лых двухъярусных печей, от которых сохранились топочные камеры со следами перехода к полу.

Относительно хорошо сохранилась крупная круглая печь с диаметром пода 3,7 м. Под лежал на мощном опорном столбе, от которого к наружным стенам были переброшены полуциркульные арочки. Топочная камера высотой 2,7 м и диаметром 2,75 м имела входное отверстие шириной 40 см и высотой 60 см. Продухи в полу шли в два ряда по кругу. Печь такого диаметра имела большой объем и, следовательно, значительную вместимость продукции, предназначавшейся для обжига.

Н.И.Крашенинникова датирует печи УШ-IX в. и считает, что Мунчактепе было крупным селением с ремесленным керамическим производством, которое не только обеспечивало данное селение, но и сбывало свою продукцию. Здесь найдены неполированная керамика разных форм (хумы, хумча, тагора, кувшины), барботинная керамика, калыбы для производства штампованной керамики.

Очевидно, такие крупные селения с развитым ремесленным производством являлись центрами небольших оазисов, снабжали своей продукцией более мелкие поселения, и в них можно видеть тенденцию перерастания в города.

Довольно примитивного устройства печь, датируемая IX-X вв., вскрыта С.К.Кабановым на Дагайтпе. Печь состояла из двух отделений, расположенных по горизонтальной плоскости. Первое, топочное, имело диаметр до 1 м, второе, обжигательное, — 75 см и было расположено на 25 см выше пола топки. Между камерами располагалось жаропроводное отверстие шириной 18 см. В кладке пола и канала замерены сырцовые кирпичи размером 45 x 22,5 x 7,5 см. Эта одноярусная печь, как считает С.К.Кабанов, напоминает по устройству печь IV-V вв., раскопанную на Еркургане, что свидетельствует о преемственности культурной традиции¹. В печи обжигалась тонкостенная керамика.

Выше мы указывали, что в городах долины Кашкадарьи в пору развитого средневековья применялись гончарные печи разного типа, однако столь простого устройства печь, техническая схема которой без изменения сохранилась с IV-V вв., встречена впер-

¹

К а б а н о в С. К. Нахшеб на рубеже..., с.33-37.

вые. По этому поводу возникает следующее предположение. Дагай-тепе — памятник общей площадью 140 x 105 м, включающий квадратное тепе с вышкой. В III—V вв. это было укрепленное поселение (кстати, в слое этого времени также обнаружены плохо сохранившиеся остатки гончарной печи), которое обжигалось и позднее, в частности в VI—VIII и IX—X вв. Очевидно, в последний период это было небольшое селение, в котором изготавливали для собственных нужд определенные группы неполивной керамики. Размеры обжигательной камеры говорят об очень ограниченном объеме обжига. Именно в селе могла сохраниться без изменений древняя примитивная схема конструкции. Это важный штрих к характеристике развития ремесла в оазисе.

По сравнению с этой печью печь на Мунчактепе более сложной конструкции, но и она унаследовала полностью принцип устройства печей, распространенных в раннесредневековой Кашкадарье (на Бауртепе и др.). В городах к X в. мастера уже полностью отказались от конструкции с опорным столбом.

Итак, в пору развитого средневековья в оазисе идет интенсивное развитие экономики, выращиваются зерновые, технические, садовые, бахчевые культуры, виноград, увеличивается добыча полезных ископаемых. Наличие местного сырья способствует развитию основных видов ремесленного производства. Важное значение для внутренней и внешней торговли имеет развитая сеть дорог.

В ремесленных производствах городов Кашкадарьинского оазиса прослеживаются как черты локального развития, так и влияния соседних областей. Городские гончары производят основные виды гончарной продукции, известной и в сопредельных районах Средней Азии. Сугубо местным явлением было широкое использование в керамике резного орнамента, наличие своеобразной расписной керамики. Но в производстве штампованной керамики наряду с местными чертами прослеживаются и особенности, указывающие на влияние гончарства Северного Хорасана. Высокого же качества глазурованная керамика с эпиграфическим орнаментом привозилась, возможно, из Самарканда.

В этот же период в регионе увеличивается товарооборот между городом и деревней. Село снабжает город зерном, продукцией сельского хозяйства. Города же Кашкадарьинского оазиса в IX—XII вв. концентрируют на своей территории различные виды ремес-

ленного производства и, несомненно, начинают снабжать продуктами ремесла сельскую округу. Именно масштабы сосрепоточения ремесла и его роль в жизни города и округи характеризуют, в первую очередь, города этого региона в пору развитого феодализма. Однако процесс концентрации ремесла в городах в этот период еще не был завершен.

Следы различных производств мы встречаем и на селе, хотя развитие ремесла здесь носило ограниченный характер, технология производства была более примитивной, чем в городе, а продукты ремесла не выступали в качестве товара. Выявление роли ремесленной деятельности на селе — одна из задач дальнейших исследований.

ПРИЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА В ГОРОДАХ И ПОСЕЛЕНИЯХ

В городах Кашкадарьинского оазиса, двухчастных или трехчастных по своей планировке, наиболее четкое оформление получают цитадели и шахристан. Пригород, как правило, аморфный, редко четко выделялся топографически, стенами не обносился. Цитадели и шахристаны укреплялись, но стены, выявленные пока на Алтынтепе и Кишмиштепе, имели незначительную (3–5 м) ширину, на Камайтепе были, очевидно, сложены из дерна (чима), однако у шахристанов таких городов как Чандарактепе и Чимкургантепе по рельефу чувствуются и более мощные стены. В цитаделях и шахристанах в ряде случаев видны один–два въезда или пандусных подъема (Камайтепе), по микрорельефу прослеживается направление улиц (Гышатепе, Чимкургантепе).

В общегородском и индивидуальном хозяйствах горожан можно выделить элементы благоустройства. На Алтынтепе, Кишмиштепе и других городищах прослеживались обрывки нитей водопроводов из вставленных друг в друга глиняных труб–кабуров. Там, где водопровод входил в дом или во двор жилого дома, последний кабур парадно оформляли. Такие кабуры найдены на Алтынтепе. Один из них из шурфа I был украшен глубоким резным орнаментом из крупных элементов. Другой из раскопа 4 также имел глубокий резной орнамент из 8 поясов (рис.25). В нескольких поясах были размещены квадраты со вписанными в них четырехлепестковыми цветами, в одном – ряд овалов, в самом крупном поясе нанесены многоступенчатые зубцы. Внизу кабур был обложен фрагментами жженных кирпичей, рядом с ним находились обломки второго кабура, но уже без орнаментации.

В ряде городов и поселений отмечены колодцы. Их известно не так много, но они дают любопытный материал для сравнения. В Несефе X в. колодцы были обложены жженым кирпичом с фигурной кладкой в верхней части¹. На крупных поселениях Паштантепе, Хайбартепе² и на Алтынтепе колодцы были также обложены жженым

¹ Кочнев Б. Д. Исследования средневекового Несефа..., с.501.

² Кочнев Б. Д. Работы в Каршинском оазисе..., с.554.

кирпичом, а на сельском поселении Киндыктепе просто выкопаны в земле.

В результате ведения раскопочных работ на ряде памятников удалось вскрыть остатки сооружений, в основном жилых зданий¹. На Алтынтепе при проведении канала разрушено здание мечети, сохранившиеся остатки расчищены примерно в 100 м к юго-востоку от центрального бугра². Стены мечети толщиной 1,2 м были сложены из жженого кирпича размером 20 x 20 x 4 см, 21-22 x 21-22 x 3-3,5 см, 36 x 18 x 5 см, 37 x 18 x 6 см. Местами кладка сохранилась до 30 рядов. Была открыта прямоугольной формы михрабная ниша, оформленная на углах трехчетвертными колодками. В михрабе на стенах и в завале сохранился резной ганч с геометрическими, растительными и эпиграфическими мотивами³. По размерам жженого кирпича и характеру резьбы по ганчу мечеть можно датировать XI-XII вв.

На этом же городище вскрыт дом богатого горожанина, датированный нами X - началом XI вв.⁴ (рис.26). Центральной осью здания являлся коридор, по сторонам которого было несимметрично расположено 10 или 11 помещений (северная часть здания частично разрушена до основания и здесь до полов доходят мусорные отвалы последнего периода обживания городища). Коридор имеет общую длину 14 м, начинается от входа и вливается в помещение, расположенное у задней стены здания. Ширина его 1 м в начальной части, 1,65 - в средней, далее он сужается до 70 см. Коридор не только выполнял организующую и распределительную

¹ Описание остатков строительства, обнаруженных в шурфах, приведено в разделе "Стратиграфическое изучение".

² Расчистка производилась Б.Д.Кочневым, который любезно сообщил нам эти сведения.

³ Подробнее о резном ганче из мечети см.: Лунина С. Б., Богомолов Г. И. Архитектурный декор в памятниках Алтынтепе.- Материалы по истории, историографии и археологии. Ташкент, 1978. (Сб. научных трудов/ТашГУ им. В.И.Ленина; № 556).

⁴ Подробнее о датировке см.: Лунина С. Б. Здание X-XI вв. на Алтынтепе..., с.3.

(в него выходил дверными проемами ряд помещений) роль в плане здания, но и был наиболее богато и разнообразно украшен. На отдельных участках вымостка идет параллельными рядами кирпичей, но в основном пространство коридора делится прямыми полосами на прямоугольники, идущие то вдоль, то поперек длинной оси коридора и вымощенные в диагональном направлении квадратными и треугольными кирпичами. В нише размещена водосливная яма — ташнау, также фигурно оформленная по кругу поставленными на ребро жженными кирпичами (спаренные или строенные целые кирпичи чередовались с половинками, вставленными у внешнего края круга). Иные узоры образовывали кирпичи в панелях стен (рис. 27). Так, на южной стене панель достигала высоты 50 см и была выполнена "ступенчатой" кладкой из спаренных горизонтальных и вертикально поставленных ребром наружу кирпичей, а на северной стене лежащие горизонтально спаренные кирпичи перемежались с поставленными вертикально спаренными половинками. Пространство стен выше панелей было украшено резными глиной и ганчем, который нешироким фризом оформлял, возможно, только нишу (около нее он был найден). Резьба же по глине встречалась в завалах почти на всем пространстве коридора^I. Она была плоскостная, местами с ярко-синей и желтовато-коричневой подкраской. Более крупные элементы орнамента имела полоса фриза, шедшего, очевидно, в верхней части стен — размещенные в переплетающихся кругах крупные трилистники. Панно в центральной части стен было окаймлено выступающей полосой — жгутом и примыкающим к ней широкой полосой узором с переплетающимися овалами и мотивом трилистника. Иным был узор резного ганча со стилизованным мотивом виноградной грозди. Таким образом, декоративные функции в коридоре выполняли пол, панели, пространство стен.

Сразу от входа в здание неширокий проход ведет в расположенное справа от коридора помещение 8 шириной 2,35 м, длиной 4,2 м. Ширина восточной стены 70 см. Своеобразна вымостка помещения из рядов жженных кирпичей, поставленных на ребро. Размеры кирпичей те же, что и во всем комплексе — 22-23 x 22-23 x 3,5-4 см. Вымостка неровная и довольно сильно понижается на

^I Подробнее о ней см.: Лунина С. Б. Резная глина в Средней Азии. — В сб.: История и археология Средней Азии. Алшхабад: Илим, 1978.

запад к сооружению типа ташнау из двух вставленных друг в друга широкими частями хумов.

В юго-западном углу помещения расположена яма прямоугольной вверху и немного округленной книзу формы, обложенная вверху по краю жжеными кирпичами. Чуть ниже в виде древесной трухи сохранилась обкладка из тонких деревянных брусочков. Еще ниже вся яма была обмазана толстой, чуть сероватой алебастровой штукатуркой, ныне сохранившейся лишь местами, но ее куски в довольно большом количестве шли в завале. Особенно интересно, что в яме прошел значительный слой виноградных косточек. Очевидно, яма использовалась в качестве домашней винодельни (описание ее дано выше). В комнате найдено большое количество поливной и неполивной керамики.

Помещения 9 и 10 по другую сторону коридора выполняли, явно, хозяйственную роль. Нами расчищен ряд очагов, около которых находились котлы и высокие сосуды для кипячения воды. Керамика представлена котлами, хумами, горшками. Особенно интересна группа керамики с росписью красной краской, в том числе с изображениями животных.

Помещения 2, 6 и 7 как бы образовывали единую группу, а поначалу, возможно, составляли одно большое помещение. Проход шириной 1,1 м вел в помещение 2 из коридора. Г-образный отросток стены как бы отделял помещение 2 шириной 3 м от помещения 7. Кроме того, на юге между этим участком стены и внешней стеной дома образовывался узкий коридорообразный проход в комнату 7. В помещении 2 найдены фрагменты бывшего его декора в виде резьбы по глине и ганчу, шедшие, в основном, неширокими полосами и, очевидно, оформлявшие фриз в верхней части стен.

Как показали раскопочные работы, помещение 2 имело поздний этап обживания, представленный уровнем пола, который в среднем поднят на 0,4 м выше первоначального, а также отмошкой из одного ряда прямоугольных жженных кирпичей размером 36-37 x 18-19 x 6-7 см, примыкающей к западной стене помещения и идущей с повышением к югу. На уровне отмошки на западной стене прослеживается сделанная тогда же обмазка стены тоненькой белой алебастровой штукатуркой.

Помещение 4 первоначально было, очевидно, довольно крупным,

шло параллельно комнате 5, а позднее разделено небольшой перегородкой на северную и южную части, но проходов в его стенах обнаружить не удалось.

В помещение 5 шириной 1,5 м попадали спустившись как бы с высокого порога (разница между уровнями полов комнат 3 и 5 60 см). Очевидно, оно, как бы чуть вкопанное в землю, было более прохладным и выполняло роль хранилища. Здесь было несколько кумов, стоявших на полу, а один был врыт в землю и накрыт кирпичом.

Помещение II, часть которого удалось вскрыть, выполняло, видимо, роль двора, комната 8, возможно, предназначалась для приема гостей, остальные делились на жилые и хозяйственные. Не вызывает сомнения, что дом принадлежал зажиточному горожанину. План здания близок зданию X-XI вв., раскопанному в западной части Афрасиаба¹. Основным материалом в строительстве стен нашего здания служил сырцовый прямоугольный кирпич размером 42-44 x 21-22 x 7-8 см, а в вымостках полов и цокольных частей стен — жженный кирпич форматом 21-23 x 21-23 x 3-4 см, что также совпадает с указанным зданием. Все это свидетельствует о выработке к этому времени "общесоюзных" основ строительства. Но декор здания в виде резных глины и ганча носит сугубо локальный характер.

В связи с тем, что строительные остатки были обнаружены на Алтынтепе в ряде раскопов и шурфов, приводим таблицу строительных материалов, указывающую на постепенную смену (от V-VI к XIII в.) формата применявшегося строительного материала².

В связи с изучением истории средневековых поселений, а также, как указано выше, для сопоставления их культуры с культурой

¹ Крикис Я., Пачос М., Ташходжаев Ш., Федоров М. Жилой комплекс X-XI вв. в западной части Афрасиаба: Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР. Кн. 7. Ташкент, 1962.

² См.: Лунина С. Б. Строительные материалы и приемы строительства в средневековой Кашкадарье. — Строительство и архитектура Узбекистана, 1981, № 6.

Период	Раскоп	Ярус	Размеры сырцовых кирпичей, см	Размеры жёваных кирпичей, см
ХШ в.	Р-3			24x24x4 25x25x4
Втор.пол. ХП-нач.ХШ вв.	Р-3 Р-7 Р-4		32-33x16x5-6 32x16x5	30-32x14-16x4-5 30-32x15-16x5 35x18x5 28x15x4
	Р-9	печь	32-33x16-17x5-6	
Перв.пол. ХП в.	Р-3 Р-4	УІ-нач.УП ІУ	32x16x5	30x16x4 33x17x4
ХІ в.	Р-3 Р-8	УП-нач.УШ второй пе- риод обжи- вания	37-38x18-20x6-7 36-37x20x6,5-7	36x18x5-6
	Р-4	УІ	35x18x6	
	Р-5	ІХ	37x18x6	
Втор.пол. Х-нач.ХІ вв.	Р-3 Ш-І Р-8	Х-ХІ УШ-ХІ основной период об- жигания	39-42x19-22x6-8 42x22x7-8 42-44x21-22x6-8	20x20x4 21-22x21-22x4-5 21-22x21-22x3-4
Перв.пол. Х в.	Р-3 Р-8 Р-4	ХІ-сер.ХШ ниже полов	39-42x18-22x6-8 42x7x8	
	Р-4	УП-УШ	44-45x22-23x7-8	
ІХ в.	Р-3 Р-5 Р-4	ХШ-ХУІ Х УШ	45-47x25-27x8-8,5 48x24x6 44-45x22-23x6-7	
УП-УШ вв.	Р-3 Р-5 Р-4 Р-4	ХУП-ХУШ ХІ ІХ-Х Х-ХІІ	51x7x11 47x28x7-8 44-45x22-23x9-9,5 50x25x8-11	
У-УІ вв.	Р-3	ХХУ	56x7x12 7x30-31x6-9	

Городов велись также раскопочные работы в крупных селениях.

В течение двух полевых сезонов велось вскрытие здания на центральном бугре Киндыктепе. Раскоп важен для понимания истории сложения поселения, но большой интерес представляло и само здание. Непосредственно под дерновым слоем обнаружены остатки строений, связанных с последним периодом строительства. Стены из пахсы сохранились на высоту всего 40–50 см. Это остатки крупного помещения длиной 11,7 м, шириной 2,8 м. Южная стена имеет ширину 1,9 м, северная сохранилась плохо и прослеживается с трудом (она находится на краю бугра). Проход шириной 2 м размещался в восточной стене и примыкал непосредственно, к южной. Эта постройка поставлена на остатках более раннего здания, часть стен которого использовалась как фундамент для возведения более поздних стен. Так, на остатках более ранней стены стоит западная стена помещения и южная стена второго помещения, ширина которого 2,4 м.

В идущем ниже (основном) строительном горизонте вскрыто полностью здание, служившее, очевидно, резиденцией феодала (рис.28). Постройка погибла от пожара, о чем можно судить по стенам и суфам здания, прокаленным местами до красноватого цвета, местами законченных. Примерно в 30 см от пола шел слой горелого дерева толщиной в 20–30 см. Удалось проследить остатки обуглившегося дерева диаметром от 10–12 до 15 см и длиной 20–25 см. Одна плаха имела в сечении 35 x 12 см и прослежена в длину на 40 см. Преобладали балочки диаметром 15 см, местами слой угля доходил до пола. Это, явно, остатки рухнувшего плоского деревянного перекрытия (металлические детали для его скрепления не употреблялись). Крупный кусок мог принадлежать основному прогону, более мелкие – поперечным балкам и обрешетке.

Основу здания составлял парадный зал, почти квадратный в плане, размером 6,15 x 6,25 м. Проход шириной 1,3 м находился в южной стене на расстоянии 2,5 м от западной стены. Вдоль стен зала идут суфы шириной 1 м. Суфа у северной стены расширяется в центре до 1,75 м. Это – так называемое "место почета" или "эстрада". Она расположена строго в центре помещения, длина ее 2,75 м, высота 30 см. Толщина стен зала 2,1–2,15 м, они сложены из сырцовых кирпичей размером 48–50 x 25 x 8 см.

Указанный проход вел в расположенное южнее помещение шириной 3,4 м. Восточная стена его толщиной 2,3 м находилась на расстоянии 2,45 м от прохода. Вдоль северной, восточной и южной стен хорошо прослеживались суфы шириной 90 см и высотой 30 см. Почти напротив входа на южной суфе был размещен тандыр, высотой в центральной части 40 см, шириной 50 см, длиной 50 см, непосредственно примыкавший к стене (на стене отпечатался его контур с округлым перекрытием). Сохранилась одна из стенок на высоту 35 см и толщиной 10 см. Рядом с тандыром, судя также по остаткам и обожженности на суфе, находился небольшой округлый очаг диаметром примерно 40 см. Еще один очаг размерами 60 x 40 см и шириной топчного устья 28 см расчищен у северо-западного угла. В заполнении помещения найден жернов диаметром 40 см и толщиной 5 см. Все это говорит о том, что помещение носило хозяйственный характер.

На расстоянии 8,3 м (длина помещения) южная стена и суфа поворачивают на юг. Здесь образуется входной коридор шириной 2,5 м, который удалось пройти на несколько метров. Он вклинивался в край бугра, поэтому выяснить опускался ли от входа пандус или лестница не удалось. Здание было отстроено на высокой пахсовой платформе, но когда на краю бугра заложили разрез, оказалось, что платформа перекрывает здание более раннего периода, охватывая его как бы футляром.

В северной части холма сохранились остатки, очевидно, второго здания, также с большим залом, где идущие вдоль стен суфы образуют на южной стене "эстраду" шириной 3 м. Южная стена имеет ширину всего 90 см, это объясняется тем, что она вплотную пристроена к мощной стене первого здания. У южной и восточной стен прослеживаются суфы шириной 1,1 м и высотой 30 см. Толщина восточной стены 1,9 м. И суфы и стены по мере продвижения раскопа на север вклинивались в край бугра. Здесь находились отложения мусора, золы, зеленоватые слои, поэтому установить полностью размеры помещения не удалось. За западной стеной помещения проходил коридор.

Дома соприкасались глухими стенами, один из них имел выход на юг, второй — на север. Уровни полов в них мало различались. Строительный материал в стенах одинаков. Предполагаем, что дома построены одновременно или почти одновременно и могли принадле-

жать лицам, находившимся в родственных отношениях между собой (отцу и сыну, братьям и пр.).

Сходное устройство парадных залов с суфами вдоль стен и расширением суфы у одной из стен (выделением почетного места) известно по ряду памятников Согда, Уструшаны и долины Сурхандарьи.

В.А.Нильсен отмечает, что в замках поры раннего феодализма выделяются парадные помещения, предназначенные для пребывания владельца замка и приема почетных гостей. У одной из стен суфалежанка расширяется в виде эстрады. Считается, что на такой "эстраде" устанавливался деревянный тахт, на котором восседал феодал — владетель замка¹. Эти залы часто украшались росписями, резным деревом.

Парадные залы имелись в большинстве домов зажиточных горожан Пенджикента. Отмечаются такие их особенности, как наличие глинобитных суф-скамей, расширение одной из суф с образованием почетного места. Залы предназначались для торжественного приема гостей и декорировались росписями, резьбой по дереву. Перекрытия были плоскими, покоились на четырех колоннах². Таково помещение 47 размером 7,9 x 7,9 м на объекте Ш. Ширина суфы 1,15 м, высота около 0,5 м³, напротив входа она образует выступы в 0,6 м. Все здание датировано VII-VIII вв.

На объекте VI выделено несколько комплексов домов, каждый из которых также включал парадные залы аналогичного типа. Это помещения I, 8, 4I. Но если в помещениях I и 4I суфа расширялась напротив входа, то в помещении 8 — у боковой стены. Все эти залы были четырехколонными. В помещении 8 суфы были в 40-50 см высотой, 1,05 м шириной. Расширение суфы Б.А.Ставиский также

¹ Н и л ь с е н В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (У-VIII вв.). Ташкент: Фан, 1966, с.188-189.

² Б е л е н и ц к и й А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973, с.14-15.

³ Б о л ь ш а к о в О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта Ш. — МИА СССР, № 124, М.-Л.: Наука, 1964, с.95. (Труды/ТАЭ; Т.4).

называет местом "почетного сидения"¹. Суфы в помещении I были шириной 1,05 м и высотой 35-50 см; почетное место образовывало площадку 2,25х2 м. Жилые дома, в составе которых находились парадные комнаты, датировались серединой VII - VIII вв.²

В малом зале для приемов во дворце Бунджиката (городище Калаи Кахках) в Уструшане также вдоль стен тянулись глинобитные суфы, а напротив входа выделялась "астрада". И этот зал был четырехколонным. Дворец отстроен в VI-VII вв.³

Почти квадратный парадный зал (7,75 х 6,4 м) входил в состав помещений замка Джумалактепе в долине Сурхандарьи. Вдоль стен размещались суфы шириной 110 см и высотой 45 см, а напротив входа суфа имела широкий выступ 185 х 285 см, образующий наиболее почетное место⁴. Перекрытие зала было деревянным балочным, поддерживалось четырьмя деревянными колоннами. Считается, что здание отстроено в V в. Погибло оно от пожара, что связывают с арабским завоеванием или с теми политическими смутами, которые этому предшествовали⁵.

По мусорным ямам, вырытым в заброшенном здании, можно определить время запустения постройки. В них, кроме стекла, железных предметов, найдены фрагменты глазурованной керамики с орнаментом, выполненным желтой и зеленой краской, целая чаша с черным, желтым и зеленым орнаментами, аналогичная чаше из слоев IX в. в шурфе на Алтынтепе, кувшин с невысоким рельефом штампованной орнаментацией. Таким образом, к IX в. здание давно было заброшено.

¹ С т а в и с к и й Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951-1959 гг. - МИА СССР, № 124, М.-Л.: Наука, 1964, с. 125. (Труды/ТАЭ; Т. 4)

² Там же, с. 173.

³ Н е г м а т о в Н. Н. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 году. - В сб.: Археологические работы в Таджикистане. Вып. 10. М., 1973, с. 98-99.

⁴ Н и л ь с е н В. А. Становление феодальной архитектуры... с. 144.

⁵ Там же, с. 153.

Материал из помещений чрезвычайно малочисленен. Это черепки тонкостенной керамики с кремовым в изломе черепком, фрагменты толстостенных лепных котлов с выступающими налепными ручками, имеющими как бы шишечку-выступ в верхней части, несколько миниатюрных лепных сосудиков, миниатюрный же эйнохойевидный кувшинчик с боковым сквозным отверстием и кольцевидной ручкой. Найдены фрагмент сосуда с оттиском в виде человеческой головки, и небольшой фрагмент крупного бронзового сосуда.

Весь этот материал недостаточно выразителен для точной датировки, однако определенные пределы можно назвать — это период VI-VIII вв. Котлы аналогичны материалам нижних слоев шурфа на этом же поселении и на городище Алтынтепе, некоторую параллель можно провести с Кургантепе. Строительный материал (сырцовый кирпич 48-50 x 25 x 8-9 см) широко применялся также в строительстве Кашкадарьи этого времени. На эту же дату указывают и конструкции парадного зала.

Канон строительства подобных залов с "эстрадами" скорее всего сложился в Центральном Согде. В долине Кашкадарьи пример подобного решения зала для приемов, насколько нам известно, встречен впервые. Совершенно очевидно, что для постройки зала был использован северно-согдийский образец. Не только сам зал, суфы, но и даже "эстрада" имела приблизительно такие же размеры, как, например, в Пенджикенте. Но этим сходство ограничивалось. В Пенджикенте эти залы, как правило, украшены росписями, резным деревом, на Киндыктепе стены и суфы очень тщательно обмазаны простой глиняной штукатуркой. В домах горожан или замках парадному залу сопутствовало большое количество помещений различного назначения. На Киндыктепе в доме было лишь два помещения: парадное и хозяйственное. Последнее имело значительные размеры. План дома с квадратным залом и вытянутым вдоль его южной стены вторым помещением, оформлением входа в виде длинного коридора с суфой своеобразен и, видимо, может характеризовать какие-то местные традиции. Дом размещен на высокой платформе, не имеет специальных укреплений, но сама значительная толщина стен, возможно, носила оборонительный характер, поэтому несколько условно здание можно называть домом-замком феодала. Обособленность дома, его господство над поселением также позволяют видеть в

нем замок феодала, у подножья которого и начало складываться поселение.

На площади поселения Киндыктепе вскрыты остатки двух жилых домов периода развитого средневековья. Оба они были расположены на краю поселения.

Раскоп 2 заложен в восточной части поселения рядом с траншеей, прорытой бульдозером. Остатки здания здесь перекрывал разрушенный культурный слой XII в. с многочисленными фрагментами жженных кирпичей, очажков с подставками для них с резным орнаментом, а также керамики. На глубине 60 см местами прослеживался уровень полов, связанный с последним обживанием бугра. Здесь же найден жернов диаметром 34 см, толщиной 7 см и диаметром центрального отверстия 4 см.

Вскрытый ниже дом почти квадратный в плане, размером 7 х 6,5 м, то есть занимает площадь 45,5 м² (рис.29). С наружной стороны дома проходят стены толщиной 65–75 см, внутренние, как правило, более тонкие – 25–40 см. Толщину до 70 см достигают только отремонтированные с двух сторон стены, причем иногда в два ряда приложенными плашмя к стене кирпичами. Основной строительный материал – сырцовый кирпич форматом 34–36 х 17 х 7 см. Дом состоял из четырех помещений.

Помещение I представляло собой, очевидно, подобие вестибюля (южная часть его срыта траншеей) и имело ширину 2,5 м. Проход в восточной стене шириной 75 см вел как бы в распределительный узел размером 80 х 80 см, из которого на север, восток и юг вели проходы примерно такой же ширины в остальные три помещения. Одно из них было расположено в южной части дома, два – в восточной.

Помещение 2 имело размеры 2,4 х 2 м. В углу и у северной стены этого помещения расчищены остатки хозяйственных очагов, вылепленных из глины ручным способом. Один из них имел диаметр 30 см, второй, диаметром 26 см, укреплен, снаружи хастичным навалом фрагментов жженных кирпичей. Еще один миниатюрный очажок располагался у северной стены. Он почти не обожжен, но около него стояла сырцовая заovalенная подставка со следами действия огня. Либо здесь ставился чираг для освещения комнаты (кстати, в комнате найден фрагмент чирага), либо очажок имел культовое назначение.

Помещение 3 было почти квадратным (3,10 x 2,85). Стены, отремонтированные приставленными плашмя кирпичами (дважды употреблены жженые), сохранились в высоту на 40–50 см. В помещении размещалась сливная яма диаметром вверху 60 см, внизу 30 см, выложенная по краям обломками жженных кирпичей, в ней найден фрагмент кабура. Яма заполнена рыхлыми зеленоватыми слоями.

Помещение 4 имело ширину 1,75 м и первоначальную длину 3,75 м, затем стеной-перегородкой площадь его была несколько сокращена. Если считать, что помещения 2 и 3 имели только хозяйственное назначение, то помещение 4 могло служить спальней.

Внешние закраины северной и западной стен дома не сохранились и восстанавливаются по толщине южной и восточной стен. Дом, видимо, принадлежал простым жителям и вряд ли вмещал более 4 человек. Многие стены идут не под прямым углом, неоднократно ремонтировались.

Под полами помещений прошел слой с керамикой X в., возможно первой его половины (с черным и красным эпиграфическим орнаментом по белому фону и резервами с черными точками; с белыми крапинами на черном фоне; мраморовидной с процарапанным орнаментом). Из здания получены фрагменты стеклянных изделий и комплекс керамики, который можно датировать XI в. или концом X–XI вв.

В раскопе 3 Киндиктепе на северной окраине поселения выявлены остатки жилого дома из нескольких небольших помещений. Так, помещение I имело размеры 3 x 2,5 м, было отделено тонкой (25 см) перегородкой от расположенного южнее помещения 3 размерами 3,7 x 3,9 м и соединено проходом с помещением 2 (ширина стены между ними 80 см). В помещении 2 у южной и восточной стен расчищены суфы шириной 70 см. Они очевидно, предназначались для расстановки вещей, на них можно было сидеть. Стены здания сохранились на высоту от 30 см до 1 м. Помещение 4 имело длину 3,6 м.

В помещении 3 на расстоянии 1,3 м от южной стены обнаружен интересной конструкции трехкамерный очаг длиной 90 см, шириной 40 см, высотой 25 см и диаметром "конфорок" по краям 15 и 19 см. В центре тепочное устье расширялось до 25 см и было предназначено для установки крупного котла; на боковые отверстия можно было ставить сосуды небольших диаметров (для кипячения воды и пр.). Перед очагом сделана вымостка размером 55 x 40 см из целых и фрагментов жженных кирпичей форматом 22 x 22 x 4 см.

Дом был квадратным в плане и занимал площадь примерно $9 \times 9 \text{ м}$ (81 м^2). Он, видимо, так же, как и дом из раскопа 2, состоял из четырех помещений. Многое в его плане из-за плохой сохранности не совсем ясно (слой пахоты затронул и так сильно разрушенные стены здания). Не понятна также связь северной половины дома с южной. Стены на стыках построены впритык, а иногда и просто углом к углу без перевязки, направление стен северной части здания сильно сбито по отношению к южной его половине. Однако по взаимосвязанности проходов можно считать, что это одно здание, увеличенное, возможно, со временем в площади.

Керамику из здания по соответствию со стратиграфией Алтын-тепе и комплексами керамики из него можно отнести к XI в. Дом, очевидно, принадлежал рядовому жителю: все стены имеют разную толщину, построены небрежно, часто не под прямым углом.

Еще один дом вскрыт на поселении Ялпактепе, входившем в округу Алтынтепе (рис.30). Раскоп заложен в северо-восточной части бугра. Общая площадь, занимаемая домом, $82,5 \text{ м}^2$. С северной стороны его проходит переулочек шириной в среднем 2 м, с южной — прослеженный на 10 м узкий проход (очевидно, между двумя рядом расположенными домами) шириной 0,8–1,1 м. Дом состоит из 10 помещений, расположенных в два ряда. Размеры и план помещений разные. Поскольку в доме выделяются две группы комнат, каждая из которых имела самостоятельный вход из переулка, можно говорить о членении дома на жилую и хозяйственную части (говорить о двух домах не позволяет схема размещения комнат и небольшая толщина внутренних перегородок, тогда как внешние стены дома почти на всех участках более массивные). Опишем основные комнаты.

Помещение 1 — $2,6 \times 2 \text{ м}$, имеет суфу шириной 30 см и высотой 40 см. У входа и в южной части помещения размещались тандыры диаметром до 1 м.

Помещение 2 — $2,7 \times 2,5 \text{ м}$, в северной стене находится ниша размером $80 \times 30 \text{ см}$.

Помещение 3 — $3,5 \times 2,8 \text{ м}$, в углу расположена ниша размером $40 \times 30 \text{ см}$.

Помещение 4 — $2,2 \times 2 \text{ м}$.

Помещение 7 — $2,6 \times 1,75 \text{ м}$, соединяется с переулком проходом шириной 1,25 м, вход шириной 60 см ведет на юг, откуда рас-

ходятся проходы в помещения 3 и 4, имеются две суфы. Одна, довольно широкая, Г-образной формы, идет вдоль двух стен, вторая образует как бы выступ для сидения размером 0,6 x 0,35 м.

Помещение 8 - 1,5 x 1,5 м, вдоль одной из стен имеет суфу шириной 0,75 м.

Помещение 9 - 4,1 x 2,6 м, соединяется проходом и с северным, и с южным рядом помещений, вытянувшись на длину обоих рядов.

Помещение 10 - 3,5 x 2,55 м, вдоль западной стены тянется суфа шириной 0,85 м.

Помещения 3, 4, 8, 9, 10 могли быть жилыми. Суфы здесь, очевидно, служили местом отдыха. Помещения 1, 2, 7 имели, вероятно, хозяйственное назначение.

В помещении 7 и в переулке находились два круглых и один прямоугольной формы тандыры. В помещении 1 на полу стояло несколько глиняных столиков на трех низких округлых ножках, причем целые экземпляры стояли ножками вниз (с обратной стороны имелся орнамент). Такие же глиняные и алебастровые столики найдены в помещении 7. Предполагаем, что на гладкой стороне этих столиков разделявали тесто, и затем готовые изделия выпекали в тандыре. Наличие в доме не менее 6 таких столиков (судя по обломкам их было больше) позволяет говорить о том, что здесь готовили хлебные изделия не только для семьи, но и на продажу селянам.

В доме обнаружен также верхний круг каменного жернова диаметром 25 см со сквозным отверстием диаметром 4 см и двумя боковыми углублениями диаметром 1 и 1,5 см для стержней, которыми вращали жернов толщиной 4,5 см. Другой жернов диаметром 32 см, толщиной 6 см имел центральное отверстие диаметром 5 см, боковое - 2,5 см с такой же глубиной.

В помещении 2 найдено находившееся, как бы на подставке из сырцовых кирпичей, сооружение типа резервуара, обмазанное внутри алебастром, размером 65 x 60 см с бортиками, сохранившимися на высоту до 18-20 см. Назначение его неясно; возможно, здесь хранили готовое тесто.

В доме обнаружены два крупных (диаметр одного из них 8 см) глиняных штампа - один с ручкой в виде двух высоких стержнеобразных выступов, второй - с кольцеобразной небольшой ручкой.

Орнамент простой, геометрический, сильно углубленный. Мы считаем, что эти штампы могли употребляться для нанесения рисунка на лепешки. Возможно, их применяли и для украшения столиков и достарханов, на которых встречались крупные медальоны с орнаментом, но подобного рода выпуклого орнамента на них не обнаружено.

В помещении 7 размещались хозяйственные очаги, в помещениях 8, 9, 10 очаги, служившие, очевидно, для обогрева.

В доме найдено большое количество неполивной и глазурованной керамики, а также железные ножи, медные ножи, украшения, стеклянные изделия.

Основной строительный материал здания — сырцовый кирпич форматом 34–35 x 17–20 x 7 и 38 x 17–18 x 8 см. Внешние стены имели толщину 0,8 – 0,9 м, внутренние — 0,25 – 0,65 см. Многие стены на своем протяжении разной ширины, часто идут не под прямым углом: даже северная внешняя стена, выходящая в переулок, местами изгибается под прямым углом или дает выступы. Некоторые стены отремонтированы приложенными плашмя сырцовыми кирпичами. По размеру кирпича и найденному материалу здание отнесено к XI– началу XII вв.

Приемы строительства здания во многом перекликаются со зданием раскопа 2 на Киндыктепе: тот же размер сырцовых кирпичей, примерно одинаковая толщина внутренних и внешних стен, одни и те же приемы ремонта (приложенные плашмя к стене кирпичи), совпадение даже такой детали, как наличие крохотного распределительного вестибюля, от которого три прохода ведут в три комнаты. Но общее размещение комнат этих зданий и дома на раскопе 3 Киндыктепе показывает отсутствие стандартных решений в планировке домов сельских жителей. Количество комнат в них могло зависеть и от степени зажиточности семьи, и от количества ее членов. Площади, которые занимали дом раскопа 3 на Киндыктепе и дом на Ялпактепе почти одинаковы.

Таким образом, установлены размеры и характер построек жителей села. Дома рядовых горожан вскрывались на Алтынтепе пока только в шурфах и разрезе, поэтому полной их планировки выявить не удалось. Сопоставление же домов сельских жителей и дома зажиточного горожанина Алтынтепе по планировке, количеству помещений считаем неправомерным. Можно лишь отметить исключительно

редкое применение жженого кирпича на сельских поселениях, да и то, как правило, разноформатного, собранного из развалин разрушенных зданий, большую четкость решения плана помещений в городском здании, наконец, полное отсутствие декора в жилой архитектуре сельских поселений. Однако снова подчеркнем, что раскапывались дома рядовых семей (особенно на Киндыктепе, где они были к тому же размещены на окраине поселения), это не исключает возможности обнаружения декора в домах богатых селян. Б.Д.Кочнев^I на поселении Кафиртепе, например, были раскопаны помещения со стенами из сырца и пахсы, украшенные резным ганчем с раскраской^I.

^I К о ч н е в Б. Д. Раскопки и разведки в Каршинском оазисе... с.529.

ЧЕРТЫ БЫТА И ИДЕОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ

В.М.Массон отмечал, что "сам процесс развития городской культуры как сложное явление, отражающее и общие социально-экономические закономерности, и конкретные события политической истории, все более раскрывается как явление конкретно-историческое"¹.

Выявление конкретно-исторических особенностей, присущих Кашкадарьинскому оазису как в период раннего, так и в период развитого средневековья — одна из задач археологических исследований, проводящихся на территории Кашкадарьинской области. Изучение быта и идеологии населения способствует решению этой задачи.

При раскопчных работах стратиграфического характера, вскрытии жилых домов определены некоторые особенности быта горожан.

Так, почти во всех вскрывавшихся остатках жилых построек X—XII вв. встречены тандыры, а также жернова для размолда муки. Очевидно, выпечкой хлебных изделий занимались в каждом хозяйстве, хотя не исключается, что были и хлебопеки, изготавлившие продукцию на продажу, как для сограждан, так и для приезжих, временно останавливавшихся в городе (это могли быть и транзитные караваны, и жители сел, прибывшие в город). Зерно часто моли также в домашних условиях, тесто, очевидно, обрабатывали на глиняных отоликах-достарханах, часто расположенных рядом с тандырами. Диаметр тандыров 40–65 см, внутри часто прочерчен орнамент в виде вертикальных прямых и волнистых линий.

Обязательной принадлежностью каждого дома были очаги округлой или подковообразной формы, вылепленные из глины и иногда обложенные кусками кирпичей или крупной галькой. Часто в хозяйственных комнатах находилось по 2–3 очага. Своеобразно устройство двухкамерных и трехкамерных очагов, предназначенных для установки разного диаметра котлов и сосудов для приготовления пищи и кипячения воды. Такие очаги встречались как в городах, так и на поселениях.

¹ Древние города: Материалы Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". Л.: Наука, 1977, с.3.

С соблюдением элементарных санитарно-гигиенических требований связано устройство разных по исполнению сливных ям-ташнау. Так, в X ярусе раскопа 3 Алтынтепе (X в.) расчищено непосредственно примыкавшее к стене ташнау размером I x I м, выложенное из жённых кирпичей, по краям которого шел невысокий бортик. В центре устройства был положен кирпич с отверстием диаметром 3 см, закрытым округлой галечкой. При использовании ташнау ее снимали. Под вымосткой находился хум без дна венчиком вниз.

Ташнау на раскопе 8 в коридоре жилого дома размещено в нише. В вымостке пола из жённых кирпичей сделана розетка из поставленных на ребро и выложенных по кругу спаренных кирпичей. Диаметр образующегося отверстия 30 см, на глубине же 22 см положен жернов, центральное сквозное отверстие которого и служило стоком. Это было парадное ташнау, где, возможно, мыли руки хозяева дома и их гости. Для хозяйственных же целей предназначались сливные ямы в помещениях 3 и 4.

Другим видом устройств были бабрабные ямы, иногда совмещавшие функции отхожих мест и мусорных ям. Такие ямы вскрыты на ряде раскопов Алтынтепе, на Кишмиштепе. Размер их 0,8-1,2 м, глубина 1,2-3,5 м.

Металлические орудия труда и предметы быта представлены железными серпами или серповидными ножами, железными ножами, топориками, деталями для скрепления деревянных конструкций, черпаками, ключами, бронзовыми пестами, чашами весов, ложками, щипчиками, зеркалами, усьмадонами, бубенчиками, перотнями и др.¹

На всех раскопах найдены глазурованные чираги, как правило, со следами употребления, служившие для освещения помещений. Встречались и глиняные фонари-фанузы.

Возможно, не случайно, что именно на цитадели найдено несколько чернильниц - предметов, которые могут быть связаны с работой административного аппарата.

¹ Более подробно см.: Лунина С. Б., Аскерова М. Металлические изделия, предметы быта и украшения с Алтынтепе и Ялпактепе: Материалы по истории, историографии и археологии. - Сб. научных трудов ТашГУ им. В. И. Ленина, № 630, 1980.

Нередки находки костяных изделий – плоских полированных пластин, колечек, орнаментированных изделий, гребней.

В употреблении было оконное стекло, изготовлявшееся, возможно, на месте и отличавшееся несколько грубоватой выделкой. Оно имело чаще всего широкие закраины. Стекло в закраинах чуть загибалось, но не уплощалось, оставляя полость.

Широко должны были применяться в быту плетенные циновки из камыша для покрытия земляных полов комнат, перекрытий и пр. Остатков самих циновок обнаружить не удалось, но отпечатки их хорошо сохранились на лепных крышках, которые, очевидно, формовались на циновках крупного плетения. Плетение циновок не было сложным делом и, надо думать, изготовлялись они на месте.

Для характеристики одной из сторон быта горожан важное значение имела находка в жилом доме X–XI вв. костяной продольной флейты – принадлежности народной музыки^I.

В данной работе мы не ставили своей целью подробное описание керамики из раскопов, которая, безусловно, имеет значение не только для датировки, но и для характеристики быта, а ограничались описанием основных особенностей керамики по периодам. Отметим лишь, что такие особенности керамических комплексов X–XII вв., как широкое распространение резного орнамента, многочисленные вариации узоров на крышках, украшение их резным, штампованным и расписным орнаментом, своеобразные группы поливной керамики, зооморфные и антропоморфные элементы в расписной керамике позволяют говорить о локальных чертах применявшейся в быту населения Кашкадарьи посуды.

При сопоставлении комплексов материальной культуры городов и сельских поселений IX–XII вв., в частности по материалам раскопок жилых домов, можно отметить некоторые особенности.

- 1) общий характер керамических комплексов сопоставим: на тех и других можно проследить единую линию эволюции керамики;
- 2) как в городах, так и на поселениях широко употреблялись не только разные виды неполивной, но и глазурованная керамика;
- 3) различия в поливной посуде, найденной, например, в доме

^I В ы з г о Т. С., Л у н и н а С. Б. Музыкальный инструмент из Алтынтепа. – ОНУ, 1978, № 5.

богатого горожанина на Алтынтепе и в доме поселенца на Киндыктепе, заключаются лишь в наличии большого количества тонкостенных изделий, в том числе мелких, типа пиал, в богатом доме с более усложненной орнаментацией, в том числе в виде многообразного эпиграфического орнамента;

4) и в городах, и на поселениях распространялась в X-XII вв. светлофонная неполивная керамика с красным расписным орнаментом, в том числе с изображениями птиц и животных;

5) можно отметить некоторые отличия в украшении очажков и подставок к ним, зависящие как от района распространения, так, возможно, и от связи с городами и поселениями. Так, только на Ялпактепе встречены подставки для очагов с изображениями змей, но изображения змей на крышках отмечены и для Ялпактепе, и для Киндыктепе, что связано с каким-то древним традиционным отношением к этим пресмыкающимся, особенно долго сохранившимся в селах;

6) в инвентаре городов и поселений ощутима разница в применявшихся в быту украшениях. На поселениях украшения, даже бусы, встречаются реже, и они менее разнообразны чем в городе;

7) металлические изделия, находимые в городах, более совершенны по выделке и показывают высокую степень специализации ремесленников при производстве как бытовых, так и ювелирных изделий.

Приведенные наблюдения носят пока сугубо предварительный характер и будут расширены по мере накопления материала и увеличения возможности дальнейшего сопоставления. Считаем все же, что при явном разграничении функций города и деревни, в Кашкадарьинском оазисе недостаточно отличалась культура городов от культуры сельских поселений, что лишь отчасти объясняется тем, что в сельские поселения поступала, прежде всего, именно ремесленная продукция города.

Вопрос об идеологии городского и сельского населения Кашкадарьинского оазиса можно рассматривать только в совокупности данных, собранных для периода раннего и развитого средневековья.

Важное значение для понимания религиозных представлений населения Кашкадарьи поры поздней античности - раннего средневековья имели раскопки на городище Еркурган. Здесь вскрыты остатки городского храма III-VI вв. н.э., центральное святилище ко-

торого представляло собой крупный зал с колоннами и нишами¹. Последние украшены росписями. В завалах найдены фрагменты глиняной и ганчевой скульптуры с раскраской и позолотой. Среди инвентаря обнаружены курительницы, светильники, зеркала, изображения лягушки, идола, фантастического животного и пр. В пользу существования в Кашкадарье развитой зороастрийской религии или ее разновидности говорит распространение здесь оссуарной погребальной обрядности. В Еркургане раскопана башнеобразная дахма. В ряде пунктов долины вскрыты оссуарные некрополи, встречены отдельные оссуарии со своеобразной иконографией².

В раннесредневековом Согде особую роль играл культ огня. Отправление его было связано с храмами, специальными "домами огня" либо с домашними святилищами. Сообщения источников о храмах и домах огня в свое время обобщены А.М.Беленицким³. Согласно этим данным, храмы и дома огня существовали в Самарканде, Бухаре, Рамитане и других местах. Археологически подтверждено существование специальных святилищ и домов огня. Так, считается, что здание дворца на Афрасиабе на первом этапе своей жизни в VI-VIII вв. могло служить домом огня⁴.

¹ Сулейманов Р., Исамиддинов М., Сабиров К., Нефедов Н. Раскопки на городище Еркурган. - АО 1974 года. М., 1975; Сулейманов Р., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н. Раскопки на городище Еркурган. - АО 1975 года. М., 1976; Они же. Раскопки городища Еркурган. - АО 1977 года. М., 1978.

² Крашенинникова Н. И. Маршрутное обследование Китабского района. - АО 1976 года. М., 1977, с. 550; Дресвянская Г. Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда. - ОНУ, 1983, № 3; Кабанов С. К. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе. Ташкент, 1950, с. III. (Труды/ИИИА АН УзССР; Т. 2).

³ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пенджикентских храмов: Живопись древнего Пенджикента. М.: АН СССР, 1954, с. 53-57.

⁴ Ахраров И., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба. Ташкент: Гафур Гуляма, 1971, с. 60.

Культовое назначение предполагается для часто обнаруживаемых в домах шахристана Пенджикента декоративных пристенных очагов-алтарей¹.

Отправление культа огня в храмах и домах было связано с применением курильниц, культовых предметов, светильников. Живопись Согда и археологические находки показывают, что курильницы были стационарными и переносными. Настенные росписи Варахши, Пенджикента фиксируют их широкое применение в связи с культом в VII-VIII вв.

Небольшие курильницы в виде глубоких чаш на высоких полых конусовидно расширяющихся вниз подставках обнаружены на ряде раннесредневековых памятников Кашкадарьи².

Интересен комплекс культовых предметов IV-V вв., найденных у алтаря огня в святилище городского храма Еркургана. В их числе оказалось около 40 целых и обломков курильниц. Считают, что в них происходили посвященные божеству воскурения масел и ароматических веществ³.

В Нахшебе в III-V вв. н.э. распространены еще и своеобразные лепные светильники-плошки с зооморфными ручками. С.К. Кабанов считает, что здесь, также как и в сосудах каунчинской культуры, изображен фарн-охранитель, но если кангуйцы в своем фарне выражали почитание воды, то древние жители Нахшеба — огня⁴.

Были найдены обломки курильниц и на Алтынтепе в слоях VII-VIII вв. Некоторые из них имели орнамент в виде ступенчатых

¹ В о р о н и н а В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. — МИА СССР, № 124, 1964, с. 67.

² К а б а н о в С. К. Согдийское здание V в. н.э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан). — СА, 1958, № 3, с. 150; О н ж е. Раскопки на Шор-тепе..., с. 84; О н ж е. Нахшеб на рубеже... с. 20.

³ И с а м и д д и н о в М., С у л е й м а н о в Р. Х. Комплекс ритуально-культовой керамики IV-V вв. из Южного Согда. — ИМКУ. Вып. 13, 1977, с. 67-68.

⁴ К а б а н о в С. К. Нахшеб на рубеже..., с. 118-119.

зубцов. Важна их находка в стратиграфически четко обозначенных слоях, ибо в идущих выше слоях VIII–IX вв. и особенно IX в. уже начинают встречаться как крупные, так и миниатюрные орнаментированные сырцовые очаги и подставки к ним.

Таким образом, смена курильниц орнаментированными очажками четко прослежена стратиграфически. Видимо, это связано с начавшимся распространением ислама, когда применение специальных культовых предметов – курильниц оказалось невозможным, и функции их переходят к очажкам, связь которых с продолжавшим сохраняться культом огня большинству исследователей представляется несомненной.

Пониманию характера местных культов перед арабским завоеванием способствовали плоские терракотовые плитки и иконки из долины Кашкадарьи. Одна из них, найденная при распашке бугра к северу от Шахрисябза, опубликована С.К.Кабановым¹. По его описанию, она представляет изображение человека в головном уборе с рогами, держащего в руках булаву. Иконка датирована им сначала первыми веками нашей эры, а затем не ранее V в.н.э.² Крупный фрагмент такой же плитки найден нами на Камайтепе. Высокие рога здесь отходят непосредственно от головы персонажа. В левой руке он держит, очевидно, круглый плод, правая рука поднята вверх, пальцы раскрыты. Не касаясь здесь трактовки изображений, отметим лишь распространение подобных иконок в районах среднего и верхнего течения Кашкадарьи. Подобные плитки часто встречаются и в Зеравшанском Согде, но иконография персонажей там иная.

Несомненно, что наиболее полноценный материал для характеристики распространенных в Согде в VI–VIII вв. культов дают в настоящее время росписи, рельефы и резьба Пенджикента. Обобщая многолетние их исследования, А.М.Беленицкий и Б.И.Маршак приходят к выводу, что в этот период местная религия Согда обладала

¹ Кабанов С. К. Две терракоты из долины Кашкадарьи. – ИМКУ. Вып.3. Ташкент. 1962, с.54–55.

² Кабанов С. К. Культура сельских поселений..., с.102.

детально разработанной иконографией, а в состав пантеона входили божества стихий, небесных светил, большую роль играл культ предков¹.

В Южном Согде до арабского завоевания были развиты различные формы поклонения огню и распространен культ местных божеств, существовала зороастрийская погребальная обрядность, но иконография изображений на оссуариях и иконках носит локальный характер.

В том, что в IX–XII вв. жители долины Кашкадарьи исповедовали ислам, сомневаться не приходится. Ибн Хаукаль и Макдиси пишут о соборной мечети Кеша, Истахри и Макдиси – о соборной мечети Несефа. Б.Д.Кочнев обнаружил остатки последней в южной части рабада². Были мечети и в других городах, например ее остатки вскрыты на городище Алтынтепе.

Распространяется мусульманский обряд погребения. Свидетельство тому – изучавшиеся кладбища поры развитого средневековья. Так, в 1980 г., когда в окрестностях Алтынтепе проводилась распашка мелких бугров и нивелировка площади под посевы, примерно в 700 м к юго-западу от основного бугра при обследовании площади распашки обнаружено кладбище. Были проведены раскопочные работы. На вскрытом участке кладбище имело регулярный характер, могилы были расположены по одной линии и шли параллельными рядами (рис.31). С запада на восток кладбище прослеживалось на расстояние 100–120 м. Вскрыты 10 могил, обложенных сырцовыми или жжеными кирпичами. Погребения проведены по мусульманскому обряду: погребенные лежат на спине, ориентированы в направлении север-юг, голова повернута на запад. Судя по формату кирпичей, кладбище можно датировать X–XI вв. Это было городское кладбище, обозначившее также юго-западную границу города этого периода.

Несколько захоронений по тому же обряду, но датированных XII – началом XIII вв. было раскопано в 250 м от основного бугра. Наличие в этой же части пригорода ряда разрушенных могил

¹ Б е л е н и ц к и й А. М., М а р ш а к Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента. – В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, 1976, с.79–80.

² К о ч н е в Б. Д. Работы в Каршинском оазисе..., с.554.

указывает на размещение здесь кладбища, что было связано с сокращением общей площади города в XII в.

Большое количество мусульманских захоронений обнаружено в верхнем слое при раскопках, проводимых на Сигиртепе к востоку от Алтынтепе. По мнению Г.Я.Дресвянской, их также можно датировать XII в. Несколько черепов из могил Алтынтепе и Сигиртепе переданы Т.К.Ходжайову для антропологического исследования. Согласно предварительному заключению (автор искренне признателен Т.К.Ходжайову за возможность пользоваться этими данными), погребенные относятся к европеоидному памиро-ферганскому типу с наличием монголоидной примеси. Население данного района оказалось наиболее близким по антропологическим данным земледельческому населению X-XIII вв. Шулюктепе, старого Термеза, т.е. прежде всего других районов юга Узбекистана.

При несомненном господстве в долине Кашкадарьи идеологии ислама отмечаются и пережитки домусульманских культов. Прежде всего, здесь продолжают существовать святилища огня. Помещение VIII-IX вв., трактуемое как домашнее святилище огня, открыто на Таллисортепе¹. Этим же временем датируется расчищенное на городище Сарытепе 2 (на берегу Чимкуртанского водохранилища) помещение, в котором находился сырцовый алтарь-очаг с фасадом, оформленным рядами углубленных декоративных ниш. Перед очагом был помещен лоток с отверстием и бортиками по краям. Поскольку под лотком находилось ташнау, З.И.Усманова и Г.Я.Дресвянская приходят к выводу, что лотки использовались не только для возжиганий, но и для культовых возлияний. Эти же авторы именуют все сооружение "микрохрамом"². На площади поселения найдена также головка идола с тюркскими чертами лица, внутри которой лежали стеклянные, каменные, глиняные бусы. Задняя часть головки уплощена (очевидно, она прислонялась к стене), в верхней части сделано отверстие. Принадлежность головки культу несомненна. Известно, что идолопоклонство сохранялось в Средней Азии по крайней мере до IX в.³

¹ Кочнев Б. Д. Раскопки Таллисортепе..., с.526.

² Усманова З. И., Дресвянская Г. Я. Новые данные..., с.21-23.

³ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии. . . , с.60.

По стратиграфическим данным, в Уш в. еще продолжают встречаться курильни, но в IX-X вв. на смену им приходят орнаментированные очаги и связанные с ними, а иногда и находящиеся отдельно очажные подставки (рис.32), которые в X-XI вв. были и круглыми, и квадратными, и прямоугольными (обязательно с бортиком); для XII в. круглые подставки нам неизвестны. Такие подставки могли выполнять утилитарную роль, облегчая вытравливание золы из очага, но часто несли и декоративные функции.

Следует отметить, что орнаментированные очаги встречались на всех раскопах, распространяясь как в городах, так и в сельских поселениях наряду с обычными очагами, имевшими хозяйственное назначение. Это уже наводит на мысль о разграничении их функций. Если для больших орнаментированных очагов еще можно предположить их размещение в жилых помещениях, скажем для обогрева, то существует еще и группа миниатюрных очажков, практическое использование которых вообще невозможно.

Отдельные экземпляры очагов богато орнаментированы геометрическим и растительным орнаментом, украшены трехчетвертными колонками или полуколоннами. На очагах и подставках для них встречаются изображения, связанные, явно, с пережиточно сохраняющейся символикой. Таковы изображения птиц или птицы у дерева на очажках и подставках с Алтынтепе, наленные изображения змей на очажных подставках с Ялпактепе и др. С культом огня связана и найденная В.Д.Жуковым на Сарытепе в зоне Чимкурганского водохранилища и опубликованная И.Ахраровым и Л.И.Ремпельем чирагхона в виде вылепленного из глины купольного здания с декорированным выступающим порталом¹.

Все указанное заставляет думать, что изготовления и размещение в домах орнаментированных очажков, в частности миниатюрных, украшение их изображениями дерева, птиц, змей, стилизованных животных связано с продолжающимся распространением культа огня, сочетающегося с пережитками других культов.

На основании изучения самаркандских очажков IX-XII вв. Г.А. Пугаченкова и Л.И.Ремпель пришли к выводу, что очажки использо-

¹ А х р а р о в И., Р е м п е л ь Л. И. Резной штук Афрасиаба..., с.130.

вались в ритуальных целях, что в них либо возжигали огонь святильника, либо воскуряли особые травы, о чем свидетельствует и репертуар богатой орнаментации¹. Г.В.Шипкина также связывает очажки с культом².

Известно, что в X в. в Средней Азии еще сохранились секты зороастрийцев, и что до XIII в. продолжала практиковаться зороастрийская обрядность³. Одно из свидетельств сохранения культа и традиций зороастрийских святилищ огня – открытие на городище Джигербент в Хорезме здания X в. из двух комнат, в одной из которых размещен антропоморфный очаг. Проведенные аналогии позволяют усматривать в постройке зороастрийское святилище, где в малой комнате горел огонь, а в большой совершались жертвоприношения⁴. По О.А.Вишневской и Ю.А.Рапопорту, здание могло принадлежать хорезмийским зороастрийцам, в среду которых проникли традиции "народного" огнепоклонства и даже идолопоклонства (антропоморфность очага).

Таким образом, сохранение в народной среде сект, связанных с зороастризмом (или его разновидностями), а также пережитков зороастризма и связанного с ним культа огня в X–XII вв. является несомненным фактом. Вместе с тем, представление о сакральной силе огня и особое почитание домашнего очага сохранялось в Средней Азии вплоть до нового времени⁵. Тем более интересно и важно проследить характер сохранения пережитков старых культов в период развитого средневековья.

¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Самаркандские очажки. – В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент: Гафур Гуляма, 1972, с.223.

² Шипкина Г. В. Городской квартал VIII–XI вв. на северо-западе Афрасиаба. – В кн.: Афрасиаб. Вып.2. Ташкент, 1973, с.154.

³ Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с.10 (Труды/ХАЭЗ; Т.6).

⁴ Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе. – В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с.108.

⁵ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.:Наука, 1969, с.188,191.

На наш взгляд, с пережитками домусульманских представлений и традиций связана и орнаментация расписной кашкадарьинской керамики, где присутствуют изображения дерева, полумесяца, птиц, солярные знаки, многочисленные и своеобразные изображения животных и птиц на поливной и неполивной керамике, крышках и других изделиях, что еще должно послужить предметом изучения.

По археологическим материалам IX-XII вв. из Кашкадарьинского оазиса можно увидеть сложную картину переплетения мусульманской идеологии с пережитками древних обрядов и культов, господствовавших в регионе в доисламский период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии рассмотрены города Кашкадарьинского оазиса VIII–XII вв. на основе обобщения первых итогов многолетних археологических работ. Ставились такие задачи как уточнение типов городов, анализ их функций, изучение планировки, динамики развития, связи с природной средой, культура городского населения. По возможности выявлялись внутрорегиональные и межрегиональные связи городов, характер материальной культуры городов и поселений, общее и частное в развитии средневековых городов. Исследовались сельские поселения, с которыми город развивался в диалектическом единстве.

Урбанизация долины Кашкадарьи началась в античный период с возникновением двух крупных городов в нижней и верхней частях долины. Количество выявленных раннесредневековых городов пока невелико. Мы не исключаем, что в некоторых случаях остатки раннесредневековых городов перекрыты городами более позднего периода, однако в целом урбанистические тенденции в Кашкадарьинском оазисе в V–VII вв. проявлялись слабо. Увеличение количества городов и их территориальный рост приходится здесь на X–XI или IX–XI вв. (нижняя граница еще нуждается в уточнении), что, видимо, связано с новым этапом развития феодализма, который вступил в фазу своей зрелости, и с входением в состав крупных государств (прежде всего саманидского), способствовавшим стабилизации обстановки, развитию экономики и росту городов. Конечно, характер динамики городов в развитой фазе феодализма в долине Кашкадарьи еще нуждается в дальнейшем изучении, но то, что к X–XI вв. урбанистическая среда становится неотъемлемой частью общего развития региона, представляется несомненным.

Археологически вычленяется большее количество городов, чем указано в письменных источниках, не столько потому, что некоторые города могли не попасть в поле зрения средневековых географов (а отчасти это, конечно, так и было), а главным образом потому, что за основу выделения древние авторы никогда не брали принцип экономического развития, а определяли город или по его значению в политико-административной системе, или

по наличию в нем соборной мечети. Мы же основывались на размерах занимаемой ими площади, топографии частей города, структуре и, прежде всего, на наличии следов значительного развития ремесленных производств.

Во многих случаях возникают затруднения при попытке отнести в разряд городов те или иные поселения. Существовали переходные формы между селом и городом. Это могло быть хорошо укрепленное крупное поселение с замком и заселением окрестностей, производящее впечатление трехчастного городка, аграрное поселение с развивающимся ремесленным производством, чему благоприятствовало, например, размещение на торговом пути и др. Такие поселения отражают возможные стадии перерастания в города.

Сосредоточение ремесла в городах и углубление разделения труда между городом и деревней должно было сопровождаться развитием в городах товарного производства. Возрастала экономическая функция городов. Возникавший товарооборот между городами и деревней способствовал развитию товарно-денежных отношений, однако материала для суждения об их уровне недостаточно (находки монет в кашкардинских городах пока не слишком частое явление). Очевидно, натуральный обмен также не исключался из сферы торговли, существовал и обмен товарами между городом и кочевниками, обитавшими в степных районах области, между городами и горными поселениями, жители которых занимались добычей руды и первичной плавкой металлов.

В период X-XII вв. начали исчезать ремесленные производства на сельских поселениях, что было связано с их концентрацией в городах; ремесло сохранялось лишь в крупных поселениях, на основе которых могли со временем возникнуть города. В последнем случае лишь определенный уровень развития ремесла служил одной из основ для перерастания поселения в город. Побудительным же толчком к развитию ремесел могло явиться расположение поселения в центре оазиса, размещение на торговом пути, близость к источникам сырья, традиции ремесла и многое другое. Однако ремесло в сельских поселениях, как это показали раскопки, например, гончарных печей, застойного характера: зачастую сохранялись примитивные приемы технологии.

Для ремесла в городах, очевидно, было характерно мелкое производство. Например, мастерские гончаров включали 1-2 печи.

Ремесленник сам реализовывал свою продукцию, чаще на месте производства (об этом свидетельствует, в частности, находка 31 монеты на площадке у одной из печей), но, возможно, и на базарах. Стандартизация печей и специализация ремесла были развиты слабо.

В городах концентрировалось ремесло (кварталы, участки производства), отличающееся от домашнего сельского производства более высоким уровнем техники и технологии, что, в свою очередь, создавало предпосылки для товарного производства, производства для обмена, торговли, а не только удовлетворения собственно городских нужд. Усилились различия в культуре городов и сельских поселений (наличие в городах монументальных сооружений общественного назначения, капитальный характер части жилых домов, развитие декоративно-прикладного искусства, связанного с архитектурой и пр.). Города первыми воспринимали общие достижения культуры соседних регионов. Вместе с тем, в бытовом инвентаре, керамических комплексах отмечается близость городской и сельской культуры, что характеризует определенный этап развития различий города и деревни и лишь отчасти может быть объяснено оживленными связями между ними. Однако на данной стадии изученности такие выводы могут носить характер предварительных суждений.

Города региона участвовали в межрегиональной торговле, но активности их в международной торговле не наблюдается, что зависело, очевидно, от низкого уровня товарно-денежных отношений и более слабого по сравнению с крупными городами других регионов экономического развития. Следует говорить о преобладании внутреннего рынка.

В городах сосредоточивалось ремесло, торговля, они выполняли функцию центров сельскохозяйственной округи, в том числе, очевидно, административную (возможно, регулятивные функции, связанные с налоговой феодальной системой).

Разрастающиеся в IX-X вв. города, безусловно, требовали значительного притока населения. Считается, что основу такого пополнения могли составлять переселяющиеся в город кочевники, переходившие к оседлости. Не отрицая такой возможности, отметим следующее. Кочевое население, переселявшееся в города, могло быть на первых порах лишь потребителем, ибо связанный с природной средой опыт кочевника мало приложим к искусственной среде города за небольшими исключениями (например, работа на ско-

тобойне по переработке продуктов скотоводства и пр.). Неизмеримо выше была приспособляемость жителя сельских поселений земледельческих районов, переход которых к городским условиям труда подготовлен опытом создания искусственной среды в присущих его образу жизни условиях (строительство жилищ, ирригационных сооружений, владение домашними ремеслами и пр.). Приспособление же кочевника к городской среде, а затем его участие в производстве, требовало длительного периода адаптации. Дефицит рабочих рук в городе покрывался прежде всего за счет сельского населения — сельских ремесленников или разорившихся крестьян.

Как указано выше, в отдельные периоды культура кочевников оказывала определенное влияние на культуру городов и поселений. Процессы оседания кочевых племен отмечаются и по археологическому, и по антропологическому материалу. Местное население испытало на себе влияние тюрков-кочевников, в оазисах оседали кочевые племена с довольно выраженными монголоидными особенностями.

Все исследованные города Южного Согда разрастались в IX–XI или X–XI вв. Появления новых городов в XI–XII вв. мы пока не наблюдали, что перекликается с данными письменных источников по самаркандскому Согду. О. Г. Большаков также считает, что новых городов в XI–XII вв. здесь не появилось. О динамике развития города в XII в. мы имеем лишь отдельные наблюдения. Не отмечено слоя XII в. на Сарыктепе, во всяком случае на части его пригорода. В XII в. несколько сокращается в размерах Алтынтепе, в то же время на обживавшейся площади накопились значительные слои, интенсивно развивалось в это время ремесленное производство.

Наиболее крупные города Кашкадарьинского оазиса занимали вместе с пригородами площадь 150–200 га, наибольшее количество городов имели площадь от 15 до 80 га, были и мелкие городки площадью 5–9 га.

На данном этапе исследований трудно сравнивать насыщенность городами областей Каша и Несефа. Сплошное обследование Каша для составления археологической карты еще не закончено и, возможно, выявлены не все памятники, идентифицируемые с городами. Интенсивность жизни в Китабо-Шахриябзском районе издревле была, несомненно, более высокой, чем в западных районах в связи с благоприятными природно-климатическими условиями для проживания человека, развития его культуры.

Кеш включал, по некоторым сведениям, и долину Гузардарьи. Судя по археологическим данным, городов здесь было больше, чем в Несефе и, возможно, больше, чем сохранилось сейчас. Дело в том, что для строительства новых городов и поселений, освоения районов под земледельческие культуры, ирригационное строительство, особенно широко ведущееся в последние годы, именно здесь уничтожалось и уничтожается большое количество памятников, среди которых могли быть и давно превратившиеся в руины средневековые города. Те из них, которые, может быть, существовали, но не упоминались в письменных источниках, ныне безвозвратно потеряны для науки.

Большинство городов Кашкадарьинского оазиса имело трехчастное членение (цитадель, шахристан и пригород). Таковы Несеф, Безда, Кесба, Субах, Чандарактепе, Чимкургантепе, Сарыктепе и др. Но есть и города, не укладывающиеся в эту схему. На Алтынтепе часть города, разместившаяся вокруг цитадели, либо утратила стену, либо вообще ее не имела. На Гышатеpe нет четко выраженной цитадели. Из двух частей состоит шахристан Гурджартепе.

Многие города Южного Согда VIII–XII вв. складывались на основе раннесредневековых поселений. Динамика развития их в данном случае заключалась в сложении цитадели либо на базе замка (в таком случае она обычно имела небольшие размеры, например 40 x 40 м, 60 x 60 м), либо на базе поселения или поселения с замком (тогда размеры цитадели достигали значительной площади — 160 x 160 м, 180 x 180 м и др.) и разрастании вокруг цитадели собственно города (одной или двух его частей).

Более редкий для Кашкадарьи случай, когда центр города перемещался (в X–XII вв.) в рабад, а цитадель и шахристан продолжали обживаться, но слабо, наблюдается на Таллисортепе в Каршинском оазисе.

Иногда города демонстрируют высокую степень приспособленности к ландшафту местности. Так, для строительства Чимкургантепе использованы удобная площадь в излучине Кизылдарьи, естественные возвышенности адыров, саи, выполняющие роль рвов. Уже сам рельеф местности частично выполнял фортификационную роль.

Проведенные за последние годы в долине Кашкадарьи археологические работы позволили по-новому раскрыть содержание средневековой культуры региона, о которой долгое время в связи со

слабой изученностью существовало представление как об одной из самых отсталых культур Средней Азии. Несомненно, культура Кашкадарьи развивалась в общем русле основных направлений средневековой культуры Средней Азии. Выявлены некоторые особенности, характерные именно для данной историко-культурной области.

Археологическое изучение городов Кашкадарьинского оазиса VIII-XII вв. будет продолжено. Одна из задач будущих исследований — выявление микроструктуры отдельных частей городской территории. Получены первые данные о социальной структуре кашкадарьинских городов, но вопросы социальной организации можно будет рассматривать во всей их полноте лишь при гораздо большем объеме материала, чем тот, которым мы сейчас располагаем.

В работе сделана попытка в соответствии с имевшейся в нашем распоряжении информацией (источники, данные разведочных и раскопочных работ, археологический материал) рассмотреть вопросы экономики, торговли, роли городов, типологии городских поселений, динамики их развития в одном из среднеазиатских регионов, выявляя особенности этого развития в VIII-XII вв., проводя сравнительно-исторический анализ. Мы исходили при этом из того, что "целостная структура общественной жизни представляет собой сложную иерархию различных субструктур"¹. В числе последних чрезвычайно важно выделение и изучение городов и сельских поселений, рассмотрение их характера на каждом этапе и взаимосвязей между ними, так как "город и деревня представляют собой такие специфические структуры, которые своеобразно воспроизводят целостную структуру общества на данной ступени его развития"².

Проведенные исследования позволили определить общие тенденции урбанизации Южного Согда в VIII-XII вв., выявить ранее неизвестные по письменным источникам города, установить их облик и динамику развития.

¹ Я х и е л Н. Город и деревня. Социологические аспекты. М.: Прогресс, 1968, с.16.

² Там же, с.24.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
ИИИА АН	- Институт истории и археологии Академии наук
ИМКУ	- История материальной культуры Узбекистана
ИЭ	- Институт этнографии
КАТЭ	- Кашкадарьинская археолого-топографическая экспедиция
КСИА	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
ОНУ	- Общественные науки в Узбекистане
СА	- Советская археология
ТАЭ	- Таджикская археологическая экспедиция
ХАЭЭ	- Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЮТАКЭ	- Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Кашкадарьинский оазис	8
Города поры развитого средневековья	20
Стратиграфическое изучение.	45
Экономика региона и городское ремесло	67
Приемы строительства в городах и поселениях	92
Черты быта и идеологии населения.	109
Заключение.	121
Приложения.	128

П Р И Л О Ж Е Н И Я

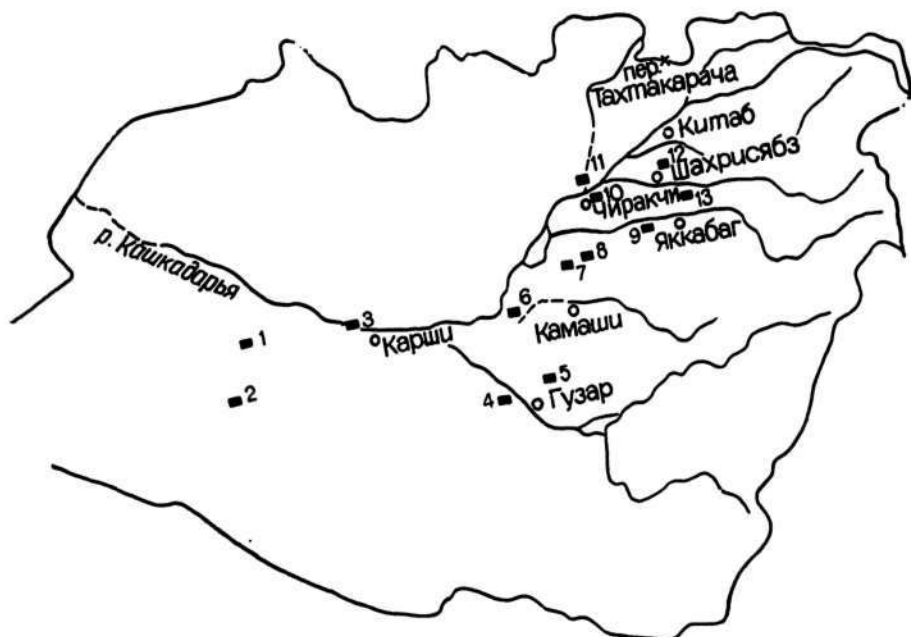

Рис. 1. Средневековые города долины Кашкадарьи:

1 — Касби (Кесба), 2 — Куни Фазли (Безд), 3 — Шулюктепе (Песеф), 4 — Элюктепе (Сунбах), 5 — Ходжабузруктепе (Некифати), 6 — Камайтепе, 7 — Алтынтепе, 8 — Гишатепе, 9 — Чимкургантепе, 10 — Кишмиштепе, 11 — Чандарактепе, 12 — Кеш, 13 — Сарыктепе.

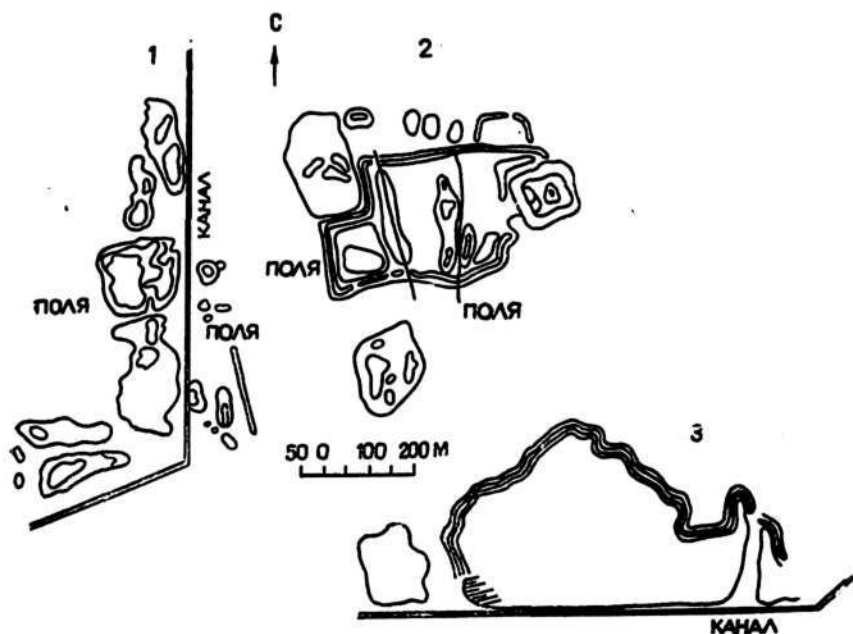

Рис. 2. Планы городищ Алтынтепе (1), Камайтепе (2), Кишмиштепе (3) (съемка Г. Афанасьева).

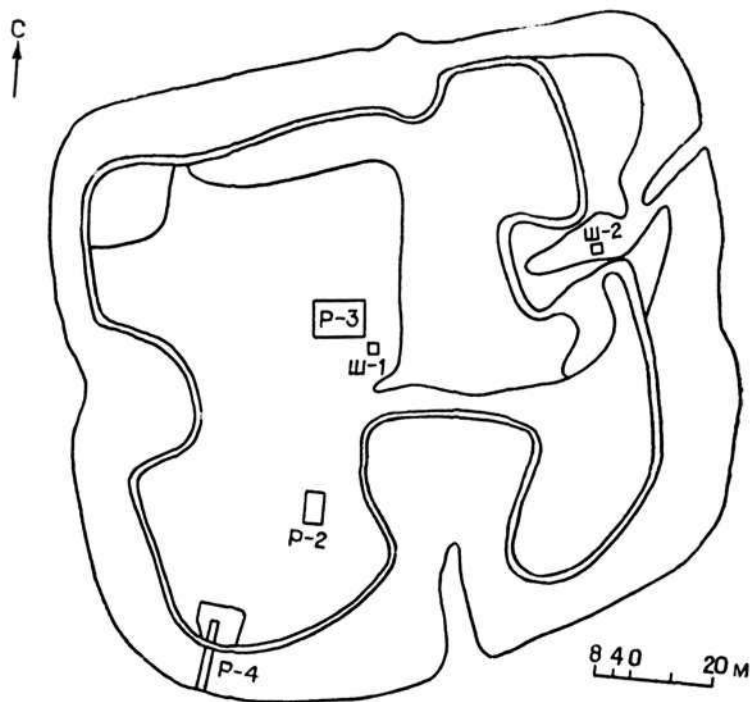

Рис. 3. План центрального бугра Алтынтене.

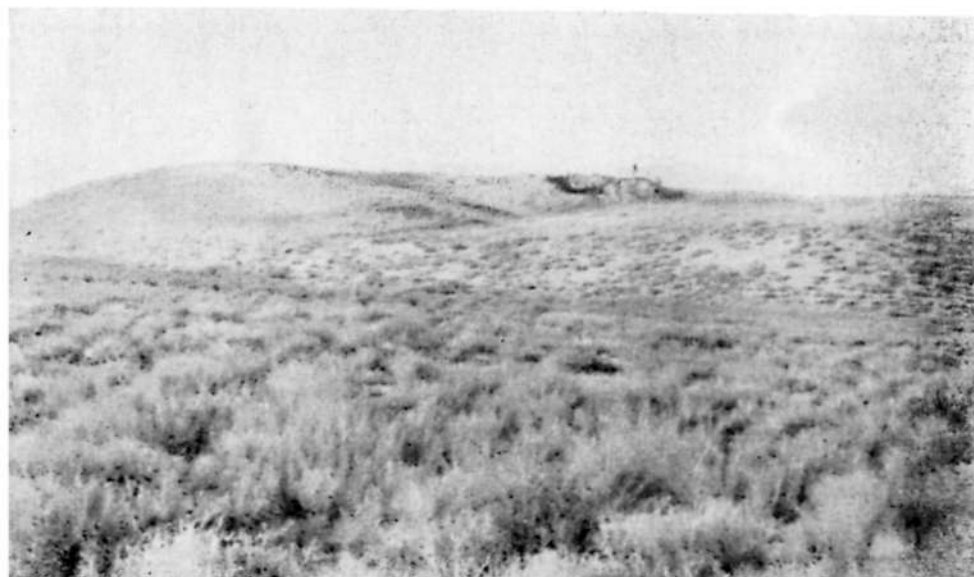

Рис. 4. Общий вид Алтынтене.

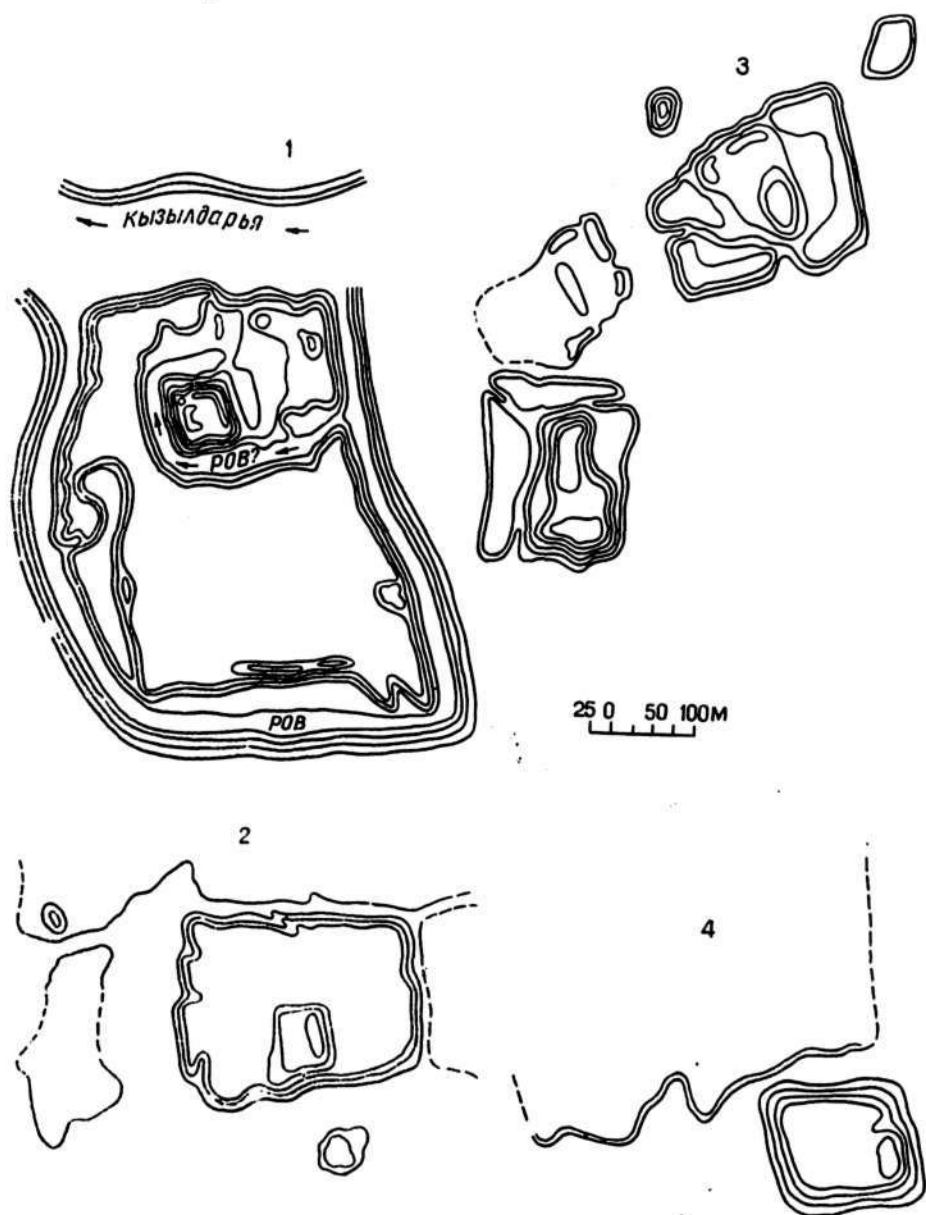

Рис. 5. Планы городищ (съемка А. Сагдуллаева) Чимкургантене (1), Чандарактене (2), Гышатене (3), Алтынбаштене (4).

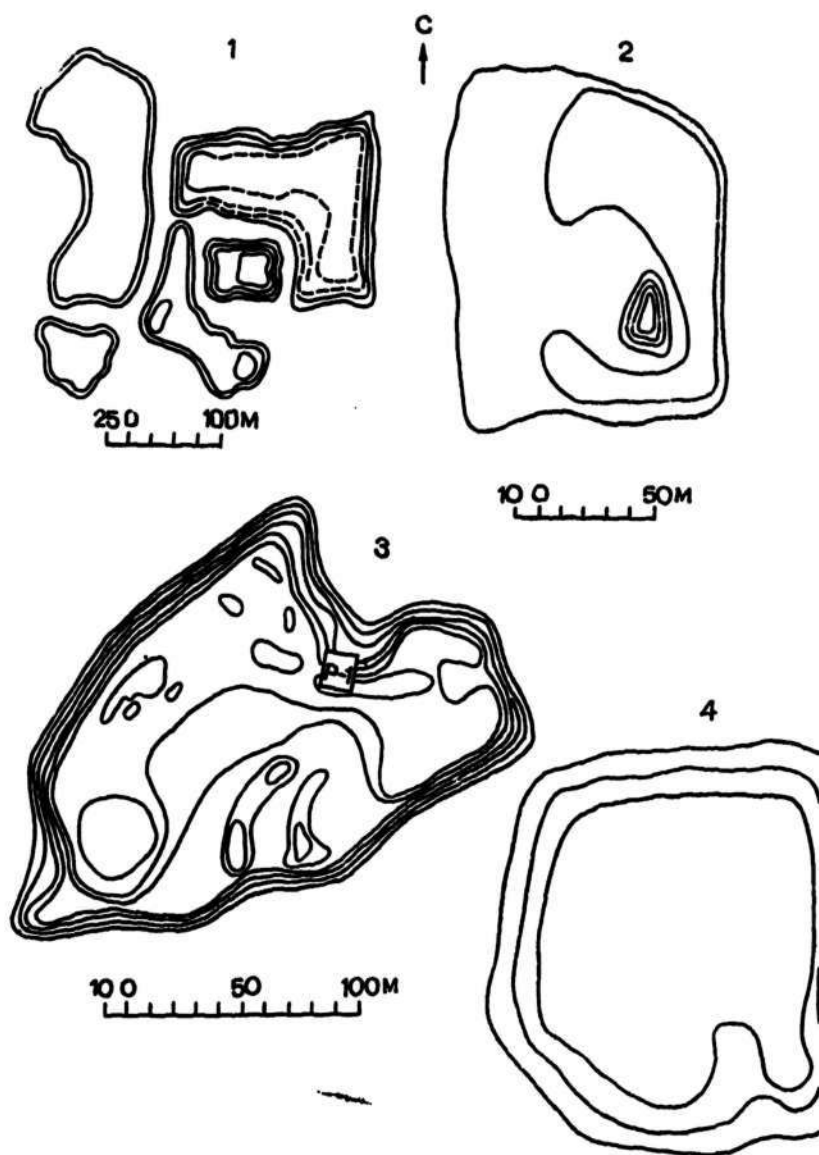

Рис. 6. Планы поселений Сарыктепе (съёмка А. С. Сагдуллаева) (1), Кяндыктепе (съёмка Г. Я. Дресвянской) (2), Ялпактепе (3), Бахрынтепе (4).

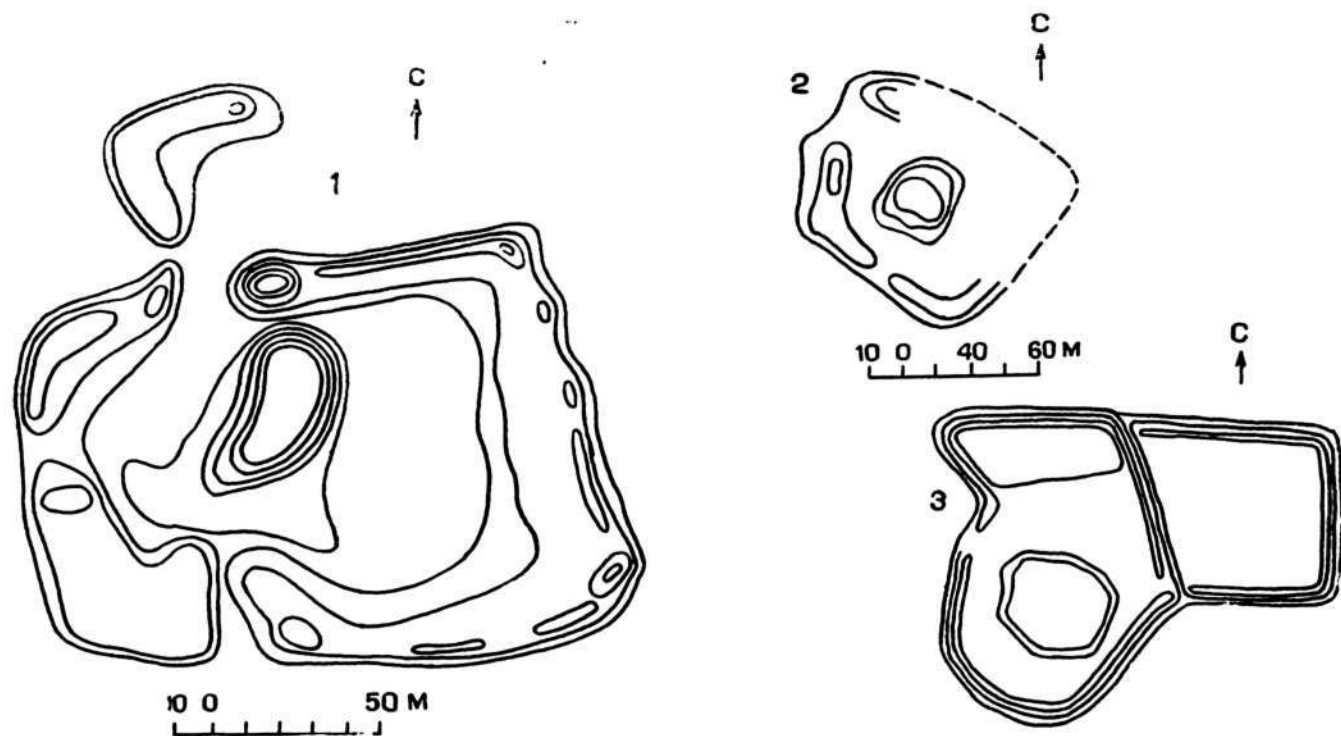

Рис. 7. Планы поселений:
 Сурнайтене (1); Сандаляктене (2) (съемка Г. И. Дрес-винской); Гурджобтене (3) (съемка Г. Афанасьева).

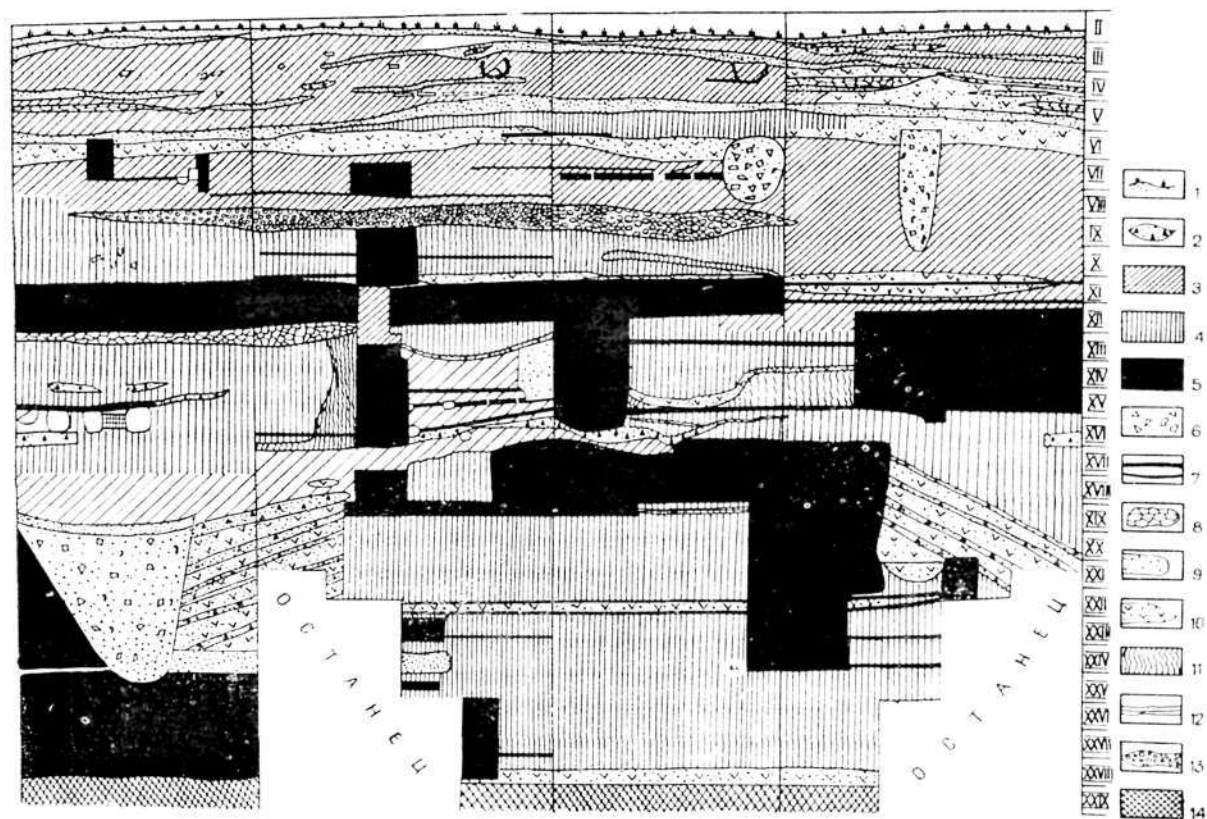

Рис. 8. Развертка стратиграфического раскола 3 на городище Алтын тас.

Рис. 9. Хум XII в. с Алтынтепе.

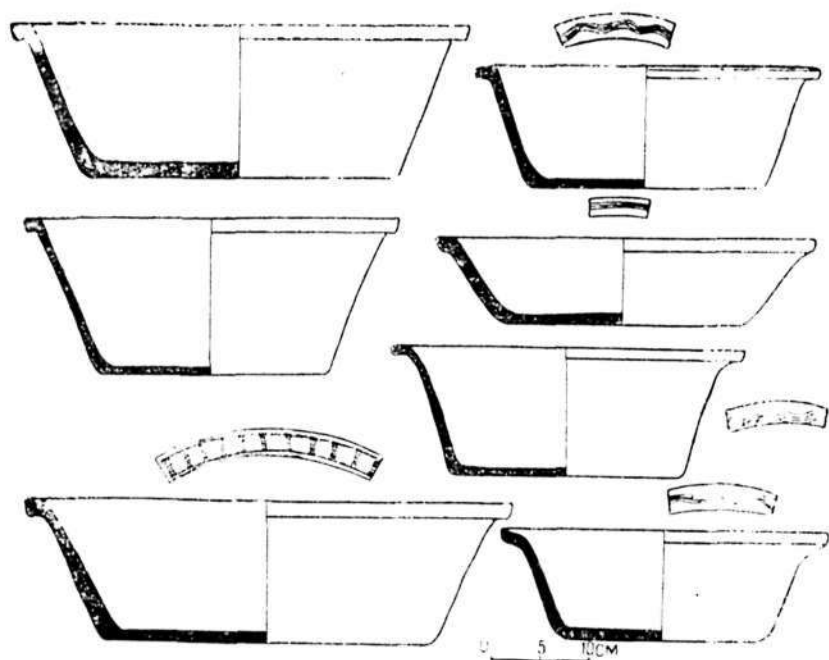

Рис. 10. Тагора XII в. из раскопа 8 из Алтынтепе.

Рис. 11. Глазурированная керамика XII в.

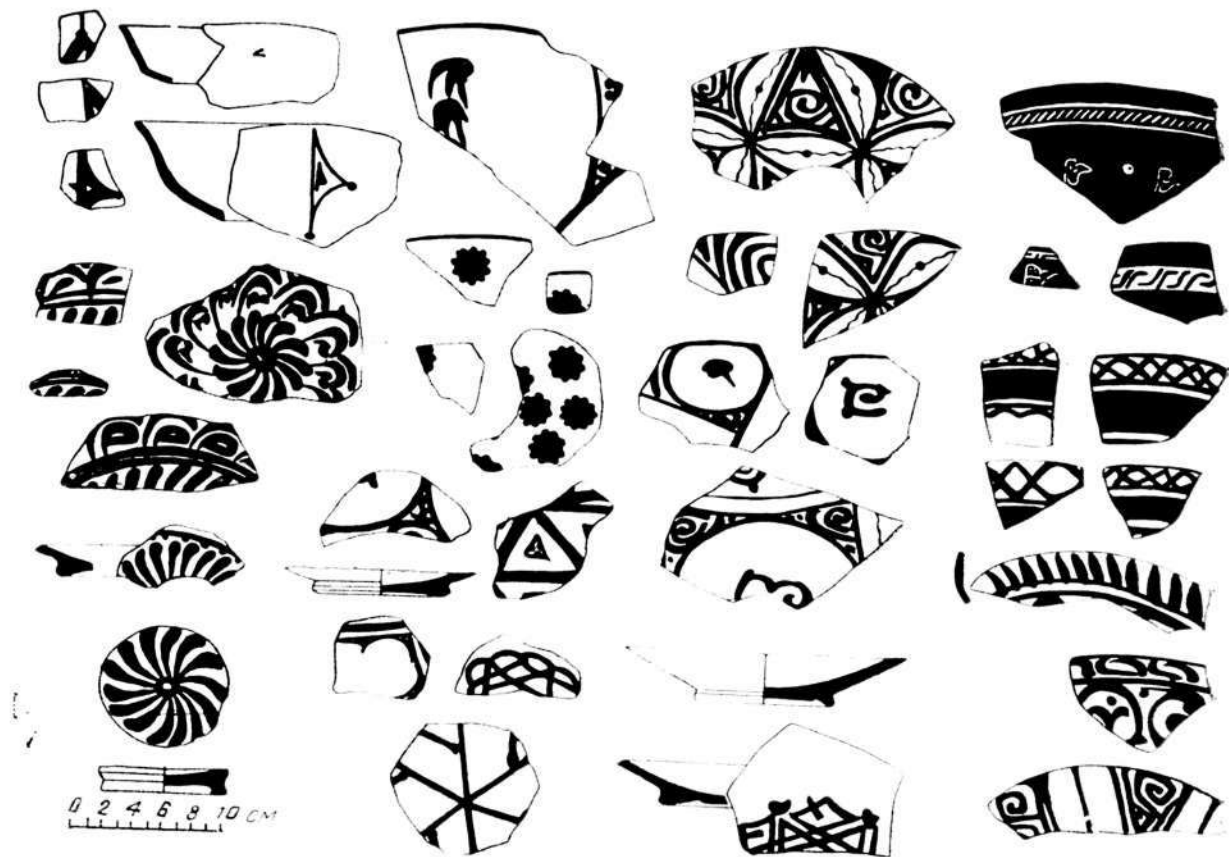

Рис. 12. Фрагменты глазурованных чаш XI в. с Алтынтене.

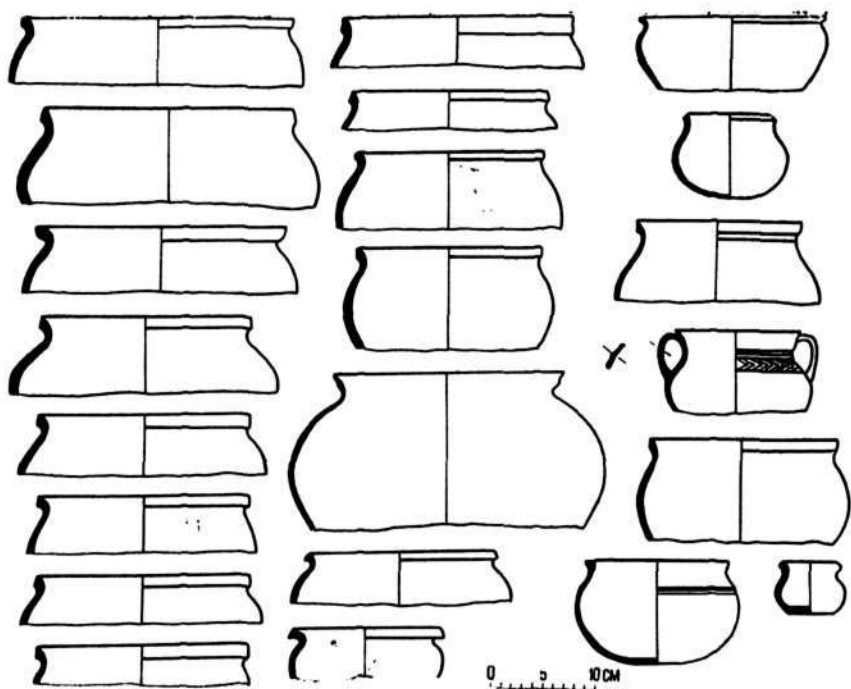

Рис. 13. Неполниная керамика X в. из раскопа 3 на Алтынтөпе.

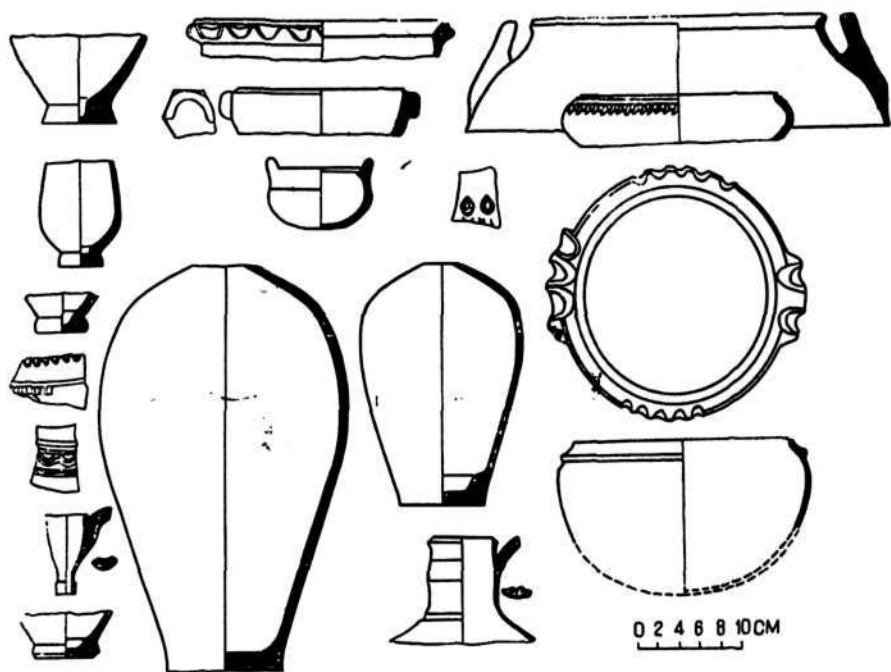

Рис. 14. Неполниная керамика X — начала XI вв. из раскопа 8 на Алтынтөпе.

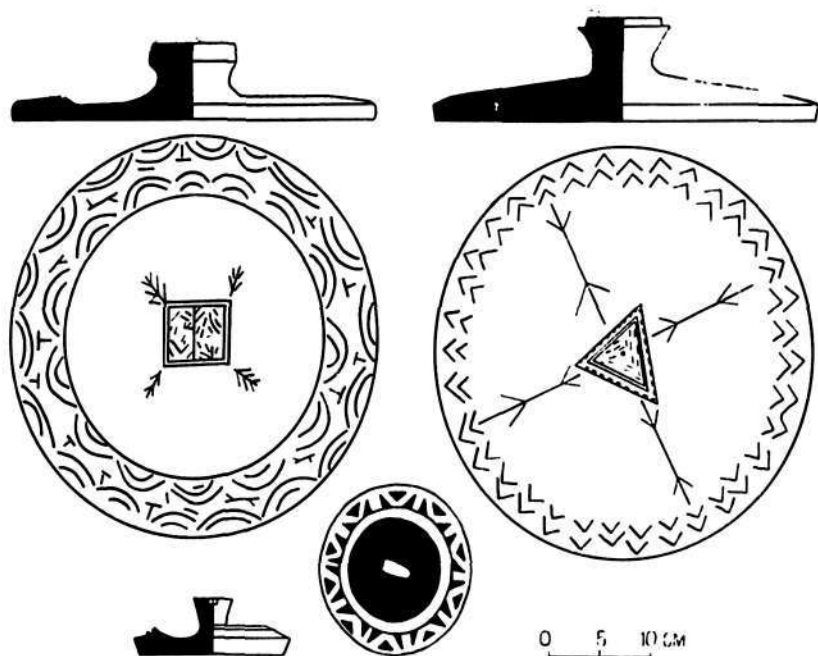

Рис. 15. Крышки X - XI вв. из раскопа 8 на Алтынтепе

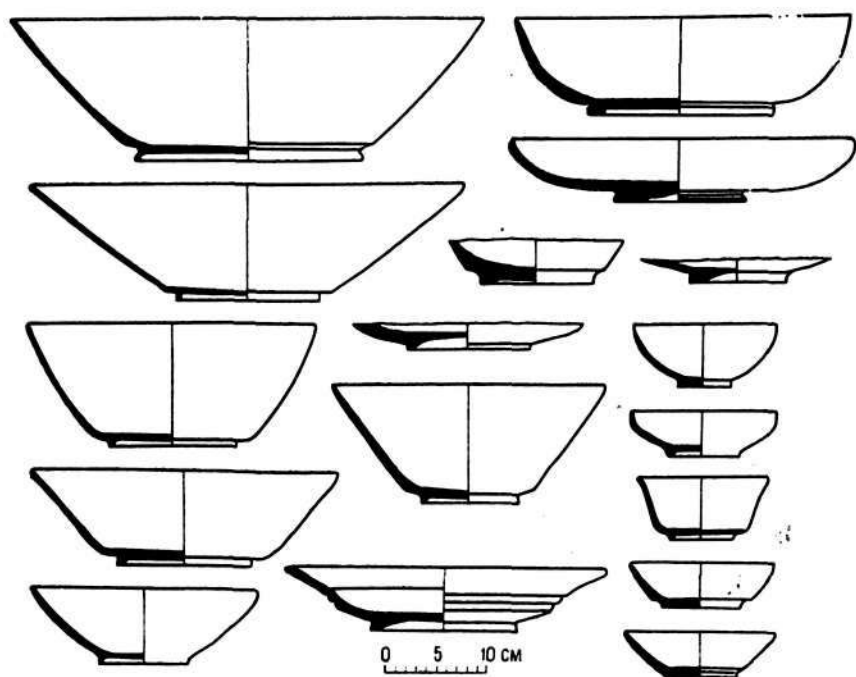

Рис. 16. Формы глазурованных чаш X - начала XI вв. с Алтынтепе

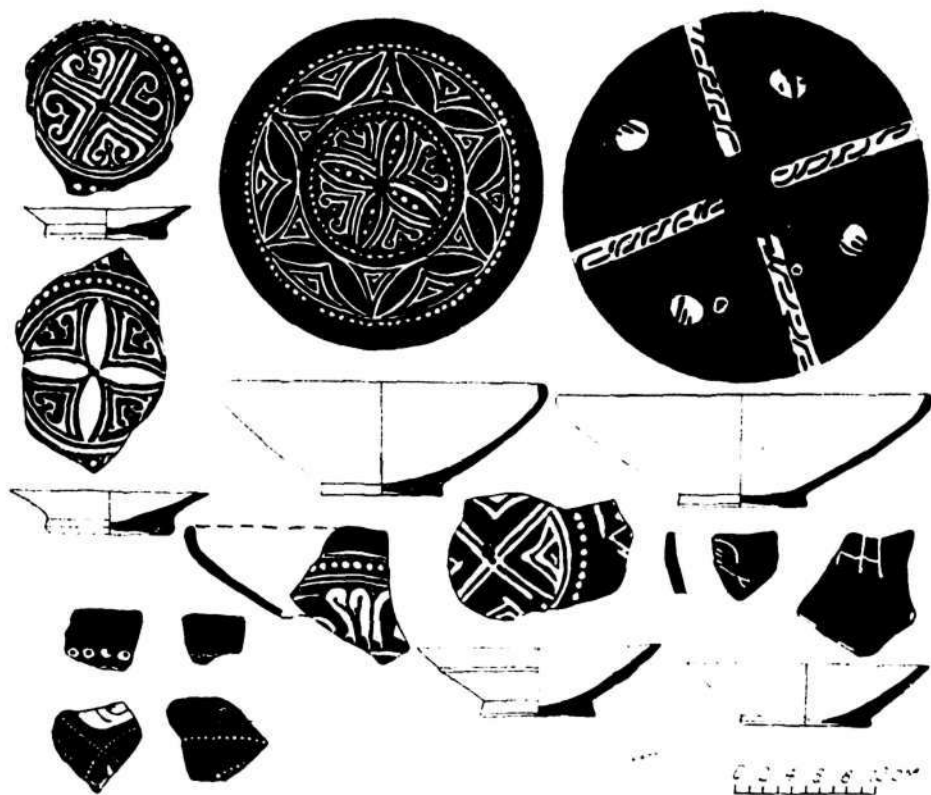

Рис. 17 Глазурованная керамика X — начала XI вв. с Атлантиса.

Рис. 18 Фрагмент керамики X в. с изображением
"геометрии"

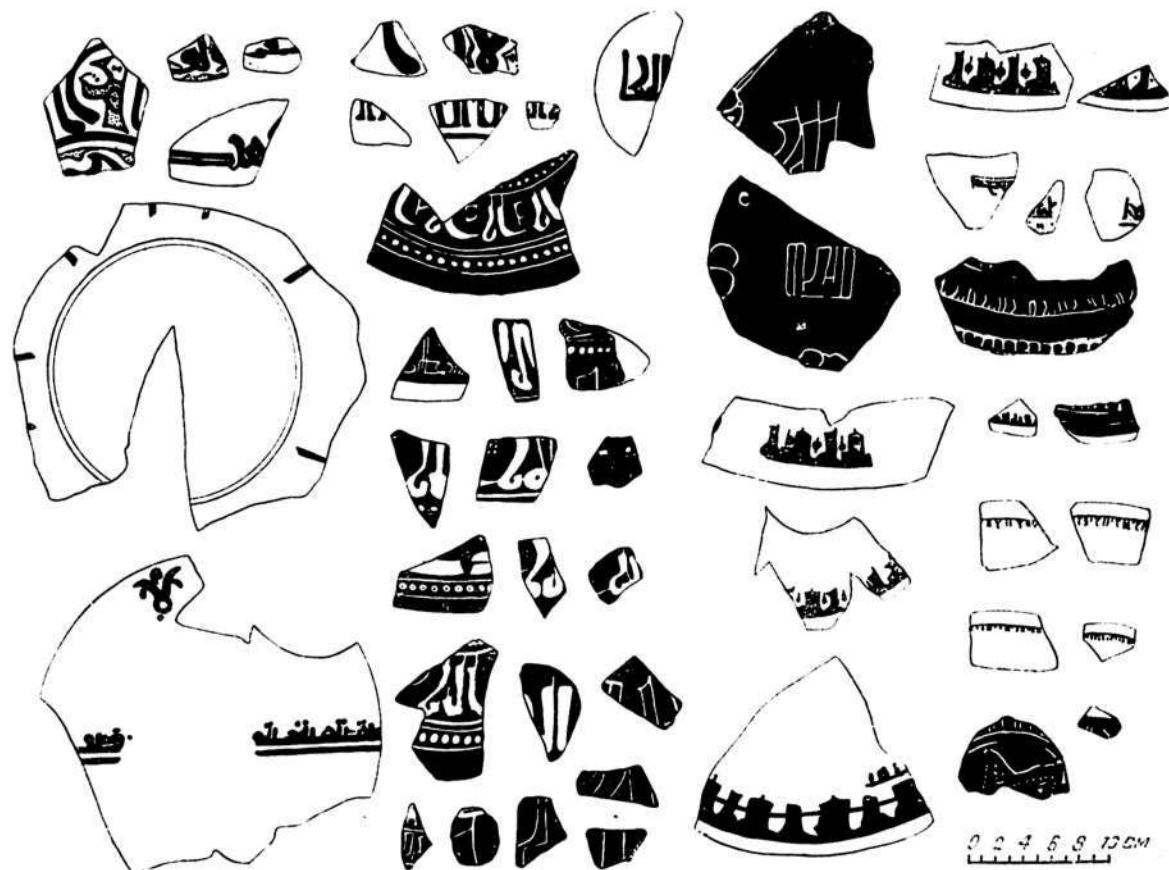

Рис. 19 Керамика с энграфическим орнаментом из раскопа 8 на Аттыгеше.

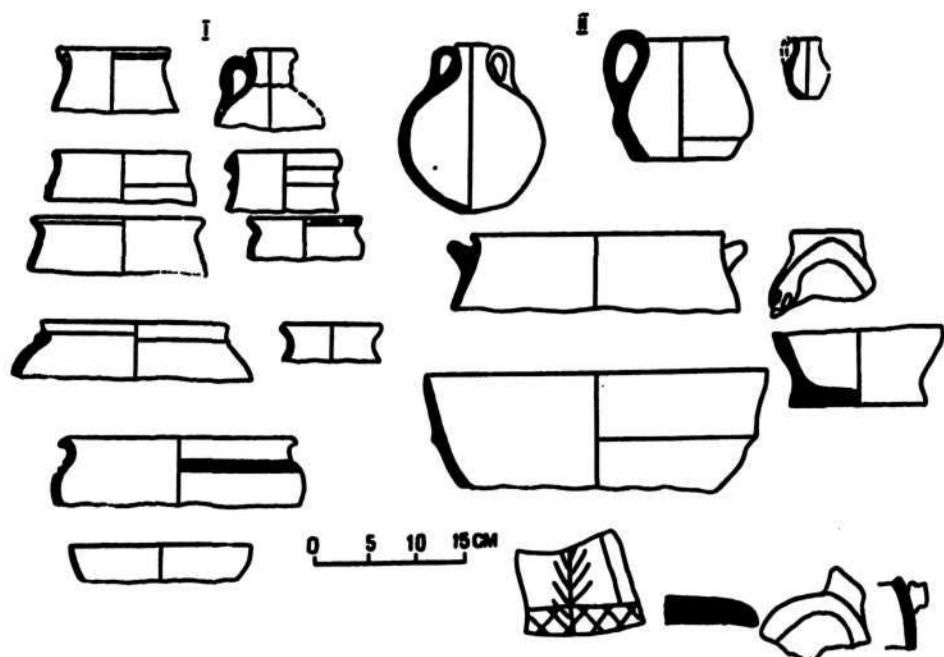

Рис. 20. Керамика VII-VIII вв. из раскопа 4 на Алтынтепе, сделанная на гончарном круге (I) и лепная (II)

Рис. 21. Фрагмент сосуда VIII в. с Алтынтепе.

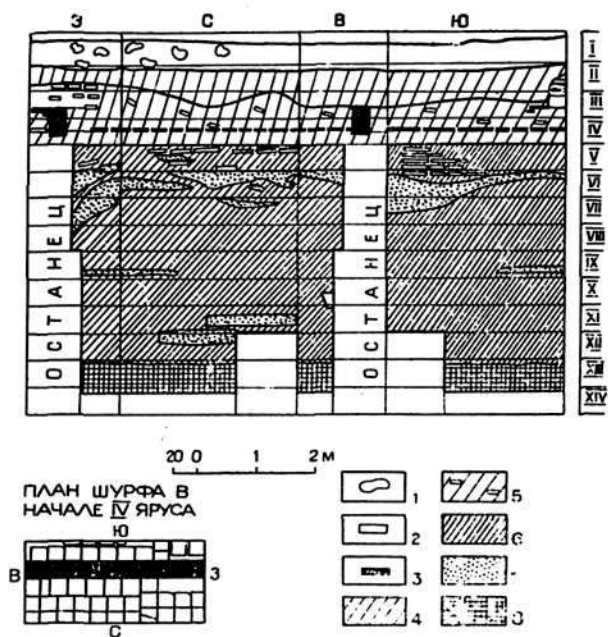

Рис. 22. Развертка шурфа на Киндыктепе:
1 — слой пашоты; 2 — сыровые кирпичи; 3 — жженные кирпичи; 4 — рыхлый натечно-надувной слой; 5 — слой завала сырца; 6 — натечно-надувной слой средней плотности; 7 — зола; 8 — материковый слой.

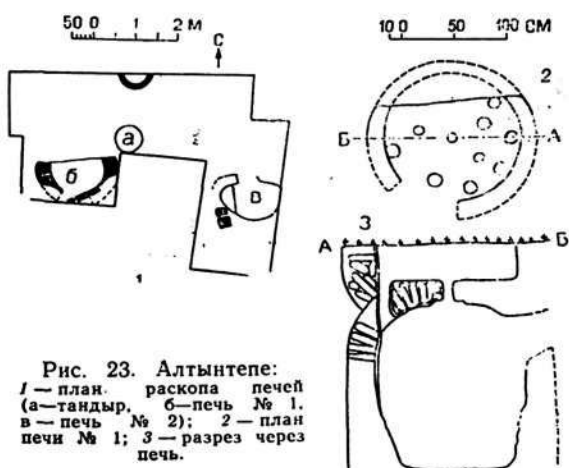

Рис. 23. Алтынтепе:
1 — план раскопа печей (а — тандыр, б — печь № 1, в — печь № 2); 2 — план печи № 1; 3 — разрез через печь.

Рис. 24. Образцы изделий со штампованным орнаментом (внизу справа — фрагмент штампа — калыба для орнаментирования керамики с изображением рыбок).

Рис. 25. Кабур XII в. с резным орнаментом

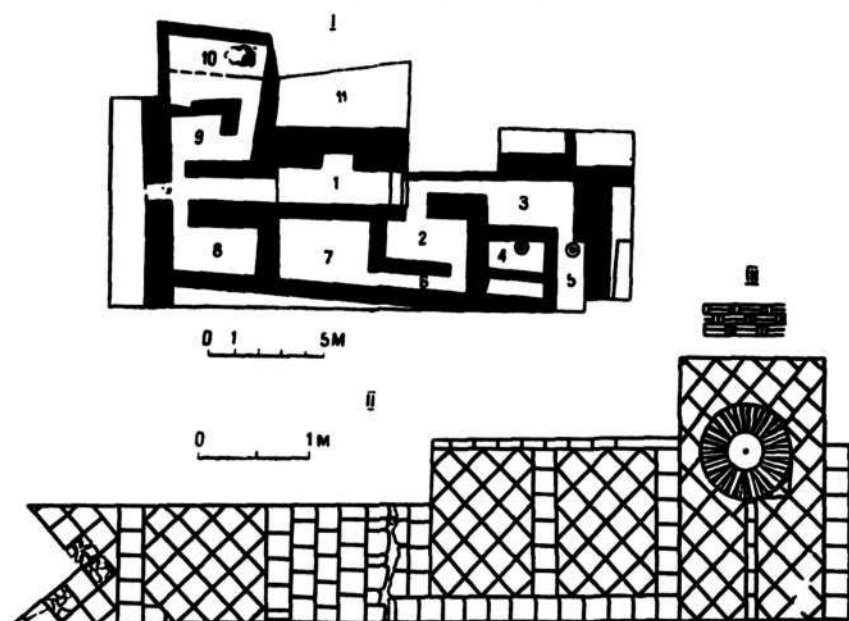

Рис. 26. Алтынтене. I - план раскопа дома X - начала XI вв., II - фигурная выкладка коридора (1); III - узор кирпичной кладки стены; 1 - II - в. помещения

Рис. 27. Фигурная кладка пола и панели в доме X - начала XI вв. на Алтынтене.

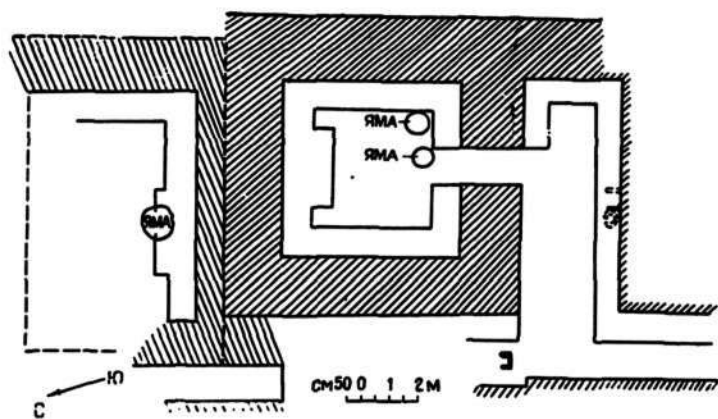

Рис. 28. План дома на Киндыктепе (раскоп 1).

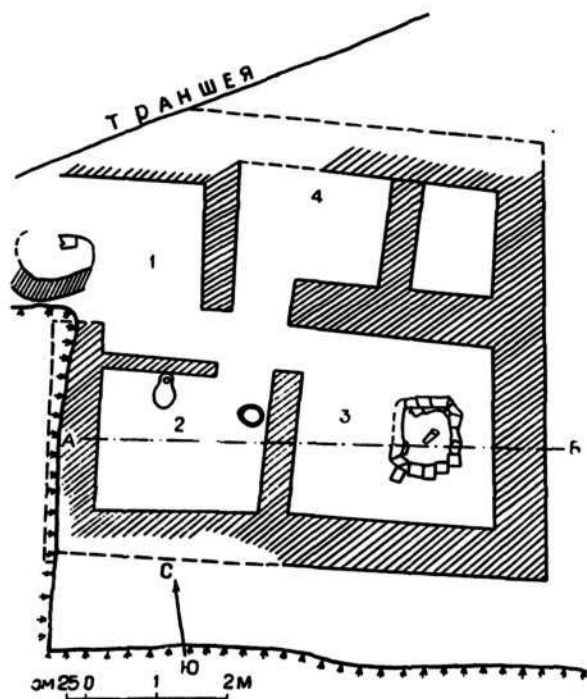

Рис. 29. План дома (раскоп 2) на Киндыктепе (1—4-помещения).

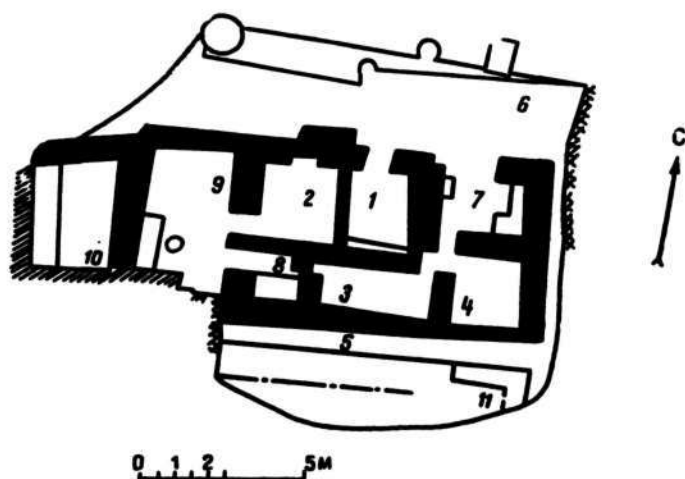

Рис. 30. План раскопа дома XI—XII вв. на Ялнakteне (1—11-помещения).

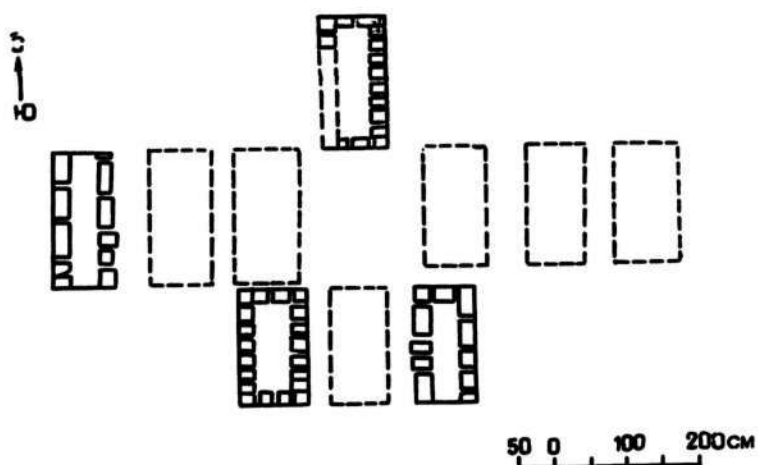

Рис. 31. План участка кладбища XII в. на Алтынкене.

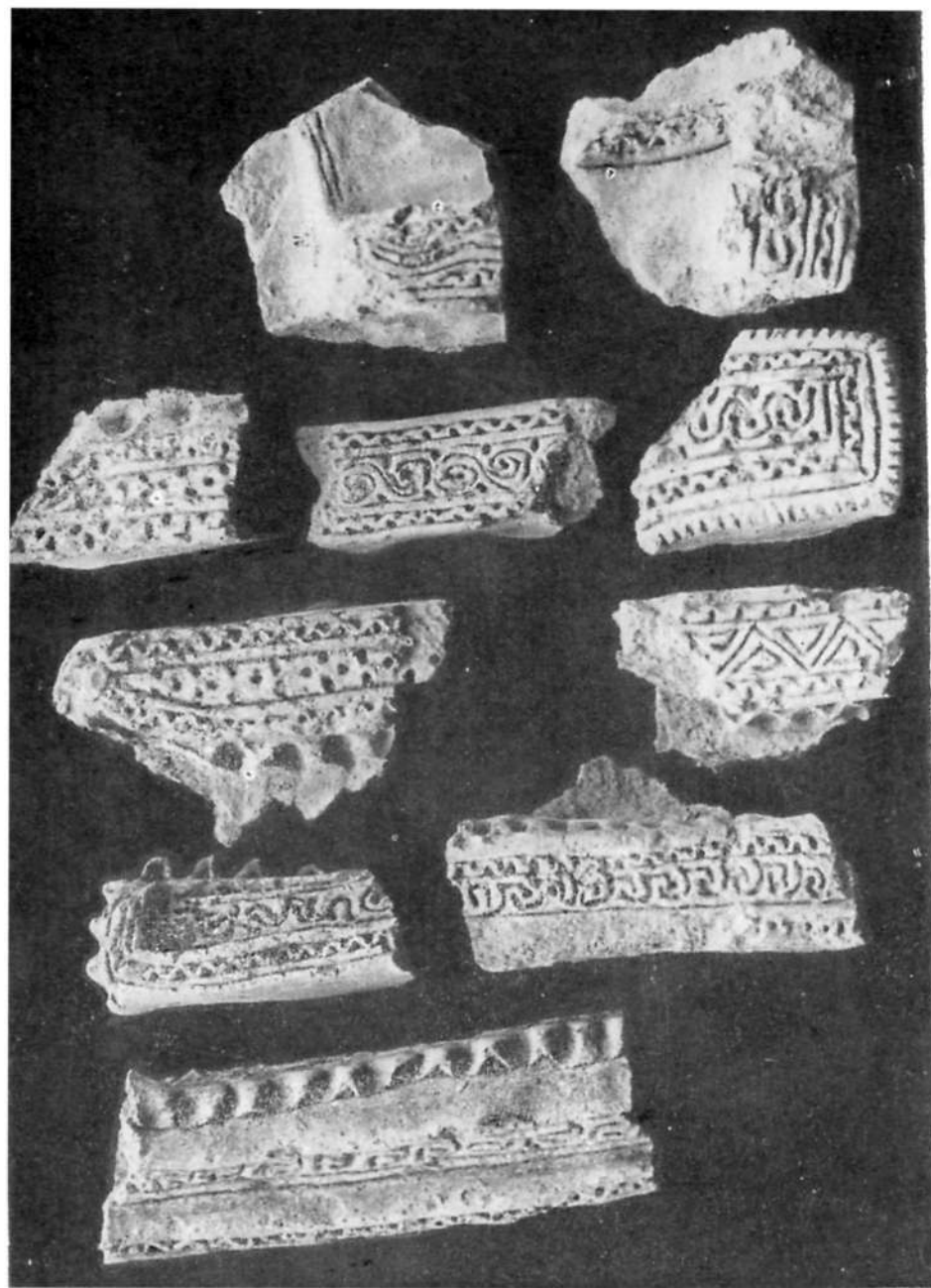

Рис. 32. Фрагменты подставок для печей (Алтынтөпе, XII в.).

Цена 1 р. 20 к

